

Мир Первого Закона

ДЖО АБЕРКРОМБИ

ЛУЧШЕ ПОДАВАТЬ
ХОЛОДНЫМ

ЗЕМНОЙ КРУГ

Земной Круг

Джо Абберкромби

Лучше подавать холодным

«ЭКСМО»

2009

Аберкромби Д.

Лучше подавать холодным / Д. Аберкромби — «Эксмо»,
2009 — (Земной Круг)

ISBN 978-5-699-63211-4

Весна в Стирии означает войну... Девятнадцать лет длятся Кровавые Годы. Безжалостный великий герцог Орсо погряз в жестокой борьбе со вздорной Лигой Восьми. Белая земля меж ними залита кровью. Армии маршируют. Головы летят с плеч. Горят города. А тем временем банкиры, священники и древние темные силы затеяли закулисную возню, цель которой – избрание короля. Война, может быть, и ад, но для Монцы Меркатто, Змеи Талина, самой опасной и знаменитой наемницы на службе герцога Орсо, это еще и чертовски хороший способ заработать. Победы Монцы сделали ее популярной – пожалуй, даже слишком, по мнению ее работодателя. Преданная, сброшенная с горы и оставленная умирать, Монца нашла себя – изувеченное тело и сжигающая душу жажда мести. Чего бы это ей ни стоило, семь человек должны умереть. Весна в Стирии означает месть.

ISBN 978-5-699-63211-4

© Аберкромби Д., 2009
© Эксмо, 2009

Содержание

Бенна Меркатто спасает жизнь	6
I. Талин	19
Земля удачи	20
Похититель костей	23
Рыба на суше	33
Шесть и один	43
Кровавое внушение	45
II. Вестпорт	50
Яд	52
Наука и магия	58
Безопаснейшее место в мире	66
Дурные друзья	70
Две двойки	75
Планы и случайности	77
Расплата	87
III. Сипани	93
Туманы и шепоты	95
Искусство убеждения	99
Жизнь пьяницы	104
В стороне	108
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Джо Аберкромби

Лучше подавать холодным

© Шаргородская И., перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Посвящается Грэйс:

однажды ты прочтешь это и слегка встревожишься.

Бенна Меркатто спасает жизнь

Восход был цвета запекшейся крови. Он растекался по черному небу красными струями, метил золотом перья облаков. На фоне раненых небес казались черными как сажа остроконечные башни крепости Фонтезармо на вершине горы, куда вела дорога.

Красный, черный, золотой. Цвета их профессии.

– Сегодня ты прекрасна как никогда, Монца.

Она вздохнула, словно ничего не знала об этом и не провела битый час, прихорашиваясь перед зеркалом.

– Что есть, то есть. Признание факта – еще не подарок. Ты подтверждаешь только, что не слепой. – Она зевнула, потянулась в седле, давая ему полюбоваться собой. – Надеюсь услышать больше.

Он откашлялся, вскинул руку, как плохой актер перед началом главного монолога.

– Твои волосы... подобны накидке из сияющего собольего меха!

– Индюк напыщенный. Как ты вчера их назвал? Завесой полуночи? Это мне нравилось больше. Хоть какая-то поэзия. Пусть и плохая.

– Дерьмо. – Он прищурился, глядя на облака. – Глаза твои блещут, как лучистые сапфиры, коим нет цены!

– Так у меня камни вместо глаз?

– Губы – лепестки роз!

Она плюнула в него, но он, будучи настороже, увернулся, и плевок угодил в камень на обочине дороги.

– Вот тебе, болван, чтобы выросли твои розы. Придумай что-нибудь получше.

– С каждым днем это все труднее... – проворчал он. – Камушек, что я купил, смотрится на тебе замечательно.

Подняв правую руку, она взглянула на кольцо, которое украшал рубин размером с миндальный орех. В первых проблесках солнца камень кроваво засверкал, как открытая рана.

– Да, дарили мне и похуже.

– Он под стать твоему бешеному темпераменту.

– И кровавой репутации, – фыркнула она.

– К черту репутацию! Все это байки идиотов! Ты – мечта. Видение. Ты... – он щелкнул пальцами, – ...сама богиня войны!

– Хм... богиня?

– Войны. Нравится?

– Сойдет. Сумеешь с тем же пылом целовать в задницу герцога Орсо, может, нам и вознаграждение прибавят.

Бенна выпятил губы, как для поцелуя.

– Ничто мне так не мило с утра, как лицемерье пышных, круглых ягодиц его превосходительства. На вкус они напоминают... власть.

Цокали по пыльной тропе копыта, поскрипывали седла, позвякивала сбруя. Один поворот, другой, и мир остался внизу. Кровавый разлив на востоке выцвел до розовой сукровицы. Взору явилась река, неторопливо несущая свои воды по осеннему лесу в долине у подножия горы. Блистая, как армия на марше, она неуклонно стремилась к морю. К Талину.

– Я жду, – сказал Бенна.

– Чего?

– Своей доли комплиментов, конечно.

– И так уже раздулся от гордости, вот-вот лопнешь. – Она поддержала шелковые манжеты. – Мне ни к чему на новой рубашке твои потроха.

– Сразила! – Бенна схватился рукой за грудь. – Насмерть! Так-то ты платишь мне за преданность, сучка бессердечная?

– Ты всерьез считаешь, смерд, что ты мне предан? Клещ, преданный тигру!

– Тигру? Ха! Обычно тебя сравнивают со змеей.

– Лучше, чем с червяком.

– Шлюха.

– Трус.

– Убийца.

С последним она не могла не согласиться. Оба снова умолкли. Тишину нарушали лишь птичьи трели, доносившиеся с засохшего дерева у дороги. Потом Бенна потихоньку подъехал ближе и нежно сказал:

– Сегодня ты прекрасна как никогда, Монца.

Она улыбнулась краешком рта, тем, который был ему не виден.

– Что есть, то есть. – И прищипорила коня.

За следующим крутым поворотом глазам открылась внешняя стена цитадели Фонтезармо, глубокое ущелье перед нею, на дне которого искрилась вода, узкий мост, перекинутый к воротам. И зияющая арка в конце – приветливая, как могила.

– Успели укрепить стены с прошлого года, – проворчал Бенна. – Не хотелось бы мне их штурмовать.

– Скажи еще, что у тебя хватает духу карабкаться по лестницам.

– Не хотелось бы мне приказывать идти на штурм кому-то другому.

– Скажи еще, что у тебя хватает духу отдавать приказы.

– Не хотелось бы мне видеть, как ты приказываешь идти на штурм.

– Согласна. – Осторожно свесившись с седла, она хмуро всмотрелась в крутой обрыв слева, потом подняла взгляд на отвесную стену справа, увенчанную зубцами, казавшимися черными на фоне посветлевшего неба. – Выглядит так, словно Орсо опасается, что его хотят убить.

– У него есть враги? – Бенна вытаращил в притворном изумлении глаза.

– Половина Стирии.

– Значит... и у нас есть враги?

– Больше половины Стирии.

– А я так старался завоевать любовь... – Они проскакали рысью меж двумя суровыми стражами, чьи копья и стальные шлемы были отполированы до зеркального блеска, въехали в темный длинный тоннель, отлого поднимавшийся вверх, и под его сводами заметалось эхо цокота копыт. – Опять у тебя этот вид.

– Какой?

– «Хватит шуток на сегодня».

– Хм. – Она почувствовала, что лицо ее и впрямь застыло в привычном хмуром выражении. – Что же, будешь улыбаться за двоих. В этом ты силен.

За воротами открылся другой мир – благоухающий лавандой, ослепительно зеленый, в отличие от серых горных склонов. Мир выкошенных лужаек, подстриженных изгородей самых причудливых форм, сверкающих фонтанных струй. Красоту портили лишь торчавшие у каждой двери угрюмые стражники в белых плащах с черным крестом Талина, накинутах поверх доспехов.

– Монца...

– Что?

– Пусть это будет наша последняя кампания, – просительно сказал Бенна. – Последнее лето в пыли. Давай найдем какое-нибудь занятие поприятней. Пока мы молоды...

– А как же Тысяча Мечей? Вернее, почти десять тысяч... и все смотрят на нас и ждут приказа.

– Пускай смотрят, куда хотят. Примкнули к нам наживы ради, получили ее сполна. Они верны, только пока им это выгодно.

Она и сама знала, что Тысяча Мечей отнюдь не лучшая часть человечества. И даже не лучшая часть племени наемников. Большинство их бойцов стояли лишь на ступеньку выше обычных преступников. Остальные – ниже. Но дело было в другом...

– Решил что-то, так держись этого, – буркнула она.

– Чего ради? Не понимаю.

– Как обычно... Еще один поход – и Виссерин падет, Рогонт сдастся. Лига Восьми станет всего лишь дурным воспоминанием. Орсо объявит себя королем Стирии, а мы исчезнем, и нас забудут.

– Мы заслуживаем того, чтобы нас помнили. Могли бы владеть собственным городом. Ты стала бы благородной герцогиней Монцкарро... чего-нибудь...

– А ты – бесстрашным герцогом Бенной? – Она засмеялась. – Осел безмозглый. Ты же без меня и задницу подтереть не можешь. Война – дело достаточно темное, что уж говорить о политике? Орсо будет коронован, и мы уйдем в отставку.

Бенна вздохнул.

– Я думал, мы наемники... Коска таких хозяев, как этот, никогда не держался.

– Я – не Коска. И в любом случае, не больно-то будет умно отказать властителю Талина.

– Ты просто любишь сражаться.

– Нет. Я люблю побеждать. Еще один поход, и мы сможем увидеть мир: побывать в Старой империи, объехать Тысячу островов, посетить Адую и постоять в тени Дома Делателя. Все, о чем мечтали.

Бенна надул губы, как всегда, когда не получал своего. Надул, но «нет» не сказал. Выбор вечно оставался за ней, и порой ее это задевало.

– Слушай, у нас на двоих всего пара яиц. Тебе никогда не хотелось их поносить?

– При тебе они смотрятся лучше. Да и мозги ты все прибрала. Полезней держать их вместе.

– Что ж тебе-то остается?

Бенна ухмыльнулся.

– Обаятельная улыбка.

– Тогда улыбайся. Весь следующий, последний поход.

Соскочив с седла, она оправила пояс с мечом, бросила поводья конюху и зашагала к внутренним воротам. Бенне пришлось догонять ее бегом, поскольку он, слезая с коня, запутался в амуниции. Редкостное неумение обращаться с оружием для человека, зарабатывающего на жизнь войной.

Внутренний двор являл собою ряд террас, выбитых в склоне горы. Он был засажен экзотическими пальмами и охранялся еще усердней, чем наружный. В самом центре его высился древний столп, привезенный, по слухам, из дворца Скарпиуса, и отражение его колыхалось в круглом пруду, где плескались серебряные рыбки. С трех сторон столп окружало, словно исполинская кошка, зажавшая в лапах мышь, нагромождение стекла, бронзы и мрамора – дворец герцога Орсо. С весны здесь успело появиться огромное новое крыло вдоль северной стены, изукрашенное резьбой, но наполовину скрытое еще строительными лесами.

– Все строятся, – сказала она.

– Конечно. Разве принцу Арио хватит десяти комнат под башмаки?

– Да уж, нынче настоящему шеголу без двенадцати никак.

Бенна хмуро глянул на собственные сапоги с золотыми пряжками.

– А у меня всего тридцать пар. Так вот и чувствуешь свое убожество.

– Не ты один, – буркнула она.

Вдоль края крыши тянулась вереница статуй, явно еще не завершенная: герцог Орсо, раздающий милостыню бедным, герцог Орсо, дарующий знания невежественным, герцог Орсо, защищающий от опасности слабых.

– Где же главная – Стирия, вылизывающая ему задницу? – шепнул ей на ухо Бенна.

Она указала на глыбу мрамора, которую только начали обрабатывать.

– Вот.

– Бенна!

Огибая пруд, топча со скрипом свежий гравий и сияя всем своим веснушчатым лицом, к ним спешил с резвостью обрадованного щенка граф Фоскар, младший сын Орсо. Он успел обзавестись хилой бороденкой с тех пор, как Монца видела его в последний раз. Что делу не помогло – песочная эта поросль придавала его лицу еще более мальчишеский вид, чем прежде. Всю семейную честь он, может, и унаследовал, но красота, увы, досталась кому-то другому.

Бенна, улыбаясь, обнял Фоскара за плечи одной рукой и взъерошил ему волосы. Оскорбительный жест со стороны любого другого, но у Бенны это получалось пленительно неприужденно. Умел он делать людей счастливыми, что ей казалось чуть ли не волшебством. Сама она отличалась прямо противоположными талантами.

– Ваш отец здесь? – спросила Монца.

– Да, и брат тоже. Беседуют со своим банкиром.

– В каком он расположении духа?

– Весел, насколько я могу судить, но вы же знаете отца. Впрочем, на вас двоих он никогда не сердится. Вы обычно приносите хорошие вести. И сегодня принесли, верно?

– Монца, ты скажешь или... – начал Бенна.

– Борлетта пала. Кантейн мертв.

Фоскар не возликовал. Кровожадностью отца он не отличался.

– Кантейн был хорошим человеком.

Что отнюдь не соответствовало истине, насколько знала Монца.

– Врагом вашего отца.

– Но человеком, которого можно уважать. Их в Стирии осталось немного. Он и правда мертв?

Бенна надул щеки.

– Голова отрублена, насажена на пику над воротами. Поэтому, если вы не знаете, конечно, особо исконого лекаря...

Они прошли через высокую арку в зал, огромный, как императорская гробница, и отзывавшийся эхом на каждый звук. Полутьму прорезали тут и там пыльные световые лучи, пятная мраморный пол, тускло отсвечивали стоявшие вдоль стен старинные рыцарские доспехи в рост, с зажатым в латных рукавицах столь же древним оружием.

– Дерьмо, – шепнул ей на ухо Бенна. – Гадюка Ганмарк тоже здесь.

– Уймись.

– Не может быть, чтобы этот бесчувственный ублюдок владел мечом так хорошо, как говорят...

– Владеет.

– Будь я хоть наполовину мужчиной, я бы...

– Ты не таков. Поэтому – уймись.

Лицо у генерала Ганмарка было до странности кротким. Усы безвольно свисали, светло-серые глаза постоянно слезились, что придавало ему выражение бесконечной печали. Ходили слухи, будто из армии Союза Ганмарка вышвырнули за любовную нескромность, допущенную в отношении другого офицера, после чего он переплыл море в поисках хозяина с более широ-

кими взглядами. Широта же взглядов герцога Орсо по отношению к слугам являлась воистину безграничной, лишь бы те служили, как следует. Монца с Бенной были достаточным тому доказательством.

Ганмарк чопорно кивнул ей:

– Здравствуйте, генерал Меркатто. – Чопорно кивнул Бенне: – Здравствуйте, генерал Меркатто. – И обратился к Фоскару: – Граф, вы не забросили свои упражнения, надеюсь?

– Сражаюсь каждый день.

– Тогда, пожалуй, мы еще сделаем из вас фехтовальщика.

Бенна фыркнул.

– Или тупого вояку.

– И то, и это неплохо, – пробубнил Ганмарк с отрывистым союзным акцентом. – Человек без дисциплины не лучше собаки. Солдат без дисциплины не лучше трупа. А то и хуже. Труп хоть не является угрозой для собственных товарищей.

Бенна открыл было рот, но Монца его опередила. Успеет еще выставить себя олухом, коли ему так хочется.

– Как прошел ваш поход?

– Свою роль я сыграл – не подпустил к вашим флангам Рогонта с осприанцами.

– Придержали герцога проволочек? – усмехнулся Бенна. – Да, это было нелегко.

– Роль всего лишь вспомогательная – маленький комический эпизод в великой трагедии.

Но публиче, надеюсь, понравился.

Эхо шагов зазвучало громче, когда они проследовали через другую арку в ротонду, расположенную в самом центре дворца. Ее круглые стены были сплошь заставлены скульптурами, изображавшими сцены из глубокой древности – войны между демонами и магами и прочий вздор. Высокий купол над головой украшала фреска – среди грозовых туч семь крылатых женщин с гневными лицами, в доспехах и при оружии. Парки, вершителницы судеб земли. Величайшая работа Аропеллы, занявшая у него восемь лет, как слышала Монца, и неизменно заставлявшая ее чувствовать себя хрупкой, слабой и совершенно ничтожной. Ощущение, к которому не привыкнуть. Таков и был замысел мастера...

Оттуда они вчетвером начали подниматься по лестнице, столь широкой, что в ряд по ней пройти могло вдвое больше человек.

– И где же вамгодились ваши комические таланты? – спросила Монца у Ганмарка.

– По дороге к воротам Пуранти и обратно, с огнем и мечом.

Бенна криво усмехнулся.

– Неужто сражались по-настоящему?

– Зачем бы я стал это делать? Вы не читали Столикуса? «Животное прокладывает с боем путь к победе...»

– «Генерал идет к ней маршем», – закончила Монца. – Смеха много вызвали?

– Не у врага, полагаю. Смеялся мало кто, но это война.

– Я так нахожу время повеселиться, – вставил Бенна.

– Некоторые смеются легко. Чем завоевывают сотрапезников. – Ганмарк устремил кроткий взгляд на Монцу. – Вы, как посмотрю, даже не улыбаетесь.

– Еще успею. Когда придет конец Лиге Восьми и Орсо станет королем Стирии. И все мы расстанемся с мечами.

– Мой опыт говорит, что на покое они обычно не задерживаются. Так и норовят вернуться обратно в руки.

– Смею предположить, вас Орсо оставит при себе, – сказал Бенна. – Хотя бы для того, чтобы полировать полы.

Ганмарк и бровью не повел.

– В таком случае у его превосходительства будут самые чистые полы во всей Стирии.

Лестница вывела их к высоким дверям из инкрустированного дерева, украшенным резными львиными мордами. Где расхаживал взад-вперед, подобно старому преданному псу под дверью хозяйской спальни, коренастый вояка – капитан Карпи Верный, один из первых бойцов, вступивших в Тысячу Мечей. Его широкое, обветренное, честное лицо было все исполосовано шрамами.

– Верный! – Бенна схватил старого наемника за огромную как лопата руку. – Карабкаться на гору, в твоём-то возрасте! Разве ты не должен сейчас развлекаться с девками?

– Развлекался бы, – Карпи пожал плечами. – Да за мной послал его светлость.

– И ты, как верный слуга... послушался.

– Почему меня и кличут Верным.

– Как дела в Борлетте? – спросила Монца.

– Все спокойно. Большинство наших встало лагерем за стенами города, с Эндишем и Виктусом. Так я решил, чтобы не спалили город ненароком. Во дворце Кантейна оставил лишь самых надежных, под присмотром Сезарии. Все старики, вроде меня, еще со времен Коски. Люди бывалые, попусту не дергающиеся.

Бенна хихикнул:

– Медленно соображающие, хочешь сказать?

– Медленно, да верно. Мы своего всегда добьемся.

– Что ж, пошли? – Фоскар навалился плечом на одну из створок и не без труда открыл дверь.

Ганмарк и Верный последовали за ним. Монца чуть замешкалась, пытаясь принять свой самый суровый вид, но встретила глазами с Бенной, который ей улыбнулся, и невольно улыбнулась в ответ. Придвинулась, шепнула ему на ухо:

– Люблю тебя.

– Конечно, любишь.

Он переступил порог. Монца шагнула следом.

Личный кабинет герцога Орсо являл собою мраморный зал величиной с торговую площадь. По одной его стене располагался горделивый ряд высоких окон, которые были открыты, и ветер, залетая внутрь, шелестел яркими портьерами. Длинный балкон под окнами выходил на крутой обрыв и потому казался висящим в воздухе.

Противоположную стену сплошь покрывали картины, писанные лучшими художниками, на коих под слоем предохраняющих от разрушения масел были изображены величайшие в истории битвы: победы Столикуса, Гарода Великого, Фаранса и Вертурио, призванные дать понять всем и каждому, что Орсо – последний в ряду королей-победителей. Пусть даже прадед его был узурпатором и обычным преступником в придачу.

Самая большая картина, высотой не менее десяти шагов, бросалась в глаза с порога. Портрет великого герцога Орсо, разумеется. Он сидел верхом на скакуне, вставшем на дыбы, и, высоко подняв сверкающий меч, пронзительным взглядом уставился на далекий горизонт, как бы призывая своих людей к победе в битве при Итрии. Словно художник знать не знал, что Орсо в том сражении оставался во главе войска недолго.

Но – как сам герцог частенько говаривал Монце – что такое скучная правда против прекрасной лжи?..

Герцог Талина во плоти восседал за письменным столом, держа в руке вместо меча ручку. Рядом стоял высокий сухопарый господин с крючковатым носом, глядя на лежавшие перед герцогом бумаги с пристальным вниманием грифа, дожидаясь смерти истомленного жаждой путника. Позади них стену подпирало огромное тулово – Гобба, телохранитель Орсо, с шеей толстой, как у борова. В раззолоченном кресле близ стола сидел, небрежно развалившись и закинув ногу на ногу, Арио – старший сын и наследник герцога. В руке у него был бокал с вином, по красивому изнеженному лицу блуждала расслабленная улыбка.

– Я нашел этих бродяжек во дворе! – сообщил Фоскар. – И решил предоставить их вашему милосердию, отец!

– Милосердию? – Резкий голос Орсо отозвался в просторном кабинете эхом. – Я не слишком-то к нему склонен. Располагайтесь поудобней, друзья, скоро я к вам присоединюсь.

– Никак это Палач Каприле, – пробормотал Арио, – и с ней ее малыш Бенна.

– Здравствуйте, ваше высочество. Прекрасно выглядите. – О том, что выглядит он, по ее мнению, как пустая мошонка, Монца умолчала.

– Вы тоже, как всегда. Будь так хороши все солдаты, мне, пожалуй, даже захотелось бы повоевать. Новая безделушка? – Арио вяло махнул унизированной драгоценными кольцами рукой в сторону рубина Монцы.

– Так, первое, что попало на глаза, когда я одевалась.

– Жаль, меня там не было. Хотите вина?

– С утра пораньше?

Он бросил взгляд из-под тяжелых век на окна.

– По мне, так еще ночь.

Судя по его тону, бдение до утра было героическим деянием.

– А я не откажусь. – Бенна, не желавший никому и ни в чем уступать, уже наливал себе бокал.

Будет пьян через час, подумала Монца, и начнет нести околесицу. Впрочем, ей надоело изображать из себя его маменьку.

Она неторопливо миновала монументальный камин, который поддерживали резные статуи Иувина и Канедиаса, и приблизилась к столу Орсо.

– Подпишите здесь, здесь и здесь, – сказал сухопарый, тыча костлявым пальцем в документ.

– Вы знакомы с Мофисом? – спросил Орсо, бросив на него кислый взгляд. – Это мой надсмотрщик.

– Ваш покорный слуга, ваша светлость. Банкирский дом Валинта и Балка согласен на дополнительную ссуду сроком на один год, после чего, к великому их сожалению, они вынуждены будут начислять проценты.

Орсо фыркнул.

– Чума жалеет мертвецов... я обречен. – Выведя последнюю завитушку последней подписи, он бросил ручку. – Всем приходится стоять перед кем-то на коленях, не так ли? Непременно передайте вашему начальству мою безграничную благодарность за понимание и снисходительность.

– Передам. – Мофис собрал документы. – Что ж, вот и делу конец, ваша светлость. Я должен покинуть вас немедленно, если хочу успеть с вечерним приливом в Вестпорт...

– Нет, задержитесь немного. Нам нужно еще кое-что обсудить.

Безжизненные глаза Мофиса глянули на Монцу и вернулись к Орсо.

– Как пожелаете, ваша светлость.

Герцог неторопливо поднялся из-за стола.

– Займемся делом повеселей. Вы с хорошими вестями, Монцкарро?

– Да, ваша светлость.

– И что бы я без вас делал?

В черных волосах герцога со времени их последней встречи появились прядки стального цвета, сделались чуть глубже морщинки вокруг глаз, но властный вид его был все так же убедителен. Нагнувшись, Орсо поцеловал ее в обе щеки, затем шепнул на ухо:

– Ганмарк неплох как командир, но для человека, ублажающего мужчин, чувства юмора у него маловато. Пойдемте, расскажете мне о своих победах на открытом воздухе.

Приобняв Монцу за плечи, он провел ее мимо насмешливо ухмыльнувшегося принца Арио на высокий балкон.

Солнце уже встало, мир был полон света и красок. Кровь стекла с небес, и они ярко голубели теперь, увенчанные белыми облаками. Внизу, под головокружительным обрывом, вилась среди осеннего леса, играя сизо-зелеными, огненно-оранжевыми, блекло-желтыми и жарко-красными красками, быстрая, сверкающая серебром река. Лес на востоке сменялся лоскутным одеялом полей – квадратиками озимой зелени, распаханной черной земли, золотых колосьев. Далее река разветвлялась, спеша навстречу серому морю и огибая множество заполонивших дельту островов. Отсюда Монца могла различить лишь намек на крошечные мосты, что их соединяли, дома, башни, стены. Великий Талин, размером с ноготь большого пальца.

Щурясь от ветра, она откинула с лица разметавшиеся волосы.

– Не устаю любоваться этим видом.

– Как можно? Я потому и строю этот чертов дворец, чтобы всегда присматривать за своими подданными, как заботливый родитель за детьми. Для того лишь, конечно, чтобы они, играя, не поранили сами себя.

– Счастлив ваш народ, имея столь справедливого и любящего отца, – без запинки солгала Монца.

– Справедливого и любящего. – Орсо устремил задумчивый взор на далекое море. – Думаете, таким меня запомнит история?

Монца считала это абсолютно невероятным.

– Что говорит Бьяловельд? «Историю пишут победители».

Герцог легонько сжал ее плечо.

– Так хороша... и образованна к тому же. Арио честолюбив, но не сообразителен. Удивлюсь, если он способен прочесть без запинки хотя бы указатель на дорожном столбе. Его интересуют только шляхи. И башмаки. Дочь моя, Тереза, льет горькие слезы из-за того, что я выдал ее замуж за короля. Предложи я ей в женихи самого великого Эуса, она и тогда рыдала бы, клянусь, требуя мужа, более подходящего по положению. – Он тяжело вздохнул. – Никто из детей меня не понимает. Мой прадед был наемником, как вы знаете. О чем не хочется лишний раз упоминать. – Упоминал он об этом при каждой встрече с Монцей. – Солдатом, который в жизни слезы не уронил и на ноги обувал что придется, человеком низкого происхождения, который захватил власть в Талине благодаря остроте своего ума и меча. – Как Монца слышала, благодаря скорей бессмысленной жестокости и зверским расправам. – Мы с вами одного племени. Сделали себя сами из ничего.

Орсо родился в богатейшем герцогстве Стирии и тяжелой работой не занимался ни дня в своей жизни, но Монца прикусила язычок.

– Вы оказываете мне слишком много чести, ваша светлость.

– Меньше, чем вы заслуживаете. Что ж, расскажите о Борлетте.

– О битве на Высоком берегу вы уже слышали?

– Слышал, что вы разогнали армию Лиги, точь-в-точь, как при Душистых соснах. Ганмарк сказал, числом люди герцога Сальера превосходили вас втрое.

– Излишек людей – помеха, когда они ленивы, плохо подготовлены и командуют ими идиоты. Войско фермеров из Борлетты, сапожников из Аффойи и стеклодувов из Виссерина. Дилетанты. Встали лагерем у реки, думая, что мы далеко, и даже караульных почти не выставили. Ночью мы прошли через лес и застали их на рассвете врасплох, безоружными.

– Так и вижу, как эта жирная свинья, Сальер, прямо из кровати бросается наутек!

– Возглавлял атаку Верный. Разогнали мы их быстро, захватили все снаряжение.

– Выкрасили золотые нивы кровью, как я слышал.

– Они почти не сопротивлялись. Пытаясь переплыть реку, утонуло в десять раз больше народу, чем погибло, сражаясь. Пленных было четыре тысячи. Часть из них выкупили, часть – нет. Часть мы повесили.

– Без всякой жалости, а, Монца?

– Только не с моей стороны. Могли бы сдаться, если хотели жить.

– Как в Каприле?

Взгляд черных глаз Орсо она встретила не дрогнув.

– Как в Каприле.

– Значит, Борлетта осаждена?

– Уже пала.

Герцог просиял, как ребенок, получивший подарок на день рождения.

– Пала! И Кантейн сдался?

– Услышав о поражении Сальера, его люди потеряли надежду.

– А люди без надежды – опасная толпа, даже в республике.

– Особенно в республике. Горожане выволокли Кантейна из дворца, повесили его на самой высокой башне, открыли ворота и сдались на милость Тысячи Мечей.

– Ха! Убит теми самыми людьми, чью свободу пытался защитить. Вот какова благодарность черни, а, Монца? Лучше бы Кантейн взял деньги, когда я предлагал. Обоим это обошлось бы дешевле.

– Они готовы были немедленно стать вашими подданными. Я отдала приказ не убивать без надобности.

– Проявили милосердие?

– Милосердие и трусость – одно и то же, – огрызнулась она. – Но вам ведь нужна земля, а не жизнь этих людей? Мертвецы не могут повиноваться.

Орсо улыбнулся.

– И почему мои сыновья, в отличие от вас, не помнят моих уроков? Полностью одобряю. Повесьте только вождей. И выставьте голову Кантейна над воротами. К повиновению ничто так не подталкивает, как хороший пример.

– Уже гниет, вместе с головами его сыновей.

– Отличная работа! – Властитель Талина захлопал в ладоши, словно весть о гниющих головах звучала для него слаще всякой музыки. – Каковы доходы?

Подсчеты были делом Бенны, поэтому теперь вперед выступил он и вынул из нагрудного кармана сложенный лист бумаги.

– Город прочесан, ваша светлость. Все дома разграблены, полы вскрыты, люди выловлены. Раздел – согласно обычным правилам, по условиям нашего договора. Четверть тому, кто нашел, четверть – его капитану, четверть – генералам и... – он низко поклонился и протянул герцогу уже развернутый лист, – четверть нашему благородному нанимателю.

Улыбка Орсо, пока он пробежал глазами цифры, сделалась шире.

– Благословенно будь правило четвертей! Смогу, пожалуй, еще немного продержат вас на службе.

Он шагнул между ними, приобнял обоих за плечи и повел через открытое высокое окно обратно в кабинет к круглому столу черного мрамора, стоявшему в центре, и разложенной на нем карте, вокруг которой уже собрались Ганмарк, Арио и Верный. Гобба по-прежнему стоял, прислонясь к стене, скрестив толстые руки на груди.

– Как поживают наши бывшие друзья, а ныне злейшие враги, вероломные жители Виссерина?

– Почти все поля вокруг города сожжены. – Монца очертила на карте пальцем масштабы разорения. – Фермеры разогнаны, скот перерезан. Голодная ждет зима жирного герцога Сальера, а весна – и того хуже.

– Придется ему положиться на герцога Рогонта с осприанцами, – сказал Ганмарк со слащавой улыбкой.

Принц Арио захихикал:

– От которых много обещаний, да мало помощи.

– В будущем году Виссерин падет к вашим ногам, ваша светлость.

– И у Лиги Восьми будет вырвано сердце.

– Корона Стирии станет вашей.

При упоминании о короне улыбка Орсо расплылась еще шире.

– И благодарить мы должны вас, Монцкарро. Я этого не забуду.

– Не только меня.

– К дьяволу вашу скромность. Свою роль сыграли и Бенна, и наш добрый друг генерал Ганмарк, и Верный. Но невозможно отрицать, что это результат вашей работы – вашей неутомимости, решительности, целеустремленности! Вас ждут великие чествования, как некогда героев древнего Аулкуса. Вы поскачете по улицам Талина, и мои подданные в честь ваших многочисленных побед будут осыпать вас цветочными лепестками. – Бенна разулыбался, но Монца осталась серьезной. Почести ее никогда не привлекали. – Вас будут приветствовать громче, думаю, чем моих сыновей. Громче даже, чем меня самого, своего законного господина, которому они обязаны столь многим. – Улыбка Орсо угасла, и без нее лицо его разом постарело, сделалось печальным и усталым. – Пожалуй, слишком громко... на мой вкус.

Краем глаза Монца заметила движение, едва уловимое, но успела инстинктивно вскинуть руку.

Тихий свист – и рука оказалась накрепко прижатой к ее собственному горлу удавкой.

Бенна метнулся к ней.

– Мон...

Сверкнул металл – принц Арио вонзил кинжал ему в шею. Метил в горло, но промахнулся и угодил за ухо.

Кровь брызнула на мраморные плиты пола, и Орсо сделал шаг назад, дабы не замараться. Фоскар открыл рот. Бокал с вином выпал у него из рук и разбился.

Монца попыталась закричать и, не в силах вздохнуть, лишь сдавленно пискнула. Схватила свободной рукою за кинжал, но кто-то поймал ее за запястье и крепко сжал. Карпи Верный, подошедший слева.

– Прости, – буркнул он Монце в ухо, выдернул из ножен ее меч, отбросил, и тот с лязгом закувыркался по полу.

Бенна, булькая кровавой слюной, зажал рану одной рукой, и между белых его пальцев засочилась черная кровь. Другой рукой он нашарил рукоять меча на поясе. Принц Арио таращился на него оцепенело, и Бенна успел вытянуть клинок на фут, когда вперед шагнул генерал Ганмарк и сам нанес удар – один, второй, третий... разя без промаха. Бенна лишь тихо охнул. Снова брызнула на пол кровь, по белой рубахе расплылись темные пятна. Бенна сделал еще несколько шатких шагов, но ноги заплелись, и он упал лицом вниз, придавив телом собственный полуобнаженный меч, лязгнувший о мрамор.

Монца напряглась так, что все мускулы сотрясались, но она была беспомощна, как муха, угодившая в мед. Гобба, кряхтя от натуги, царапал ей щеку своим заросшим щетиной лицом, горячо привалившись к ней всем огромным телом. Удавка, глубоко врезавшись в руку, с которой, щекоча, уже бежала на ворот рубашки струйка крови, медленно сдавливалась в шею.

Бенна шевельнулся, заскреб одной рукой по полу, пытаясь подползти к Монце, чуть поднялся со вздувшимися от усилия жилами на шее. Но генерал Ганмарк, наклонившись, спокойно нанес последний удар – со спины в сердце. Предсмертная дрожь сотрясла тело Бенны. Он обмяк и затих, обратив к Монце белую щеку, вымазанную кровью, которая начала растекаться вокруг него по щелям между мраморными плитами.

– Ну вот. – Ганмарк обтер клинок о рубаху Бенны. – С этим кончено.

Мофис, стоя в стороне, наблюдал за происходящим: немного озадаченно, отчасти раздраженно и несколько скупающе. Словно пересчитывал цифры, и что-то в них никак не сходилось.

Орсо указал на тело.

– Избавься от него, Арио.

– Я? – Принц скривился.

– Да, ты. Тебе поможет Фоскар. Вам обоим пора учиться делать то, что необходимо для удержания власти в нашей семье.

– Нет! – Фоскар отшатнулся. – Я в этом участвовать не буду! – После чего развернулся и выбежал, стуча по полу каблуками, из кабинета.

– Размазня, – буркнул ему в спину Орсо. – Ганмарк, помогите.

Монца могла только провожать их глазами, когда они выволакивали тело Бенны на балкон. Хладнокровный и аккуратный Ганмарк подхватил его под плечи, Арио, выругавшись, брезгливо приподнял одну ногу за сапог. Вторая тащилась по полу, оставляя за собой красный след. Взмахив Бенну на перила, они столкнули его вниз. Похоже, с ним и впрямь было кончено.

– Ай! – взвизгнул Арио. – Проклятье, вы меня оцарапали!

Ганмарк повернулся к нему:

– Прошу прощения, ваше высочество. Убивая, можно и пораниться.

Принц огляделся, ища, чем бы вытереть окровавленные руки. Потянулся к роскошной портюре.

– Не этим! – рявкнул Орсо. – Кантыйский шелк, пятьдесят скелов штука!

– Чем же тогда?

– Найди что-нибудь другое или ходи так! Порой я сомневаюсь, парень, вправду ли от меня родила тебя твоя мать.

Монца, задыхаясь, смотрела, как принц угрюмо вытирает руки о собственную рубашку. Сквозь волосы, упавшие на лицо, сквозь пелену слез, выступивших на глазах, увидела размытую черную фигуру Орсо, повернувшуюся к ней.

– Она еще жива? Чем ты там занимаешься, Гобба?

– Клятая удавка руку захватила, – прохрипел телохранитель.

– Так добей ее чем-нибудь другим, недоумок!

– Я добыю. – Верный, по-прежнему крепко удерживая Монцу за запястье, свободной рукой снял у нее с пояса кинжал. – Мне жаль, правда, жаль...

– Давай уже! – прорычал Гобба.

Лезвие взметнулось, блеснула сталь в солнечном луче. Монца со всей силой отчаяния топнула по ноге Гоббы. Телохранитель хрюкнул, на миг ослабил хватку, и Монца, с рычанием оттянув удавку, принялась неистово извиваться, пытаясь вырваться. В этот миг Карпи нанес удар.

Промахнулся изрядно – клинок вошел под нижнее ребро. Металл, хоть был холодным, пронзил ее палящей струей огня от живота до спины, пробил насквозь, и кончик, выйдя наружу, уколол Гоббу.

Охнув, тот выпустил удавку. Монца втянула воздух в грудь, отчаянно завизжала, пнула его локтем, и Гобба отшатнулся. Верный от неожиданности уронил кинжал, едва успев его выдернуть, и тот, упав, завертелся на полу. Монца лягнула Карпи ногой, метя в пах, попала в бедро и, когда он сложился пополам, выхватила кинжал из ножен на его собственном поясе. Но порезанная рука двигалась без прежнего проворства, и Карпи поймал ее за запястье раньше, чем Монца нанесла удар. Он попытался вырвать кинжал, и они начали бороться за него, оскалив зубы и брызгая друг другу в лицо слюной. Руки у обоих были липкими от ее крови.

– Убейте ее!

Раздался треск, из глаз Монцы посыпались искры. Пол вздыбился, ударил ее по спине и затылку. Сплюнув кровь, она заскребла ногтями по гладким мраморным плитам, пытаясь подняться, снова закричала, но из горла вырвался лишь хрип.

– Мерзкая сука!

На правую руку ее обрушился огромный сапог Гоббы, боль пронзила до плеча, и Монца задушенно охнула. Сапог поднялся, опустился снова – на пальцы, потом на запястье. Одновременно по ребрам заходила нога Верного, вызвав у нее судорожный кашель. Разбитая кисть руки вывернулась боком. Сапог Гоббы опустился в очередной раз, вдавливая ее в холодный мрамор, дробя кости. Комната завертелась перед глазами задохнувшейся от боли Монцы, и дружно ухмыльнулись со стен короли-победители.

– Ты кольнул меня, скотина тупая! Кольнул!

– Да у тебя и царапины не осталось, олух! Держать ее надо было!

– Заколоть заранее вашу никчемную парочку – вот что надо было! – прошипел голос Орсо. – Кончайте с ней уже!

Лапица Гоббы приблизилась, схватила Монцу за горло, вздернула на ноги. Она хотела было вцепиться ему в лицо левой рукой, но силы все вытекли – через дыру в боку, порез на шее. Достала лишь кончиками пальцев, вымазав кровью щетину. Затем ее руку оттянули и заломили за спину.

– Где золото Хермона? – проревел голос Гоббы. – А, Меркатто? Куда вы дели золото?

Она с трудом подняла голову.

– Поцелуй меня в зад, говнюк.

Не слишком умно, пожалуй, зато от сердца.

– Не было там никакого золота! – рявкнул Верный. – Я же говорил тебе, свинья!

– Зато здесь хватает. – Гобба принялся одно за другим сдирать кольца с ее пальцев, уже распухших, ставших багровыми и свисавших с кисти, как гнилые сосиски. – Вот этот камушек ничего, хорош, – сказал он, разглядывая рубин. – Жаль, тело недурное пропадет понапрасну. Может, дадите мне с ней минутку? Больше не понадобится.

Принц Арио захихикал.

– В некоторых случаях скоростью не гордятся.

– Умоляю вас! – Голос Орсо. – Мы не животные. Тащите на балкон, и покончим уже с этим. Мне пора завтракать.

Монцу подхватили и поволокли. Голова безвольно закачалась из стороны в сторону. В лицо ударил солнечный свет. Сапоги с шорохом проехали по камню – ее подняли. Опустили на перила. Завертелось вверх голубое небо. Дыхание перехватило, в носу зашипало, свело судорогой грудь. Монца напряглась, брыкнула ногами. Вернее, не сама она, а ее тело, в тщетной борьбе за жизнь.

– Позвольте мне добить... чтобы наверняка. – Голос Ганмарка.

– Куда уж вернее? – Сквозь путаницу окровавленных волос перед глазами она увидела над собой морщинистое лицо Орсо. – Надеюсь, вы понимаете. Мой прадед был наемником, человеком низкого происхождения, который захватил власть благодаря остроте своего ума и меча. Я не могу позволить захватить власть в Талине другому наемнику.

Она хотела плюнуть ему в лицо, но лишь выдула кровавую слюну изо рта на подбородок.

– Ублю...

В следующий миг она полетела.

Порванная рубашка раздулась, захлопала на ветру. Монца перевернулась раз, другой, и мир вокруг закувыркался тоже. Пронесли мимо голубое небо с перьями облаков, черные башни на вершине горы, серый каменный склон, желто-зеленые деревья, искрящаяся река... и снова – голубое небо с перьями облаков... и снова... и снова... все быстрее и быстрее.

Холодный ветер трепал волосы, ревел в ушах, забивал рот, не давая выдохнуть. Она различала уже каждое дерево внизу, каждую ветку, каждый листок, которые стремительно неслись навстречу. Хотела закричать... и тут лиственное море схватило ее, заглотнуло, безжалостно хлестнув ветвями. Монца, наткнувшись на торчавший сук, снова завертелась в воздухе. Ветви с треском расступились под ней, она долетела до подножия дерева и рухнула на горный склон. Удар был так силен, что подломились ноги, в плече при столкновении с камнем что-то хрустнуло. Но вместо того, чтобы разбрызгать по земле мозги, она всего лишь раздробила челюсть... об окровавленную грудь брата, чье изувеченное тело лежало, распластавшись под деревом.

Так Бенна Меркатто спас жизнь своей сестре.

Перевалившись через его труп, Монца, почти уже без сознания, покатилась, как сломанная кукла, вниз по крутому склону – по камням и корням, что впивались в тело и нещадно молотили его, подобно сотне молотов.

Она пронеслась сквозь заросли колючих кустов. Исхлестанная и исцарапанная, заскользила дальше, в облаке листвы и пыли. Наткнулась на древесный корень, потом на замшелый валун. Остановилась, медленно перевернулась на спину и застыла неподвижно.

– Ё-ых-х-х...

Вокруг еще шуршали, перекатываясь, потревоженные ее падением мелкие камни. Медленно оседала пыль. Монца услышала, как скрипит ветвями и шелестит листвою ветер. А может, то шелестело и хрипело ее собственное дыхание в израненном горле. Сквозь ветви подмигивало солнце, слепя один глаз. Второй видел только тьму. Жужжали мухи, кружа в прогретом утреннем воздухе над нею, над отбросами из кухни Орсо – гнилыми овощами, вонючими потрохами, объедками, оставшимися от роскошных пиров, среди которых лежала она... вышвырнутая, как мусор.

– Ё-ых-х-х...

Утробный, бессмысленный звук. Он пугал саму Монцу, но перестать его издавать она была не в силах. Животный ужас. Безумное отчаяние. Стон мертвецов в аду. Она безнадежно скосила глаз в сторону. Увидела то, что осталось от ее правой руки, – бесформенную фиолетовую перчатку с красным разрезом сбоку. Один палец слегка дрожал. Кончик его касался ободранного локтя той же руки, сложившейся пополам. Прорвав окровавленный шелк рукава, торчал наружу обломок сероватой кости. Все это выглядело каким-то ненастоящим. Театральным реквизитом.

– Ё-ых-х-х...

Ужас усиливался с каждым вздохом. Она не могла шевельнуть головой. Не могла шевельнуть языком. Могла лишь чувствовать боль, которая постепенно нарастала, распространяясь по всему телу, загладевая каждой его клеточкой.

– Ё-ых... ы-ых...

Бенна мертв. Из уцелевшего глаза выбежала слеза, медленно покатилась по щеке. Почему она не умерла? Как случилось, что она жива?

Скорей... пожалуйста. Пока боль не стала еще сильнее. Пожалуйста, пусть это произойдет поскорее.

– Ё-ых... ых... ых...

Поторопись, смерть.

I. Талин

Чтобы иметь хорошего врага, выбери друга – он знает, куда нанести удар.

Диана де Пуатье

Джаппо Меркатто никогда не рассказывал, откуда у него взялся такой хороший меч, но пользоваться им он умел. И умение свое, поскольку сын был младшим ребенком, да к тому же болезненным, передавал едва успевшей подрасти дочери Монцкарро – это имя она получила в честь матери отца, названной так в те времена, когда семья еще претендовала на знатность. Собственной ее матери оно не нравилось, но, дав жизнь Бенне, та умерла, и значения это уже не имело.

В Стириш тогда царил мир – такая же редкость, как золото. По весне Монца спешила вслед за отцом, вспахивавшим поле плугом, выбирала из распаханной земли камни и забрасывала их в лес. По осени она спешила вслед за отцом, взмахивавшим начищенной до блеска косой, и складывала сжатые колосья в снопы.

– Монца, – говорил он, улыбаясь, – что бы я без тебя делал?

Она помогала ему молотить и сеять, колоть дрова и таскать воду. Готовила, стирала, мыла, убирала, доила козу. Руки от работы вечно были в мозолях. Брат тоже пытался помогать, но от него, маленького и больного, толку было немного. Трудно им жилось в те времена, зато счастливо.

Когда Монце стукнуло четырнадцать, Джаппо Меркатто подхватил лихорадку. Начал кашлять, обливаться потом и таять на глазах. Как-то вечером он поймал Монцу за руку и сказал, глядя на нее блестящими от жара глазами:

– Завтра распаши верхнее поле, не то пшеница не успеет взойти. Посей, что сможешь. – Потом погладил ее по щеке. – Несправедливо, что все свалится на тебя, но брат твой еще так мал. Присматривай за ним.

И умер.

Бенна плакал, но у Монцы глаза оставались сухими. Она думала о семенах, которые нужно посеять, и о том, как лучше это сделать. Брат боялся в ту ночь спать один, поэтому они легли вдвоем в ее узкую кровать и искали утешения друг у друга. Ибо больше у них теперь никого не было.

Утром, еще затемно, Монца вынесла тело отца из дома в лес и сбросила в реку. Не потому, что не было любви в ее сердце, а потому, что не было у нее времени его хоронить.

На рассвете она уже распахивала верхнее поле.

Земля удачи

Первое, в чем убедился Трясучка, пока корабль медленно подходил к пристани, – никакого обещанного тепла тут не было и в помине. Говорили, будто в Стирии всегда светит солнце. В море можно мыться круглый год. Предложи ему кто сейчас такую ванну, Трясучка остался бы грязным. И не удержался бы, поди, от крепкого словца. В сером небе над Талином громоздились тучи, с моря задувал холодный ветер, то и дело принимался моросить дождь, и это напоминало о доме. Не самым приятным образом. Тем не менее Трясучка решил смотреть на солнечную сторону дела. Ну, выдался дерьмовый денек. Где не бывает?..

Впрочем, берег, который он разглядывал, покуда моряки сустились, швартуя судно, тоже своим видом не радовал. Куда ни глянь – осклизлые булыжные мостовые, кирпичные домишки с узкими оконцами, просевшими крышами, облезшей штукатуркой и выцветшей краской, стоящие друг к другу впритык. Сизые от соли, зеленые от мха, черные от плесени. Стены понизу были сплошь заклеены большими листами бумаги, наклепанными вкривь и вкось, местами оборванными, трепыхавшимися под порывами ветра. На бумагах виднелись какие-то лица и буквы. Объявления, видать, но в чтении Трясучка был не силен. Особенно по-стирийски. Для его целей хватало и умения говорить на этом языке.

Народу в порту было видимо-невидимо, но мало кто выглядел счастливым. Или здоровым. Или богатым. А еще там пахло. Верней сказать, прямо-таки воняло: гниющей рыбой, дохлятиной, угольным дымом и отхожими местами – всем сразу. И, представив это место в качестве дома для того великого нового человека, которым он собирался стать, Трясучка вынужден был признать, что малость – да и не малость вовсе – разочарован. На миг мелькнула даже мысль отдать все оставшиеся деньги и уплыть с ближайшим судном обратно на Север. Но Трясучка ее прогнал. Он жил войной, вел людей на смерть, убивал и чего только ни делал плохого. Теперь же решил исправиться. Начать новую, достойную жизнь, и здесь было то самое место, где он решил ее начать.

– Что ж, – он бодро кивнул ближайшему моряку, – пойду-ка я, пожалуй.

Ответом было лишь невнятное ворчание. Но брат когда-то говорил Трясучке, что человека делает то, что он отдает, а не то, что получает. Поэтому он улыбнулся, словно услышал веселое дружеское напутствие, и зашагал по громяющим сходням вниз, в свою прекрасную новую жизнь в Стирии.

Не успел он сделать и дюжины шагов, глаза то на высокие дома с одной стороны, то на раскачивающиеся мачты с другой, как его пихнули, отталкивая с дороги.

– Мои извинения, – сказал, как приличный человек, Трясучка по-стирийски. – Не заметил тебя, друг.

Толкнувший пошел себе дальше, даже не оглянувшись. Это несколько задело гордость Трясучки, которая еще имела у него в избытке – единственное наследство, оставшееся от отца. Семь лет он провел, воюя, дерясь, ночуя на одном одеяле на снегу, питаясь дерьмовой едой, слушая не менее дерьмовое пение, и приехал сюда не для того, чтобы его отталкивали с дороги.

Однако быть ублюдком – одновременно и преступление, и наказание. «Плюнь ты на это», – сказал бы брат. И сам Трясучка намерен был смотреть на солнечную сторону. Поэтому он выбрался из доков и зашагал по широкой дороге в город. Миновал стайку попрошайек, сидевших на одеялах, выставив напоказ культы и язвы. Пересек площадь, где стояла здоровенная статуя хмурого мужчины, указующего рукой в никуда. Кто бы это мог быть, Трясучка понятия не имел, но вид у него был чертовски самодовольный. Тут донесся откуда-то запах стряпни, и кишки у Трясучки заурчали, веля подойти к жестяному ящику, где горел огонь, над которым жарилось нанизанное на металлические прутки мясо.

– Один, – сказал Трясучка, ткнув в пруток пальцем. Казалось, все и так понятно, поэтому он тем и ограничился. Меньше слов – меньше возможности ошибиться.

Когда же продавец назвал цену, он и вовсе чуть не проглотил язык. На Севере за эти деньги ему дали бы целую овцу. А то и парочку. Мясо оказалось наполовину жиром, наполовину хрящами. Вкус – куда хуже запаха. Но это Трясучку уже не удивило. Похоже, здесь, в Стирии, далеко не все было таким, как рассказывали.

Когда он начал есть, снова заморосил дождь. Не грозовой ливень, конечно, над которыми Трясучка смеялся на Севере. Но упорный достаточно, чтобы подпортить настроение и заставить задуматься, где, черт возьми, приклонить нынче ночью голову. С крыш на мостовую потекла по дырявым желобам вода, закапала с замшелых карнизов на головы прохожим, заставляя их ежиться и браниться. Улица тем временем вывела Трясучку из скопления домов на широкий речной берег, весь отделанный камнем. Там он сбавил шаг, размышляя, в какую сторону двинуться.

Городу, куда ни глянь, не было конца: вверх и вниз по течению – мосты, на другом берегу – дома, еще выше, чем на этом. Крыши, башни, купола, призрачно-серые в дождевой завесе, уходили в необозримую даль, исчезая в тумане. Хлопали на ветру рванные листы бумаги, тоже все измалеванные рядами букв и яркими разноцветными рисунками. Кое-где буквы были в рост человека. Трясучка принялся разглядывать их, надеясь уловить смысл.

Тут его толкнули снова, чье-то плечо прошло по ребрам. На сей раз Трясучка взревел и мгновенно развернулся, сжав в кулаке мясной прут, как клинок.

И сделал глубокий вдох. Разве не позволил он уйти свободно Девяти Смертям? То утро ему помнилось, словно оно было вчера. Снег за окнами, нож в руке, стук, с которым этот нож упал на пол, когда он разжал пальцы. Он позволил жить человеку, который убил его брата, отринув месть – все для того только, чтобы стать лучше. Уйти от крови.

Уйти от плеча нахального человека из толпы – невелик подвиг. Петь не о чем.

Трясучка выдавил улыбку и пошел в другую сторону, на мост. Из-за такой чепухи, как толчок плечом, можно целый день яриться, а ему не хотелось портить начало новой жизни, не успела та толком и начаться. Вдоль перил на мосту, пуча глаза на воду, стояли статуи – чудища из белого камня, усеянного птичьим пометом. Людей там тоже хватало. Они текли мимо, как одна река над другой. Всех видов и мастей. Так много, что он почувствовал себя никем среди них. Как тут не получить пару-тройку толчков плечом...

Его руки коснулось что-то. И Трясучка, не успев понять даже, что делает, схватил кого-то за глотку, опрокинул спиной на перила – в двенадцати шагах над пенящейся водой – и придушил слегка, как цыпленка.

– Бить меня, скотина? – прорычал он на северном наречии. – Глаза выколю!

В руках у него оказался какой-то хиляк, насмерть перепуганный, не меньше, чем на голову ниже Трясучки и вдвое легче. Как только красная пелена перед глазами растаяла, Трясучка сообразил, что этот несчастный его едва задел. Без всякого злого умысла. И как же в таком случае прощать настоящие обиды, если теряешь голову из-за пустяка? Он всегда был себе худшим врагом.

– Прости, друг, – сказал Трясучка по-стирийски, раскаиваясь всем сердцем. Снял бедолагу с перил, поставил на ноги, расправил неловкой рукою его куртку. – Правда, прости. Маленькая... как это, по-вашему... ошибка вышла. Хочешь?..

И протянул ему прут, на котором еще оставался кусочек жирного мяса. Хиляк выпучил глаза. Трясучка помрачнел. Не хочет, проклятье... Он и сам-то этого мяса уже не хотел.

– Прости...

Хиляк развернулся и ринулся в толпу. Оглянулся испуганно через плечо, словно вырвался из рук опасного безумца. Может, так оно и было. Трясучка хмуро посмотрел на пенящуюся внизу бурную воду. Точь-в-точь такую, надо сказать, как у них на Севере.

Похоже, стать хорошим человеком было делом посложней, чем казалось.

Похититель костей

Открыв глаза, она увидела кости.

Длинные и короткие, толстые и тонкие, белые, желтые, коричневые, покрывавшие облезлую стену от пола до потолка. Сотни костей. Образующих узоры – мозаику, выложенную сумашедшим.

Она перевела глаза, воспаленные, со слипшимися ресницами, в другую сторону, на огонек, весело пляшущий в закопченном очаге. С полки над ним ей улыбнулись безглазые черепа, искусно составленные друг на друга в три ряда.

Кости, стало быть, человеческие. Монцу прошиб холодный пот.

Она попыталась сесть. Ощущение тупой одеревенелости во всем теле сменилось болью так внезапно, что ее затошнило. Темная комната накренилась и поплыла. Монцу что-то крепко удерживало на ее твердом ложе. Но в голове стоял вязкий туман, и вспомнить, где она и как сюда попала, ей не удавалось.

Повернув голову, она увидела стол. На столе – металлический поднос. На подносе – аккуратно разложенные инструменты. Щипцы, пинцеты, иглы, ножницы. Маленькая, но острая с виду пила. Дюжина ножей, не меньше, всех видов и размеров. Глаза ее расширились, взгляд obeжал полированные лезвия – прямые, кривые, зазубренные, поблескивавшие в свете очага холодно и безжалостно. Инструменты хирурга?

Или палача?

– Бенна?

Вместо голоса раздался невнятный хрип. Язык, горло, ноздри, внутренности казались чувствительными, как лишенная кожи плоть. Монца снова попыталась сесть, но смогла только слегка приподнять голову. Даже это ничтожное движение вызвало острую боль в шее и плече, отдалось сильной коликой в ребрах, правой руке и ногах. Вслед за болью явился страх, от страха стало еще больнее. Дыхание участилось, воспаленные ноздри судорожно раздулись.

Шлеп, шлеп.

Монца замерла, прислушиваясь. От тишины закололо в ушах.

Скрежет – повернулся ключ в замке.

Съежившись, с бешено колотящейся в висках кровью, терзаемая болью в каждом суставе и каждой мышце, она прикусила язык, чтобы не закричать.

Скрип – открылась дверь. Стук – закрылась. Раздались шаги – чуть слышные, но горло у нее сдавило страхом. На пол упала тень – кого-то огромного, горбатого, жуткого. Взгляд Монцы беспомощно заметался по углам. Ничего не сделаешь, остается только ждать... худшего.

В дверном проеме появился человек, прошел мимо нее к высокому шкафу. Мужчина – всего лишь среднего роста на самом деле, с короткими светлыми волосами. Горбатой тенью его казалась из-за холщового мешка на плече. Фальшиво напевая что-то себе под нос, он принялся освобождать мешок, каждый вынутый предмет ставя бережно на соответствующую полку и вертя его так и сяк, чтобы добиться нужного положения.

Если хозяин этого странного места и был чудовищем, то весьма дотошным, ценящим мелкие детали.

Бесшумно прикрыв дверцы, он аккуратно свернул пустой мешок и сунул его под шкаф. Снял куртку, повесил на крюк, отряхнул с нее рукою какой-то мусор, повернулся и застыл, обратив к Монце бледное худое лицо, не старое еще, но изрезанное глубокими морщинами, с выпирающими скулами, с темными кругами под глазами, в которых мелькнуло изумление.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Потом его бледные губы искривила неприятная улыбочка.

– Очнулась?

– Ты кто? – вырвался из пересохшего горла Монцы испуганный шепот.

– Мое имя значения не имеет, – ответил он с едва заметным союзным акцентом. – Достаточно сказать, что я занимаюсь естественными науками.

– Лекарь?

– Среди прочего. Как ты могла уже заметить, главная моя страсть – кости. Поэтому я весьма доволен тем, что ты... мне встретишься. – Он снова улыбнулся – улыбкой черепа, не затронувшей глаз.

– Как я... – Монце, говоря, приходилось сражаться с челюстью, неповоротливой, как ржавая петля. Чувство было такое, что рот забит дерьмом. И вкус в нем – ничуть не лучше. – Как я к тебе попала?

– Для работы мне нужны трупы. Порой я нахожу их там, где нашел тебя. Но живые еще ни разу не попадались. Я бы сказал, тебе неслыханно повезло. – Он призадумался на миг. – Повезло бы еще больше, конечно, если бы ты вообще не падала, но... поскольку упала...

– Где мой брат? Где Бенна?

– Бенна?

И тут она вспомнила все разом. Кровь, сочащуюся меж скрюченных пальцев брата. Клинок, пронзающий его грудь. Собственную беспомощность. Белое лицо Бенны, вымазанное кровью.

Издав каркающий вопль, Монца рванулась со своего ложа, выгнулась, задержалась. В руках и ногах вспыхнула нестерпимая боль, от которой вновь затошнило. Но подняться не удалось – что-то ее по-прежнему удерживало. Хозяин, с пустым и белым, как чистый лист бумаги, лицом, молча наблюдал за тщетными усилиями Монцы. И, сдавшись, перестав дергаться, она застонала от боли, которая все сильнее сдавливала огромными тисками тело.

– Гнев ничему не помогает.

В ответ Монца смогла лишь захрипеть, с трудом втягивая воздух сквозь стиснутые зубы.

– Думаю, тебе сейчас немножко больно. – Он выдвинул из шкафа ящик, вынул оттуда трубку с почерневшей чашечкой. – Я бы на твоём месте привыкал. – Нагнулся, выловил щипцами из очага уголек. – Боюсь, отныне боль станет твоим постоянным спутником.

Перед глазами у нее замаячил обгрызанный мундштук. Монце вспомнились не раз виденные курильщики хаски – неподвижные, словно трупы, высохшие, как шелуха, безразличные ко всему, кроме очередной трубки. Хаска – последнее милосердие. Для слабаков. Для трусов.

Хозяин подбодрил ее своей мертвецкой улыбкой.

– Это поможет.

Такая боль любого сделает трусом.

Легкие обожгло дымом, ноющие ребра содрогнулись, кашель сотряс все тело до кончиков пальцев ног. Монца застонала, сморщилась, задержалась на постели снова, но уже слабее. Кашлянув еще раз, обмякла. Боль утратила остроту. Страх утратил остроту. Они начали таять. Стало мягко, тепло, уютно. Кто-то испустил долгий, хриплый стон. Возможно, она сама. По лицу, щекоча, скатилась слезинка.

– Еще?

На этот раз ей удалось задержать жгучий дым в груди и выдохнуть его тонкой струйкой. Дыхание замедлилось, шум прибоя в голове сменился тихим плеском.

– Еще?

Его голос омыл ее, как теплая волна – берег. Кости на стене расплылись, окруженные радужным сиянием. Угли в очаге заискрились, обратившись в драгоценные камни. От боли осталось лишь воспоминание, которое не имело значения. Значение утратило все. Взгляд лениво поблуждал по сторонам, потом, столь же лениво, глаза закрылись. Под веками заплясали мозаичные узоры. Монца поплыла по теплому морю, сладкому, как мед...

* * *

– Снова с нами? – Над ней нависло белое, как флаг капитулянта, лицо с размытыми чертами. – Я уже беспокоился, признаться. Не думал, что ты вообще очнешься, но раз уж очнулась, обидно будет, если...

– Бенна?

В голове по-прежнему стоял туман. Монца собралась было спустить ногу с кровати, но пронзившая лодыжку боль мгновенно вернула ее к действительности. Лицо исказилось страдальческой гримасой.

– Все еще болит? Ничего, сейчас я тебя порадую. – Он потер руки. – Швы уже сняты.

– Долго я была без сознания?

– Несколько часов.

– А... до этого?

– Больше трех месяцев. – Она вытаращила глаза. – Всю осень и начало зимы. Скоро новый год. Прекрасное время для новых начинаний. То, что ты вообще пришла в себя, – уже чудо. Твои раны... ну, думается мне, моей работой ты останешься довольна. Что умею, то умею.

Он вытащил из-под скамьи засаленную подушку и подсунул ей под голову, обращаясь с Монцей столь же небрежно, как мясник с куском мяса. Теперь, с приподнятой головой, она могла посмотреть на свое тело. Выбора не было, пришлось смотреть на бугристую выпуклость под грубым серым одеялом, перехваченную поверх груди, бедер и лодыжек тремя кожаными ремнями.

– Ремни – для того, чтобы защитить тебя же. От падения со скамьи, пока спишь. – Он вдруг издал кудахтающий смешок. – Не хотелось бы, чтобы ты себе что-нибудь сломала, правда? Ха... ха!

Отвязав ремни, он взялся двумя пальцами за край одеяла. Монца смотрела, отчаянно желая увидеть и отчаянно этого страшась.

Он сдернул одеяло, как балаганщик, показывающий главный приз.

Глазам ее открылось тело, которое она не узнала: голое, изможденное, с выпирающими из-под кожи костями, сплошь усеянное черными, фиолетовыми, желтыми пятнами огромных синяков. Глаза заматались по безобразной плоти, делаясь все шире, покуда Монца силилась осознать увиденное. Помимо синяков, тело покрывали еще и красные рубцы, воспаленные, с розовой полоской молодой кожи посередине, окаймленные темными точками от снятых швов. Только на груди вдоль ребер их было четыре. Остальных – на бедрах, ляжках, левой ступне и правой руке – было не сосчитать.

Монцу начало трясти. Не может этадохлая туша из мясницкой лавки быть ее телом. Стуча зубами, она втянула в грудь воздух, и в тот же миг испещренная синяками, усохшая грудная клетка слегка приподнялась.

– Ох... – выдохнула Монца. – Ох...

– Впечатляет, да? Понимаю! – Склонившись над ней, он отметил быстрым взмахом руки каждую из ступеней красной лесенки на груди. – Эти ребра и грудинная кость были раздроблены. Чтобы их восстановить, пришлось резать. Я старался делать разрезы как можно меньше, но...

– Ох...

– Особенно я доволен левым бедром. – Он показал на красный зигзаг, шедший от низа впалого живота до ляжки и окруженный с обеих сторон рядами точек. – Бедренная кость сломалась так, что вошла внутрь себя самой, увы. – Прищелкнул языком, ткнул пальцем в свой сжатый кулак. – Нога стала короче, но, на удачу, в другой ноге была раздроблена голень, и, удалив осколок, я сгладил разницу. – Он свел вместе ее колени, отпустил и, глядя, как они

расходятся, нахмурился. Ступни лежали мертвым грузом. – Одно колено теперь немного выше другого, и такой высокой, как прежде, тебе уже не быть, но учитывая...

– Ох...

– Все спрелось. – Он с улыбкой провел рукою по иссохшим ногам от бедер до лодыжек, словно кухарка, щупающая цыпленка. Монца смотрела, как он ее трогает, но прикосновений почти не ощущала. – Спрелось, и стягивающие тиски сняты. Это настоящее чудо, поверь. Видели бы скептики из академии, забыли бы, как смеяться. Видел бы мой старик-учитель, он бы...

– Ох...

Монца медленно подняла правую кисть. Верней, трясущуюся пародию на кисть, которой заканчивалась ее рука, со сморщенной высохшей ладонью и уродливым шрамом сбоку, куда врезалась удавка Гоббы, с пальцами, узловатыми, как древесные корни, слипшимися вместе, с оттопыренным под странным углом мизинцем. Она попыталась сжать кулак, дыша с присвистом от натуги. Пальцы чуть шевельнулись, но боль прострелила руку до плеча. Во рту стало горько.

– Сделал все, что мог. Мелкие кости пострадали слишком сильно, сухожилия мизинца порваны. – Добрый хозяин выглядел разочарованным. – Жаль, конечно. Рубцы потом сойдут... отчасти. Но на самом деле, учитывая падение... ладно, держи.

Ко рту ее приблизился мундштук, и Монца вцепилась в него зубами. Присосалась к трубке с жадностью, как к единственной своей надежде.

Каковой та и была.

* * *

Он отломил от каравай кусочек, такой крохотный, словно птичку собрался покормить. Рот у Монцы, следившей за его движениями, наполнился кислой слюной. То ли от голода, то ли от тошноты, не разберешь. Молча взяв этот кусочек трясущейся от слабости левой рукой, она поднесла его к губам и протолкнула меж зубов в горло.

Словно битое стекло проглотила.

– Помедленней, – проворчал он. – Ты со времени падения ничего не ела, молоко только пила да сладкую воду.

Хлеб застрял на полпути к желудку. Монца, ощутив рвотный спазм, натужилась, и внутренности там, куда нанес ножевую рану Верный, завязались узлом.

– погоди. – Хозяин подsunул руку ей под голову, приподнял осторожно, но уверенно, и поднес к губам бутылку с водой.

Монца сделала несколько глотков, потом скосила глаза на его руку. Под нею на голове ощущались какие-то странноватые выпуклости.

– Мне пришлось удалить из твоего черепа несколько осколков. И вставить вместо них монеты.

– Монеты?!

– Ты предпочла бы, чтобы я оставил мозги открытыми? Золото не ржавеет. Золото не гниет. Дороговатое медицинское средство, разумеется, но если бы ты умерла, я вернул бы свои вложения, а поскольку не умерла... что ж, я считаю, денeжки потрачены с толком. Бугорки на ощупь будут чувствоваться, конечно, но волосы отрастут. Они у тебя очень красивые. Черные, как ночь.

Он осторожно опустил голову Монцы обратно на скамью, но руку убрал не сразу. Прикосновение его казалось бережным. Почти лаской.

– Вообще-то я все больше молчу. Слишком много времени провожу в одиночестве, наверное. – Блеснула его мертвенная улыбка. – Но ты... заставляешь меня открываться с лучших сторон. Как и мать моих детей. Вы с ней похожи... отчасти.

Монца выдавила в ответ улыбку, ощутив в глубине души отвращение, примешавшееся к тошнотной жажде, которая мучила ее теперь все чаще, требуя немедленного утоления.

Она сглотнула.

– Можно мне...

– Конечно. – Он уже протягивал трубку.

* * *

– Сжимай.

– Не сжимается! – прошипела Монца, глядя на три скрюченных пальца и упорно торчащий в сторону мизинец. Вспоминая, какими ловкими они были прежде, какими проворными и сильными, она испытывала такую ярость и такое разочарование, что даже боль отступала. – Не сжимается!

– Ты лежишь тут которую неделю. Я латал тебя не для того, чтобы ты курила хаску и бездельничала. Старайся усерднее.

– Сам бы постарался, дерьмо!

– Ладно.

Он обхватил ее руку своей и безжалостно сдвинул. Скрюченные пальцы с хрустом сложились в кулак. От боли глаза полезли на лоб, и дух занялся – не вскрикнуть.

– Ты, кажется, не понимаешь, как много я тебе помогаю. – Он еще сильнее сдвинул ей пальцы. – Без боли человек не растет. Без нее он не совершенствуется. Страдание заставляет нас совершать великие дела. – Здоровой рукой в это время она бессильно скребла его кулак. – Любовь прекрасная подушка для отдыха. Но только ненависть способна сделать нас сильнее и лучше. Так-то.

Он отпустил ее, и Монца заскулила, глядя на свои несчастные, дрожащие, покрытые фиолетовыми шрамами пальцы, которые медленно разжимались.

Ей хотелось его убить, осыпать всеми проклятиями, какие только знала. Но она слишком нуждалась в его помощи, и поэтому придерживала язык, покуда, задыхаясь и скрипя зубами от боли, стучала затылком о скамью.

– Давай, сожми снова.

Монца уставилась ему в лицо, пустое, как свежевырытая могила.

– Давай, или это сделаю я.

Она зарычала. От напряжения руку прострелило болью до плеча. Пальцы медленно начали сгибаться, лишь мизинец по-прежнему торчал вбок.

– На, ублюдох недоношенный!

Монца сунула ему в нос узловатый, кривой, сцепленный намертво кулак.

– На!

– Видишь, не так уж это и трудно. – Он протянул трубку, и Монца выхватила ее у него из рук. – Можешь не благодарить.

* * *

– Посмотрим, сумеешь ли ты...

Монца взвизгнула. Колени подогнулись, и ему пришлось подхватить ее, чтобы не упала.

– Опять? – Он нахмурился. – Тебе пора уже ходить. Кости срослись. Больно, конечно, но... Впрочем, где-то мог остаться осколок. В каком месте болит?

– Во всех! – огрызнулась она.

– Что ж, видно, дело не только в твоём упрямстве. Но так не хочется заново вскрывать швы... – Подхватив Монцу одной рукой под колени, он без особого усилия поднял ее и уложил на скамью. – Мне нужно отлучиться.

Она схватила его за руку.

– Вернешься скоро?

– Скоро.

Шаги затихли в коридоре. Монца услышала, как хлопнула входная дверь и заскрежетал ключ в замке.

– Сукин сын.

Она спустила ноги на пол. Поморщилась, когда ступни коснулись половиц, оскалила зубы, когда села, и тихо зарычала, когда, оттолкнувшись от скамьи, встала на ноги.

Больно было адски, но это только придало ей решимости.

Глубоко вздохнув, она сосредоточилась и заковыляла в другой конец комнаты, терпя жгучую боль в лодыжках, коленях, бедрах, спине, в руках, широко расставленных для равновесия. Доплелась до шкафа, вцепилась в дверцы. Вытянула ящик, в котором лежали трубка и кувшинчик зеленого пузырчатого стекла с несколькими черными комками хаски на дне. Как же ей хотелось покурить... во рту пересохло, ладони стали липкими от пота. Монца задвинула ящик и заковыляла к скамье, терзаемая по-прежнему болью, но крепнущая, тем не менее, с каждым днем. Скоро она будет готова. Пока же – нет.

«Терпение – отец успеха», – писал Столикус.

До шкафа и обратно, рыча и скрежеща зубами. До шкафа и обратно, шатаясь и кусая губы. До шкафа и обратно, скуля, чуть не падая, плюясь. Она оперлась на скамью, постояла некоторое время, переводя дух.

И снова – до шкафа и обратно.

* * *

На зеркале была трещина от угла до угла. Но ей хотелось разбить его вовсе.

«Твои волосы – завеса полуночи!»

Обритые слева, отросшие до щетины, сквозь которую проглядывают струпья, свисающие справа спутанными, грязными, сухими водорослями.

«Глаза твои блещут, как лучистые сапфиры, коим нет цены!»

Желтые, налитые кровью, со слипшимися ресницами и воспаленными веками в черных и ввалившихся от пережитых страданий глазницах.

«Губы – лепестки роз!»

Пересохшие, потрескавшиеся, покрытые желто-серой коркой в углах. На белой восковой щеке три длинных, гнойно-коричневых струпа.

«Сегодня ты прекрасна как никогда, Монца...»

Шея – пучок иссохших жил. С обеих сторон красные шрамы, оставленные удавкой Гоббы. Вид такой, словно она уже умерла – от чумы. Немногим лучше, чем у черепов на полке.

Держа перед нею зеркало, ее добрый хозяин улыбался.

– Ну, что я говорил? Выглядишь чудесно.

«Сама богиня войны!»

– Да уж, как чертова ярмарочная диковинка! – Она мрачно усмехнулась, и старая развалина в зеркале усмехнулась в ответ.

– Лучше, чем когда я тебя нашел. Учись во всем видеть хорошую сторону. – Он отложил зеркало, встал и натянул куртку. – Я должен отлучиться на некоторое время, но вернуться, как

всегда. Тренируй руку. Но береги силы. Мне нужно еще разрезать тебе ляжки и выяснить, почему ты не можешь стоять.

Она выдавила страдальческую улыбку.

– Да. Понимаю.

– Что ж, тогда вскоре и займусь.

Он накинул на плечо мешок. Простучали по коридору шаги, закрылся замок. Монца медленно сосчитала до десяти.

Потом она встала, прихватила с подноса нож и пару иголок. Дохромала до шкафа, выдернула ящик, сунула трубку и кувшинчик в карман штанов, позаимствованных у хозяина и висевших на ее тощих бедрах мешком. Добрела босиком по скрипучим половицам коридора до спальни, там выудила, морщась, из-под кровати поношенные сапоги. Постанывая, натянула их.

Снова выбралась в коридор, задыхаясь от напряжения, боли и страха. Встала на колени перед входной дверью – вернее, медленно, хрустя суставами, присела так, что колени коснулись, в конце концов, пола. Давно ей не приходилось вскрывать замки... Монца, зажав в искалеченной руке иглы, принялась неуклюже орудовать ими.

– Поворачивайся, гадина. Поворачивайся...

Замок, по счастью, был плохонький. Издал вскоре приятный слуху щелчок и открылся. Схватившись за ручку, Монца с усилием отворила дверь.

Ночь поздняя. Дождь поливает обильно поросший бурьяном двор и покосившуюся изгородь, за которой торчат голые деревья. Дальше – тьма. Не лучшее время и погода для калеки, решившей прогуляться. Но чистый воздух, холодный ветер в лицо... Монца почувствовала себя чуть ли не родившейся заново. Уж лучше она замерзнет на свободе, чем просидит еще хотя бы ночь в компании костей.

Без размышлений она нырнула под дождь, проковыляла сквозь заросли крапивы. И, оказавшись среди деревьев, чьи стволы влажно блеснули при свете проглянувшей на миг луны, решительно свернула с тропинки в сторону и зашагала, не оглядываясь, вперед.

Вверх по крутому склону, закусив губу, согнувшись, хватаясь здоровой рукой за землю. Рыча от боли, которая пронзала каждый мускул при каждом неверном движении. С черных ветвей капал черный дождь, барабанил по палой листве, стекал по волосам, липшим к лицу, лился за шиворот украденной рубахи, липшей к воспаленному телу.

– Еще шаг.

Убаться как можно дальше от скамьи, ножей, белого, пустого лица. И лица, увиденного в зеркале.

– Еще шаг... еще шаг... еще...

Цепляясь рукой за влажную землю, за корни деревьев. Она идет за отцом, направляющим плуг, шарит во вспаханной земле, выискивая камни.

«Что бы я без тебя делал, Монца?»

Она стоит на коленях рядом с Коской в лесной засаде, вдыхая бодрящие запахи осенней листвы и земли, и сердце трепещет от страха и возбуждения.

«Черт в тебе сидит».

Воспоминания рождались одно за другим, обгоняя неповоротливые ноги, давая силу идти.

«...На балкон, и покончим уже с этим».

Монца остановилась. Немного постояла, согнувшись, выдыхая в сырую мглу облачка пара, не думая о том, куда идет, откуда вышла и много ли удалось пройти. Сейчас это значения не имело.

Потом, прислонившись к скользкому стволу дерева спиной, она взялась за пояс здоровой рукой, подсунула под него увечную. На то, чтобы расстегнуть проклятую пряжку, сил и вре-

мени ушло немало. Но хоть штаны стаскивать не пришлось. Они свалились с ее костлявой задницы сами, соскользнули с изрытых шрамами ног. На мгновение Монца призадумалась, как будет натягивать их обратно.

«Каждой битве – свой час», – писал Столикус.

Держась за скользкую от дождя ветку, она присела, подобрала правой рукой промокшую насквозь рубаху. Голые колени затряслись от напряжения.

– Давай, – зашептала Монца, пытаясь расслабить завязавшийся узлом мочевого пузыря. – Коль надо, так давай. Ну же. Ну... – И вздохнула с облегчением, когда моча брызнула, наконец, и заструилась вниз по склону, смешиваясь с дождевой водой.

Правую ляжку заломило сильнее обычного, истощенные мускулы свело судорогой. Морщась, она попыталась перенести вес тела на другую ногу и упустила ветку, за которую держалась. В тот же миг нога поехала в сторону, и Монца шлепнулась на спину. Дыхание перехватило, нахлынул, едва не лишив ее рассудка, ужас прошлого падения. Ударившись головой о землю, она прикусила язык, проскользив по склону несколько шагов, свалилась в ямину, полную сырых гниющих листьев. И там, валяясь под дождем со спущенными штанами, стреножившими ее лодыжки, она расплакалась.

Скверный был момент, ничего не скажешь.

Она редела, как ребенок – беспомощный, брошенный, отчаявшийся. Захлебываясь слезами, сотрясаясь от рыданий всем искалеченным телом. Монца и не помнила, когда ей случалось плакать. Возможно, никогда. За них обоих плакал Бенна. Но сейчас из глаз ее лились все страхи, все страдания последних двенадцати черных лет. Лежа в грязи, она пыталась себя своими потерями.

Бенна умер, и с ним умерло все хорошее, что у нее было – возможность смеяться от души, близость, понимание. Он был ее семьей, домом, другом и даже больше... все было уничтожено в один миг. Словно задули свечу. У нее больше нет руки. То, что она прижимает сейчас к груди, ноющее, изувеченное, рукой не назовешь. Возможность взмахнуть мечом, написать письмо, обменяться рукопожатием с другом растоптана сапогом Гоббы. Возможность ходить, бегать, скакать верхом разбита вдребезги о камни горного склона под балконом Орсо. Ее место в мире, плод десятилетних трудов, заработанное потом и кровью, добытое в борьбе, выстраданное, – исчезло как дым.

Все, ради чего она старалась, на что надеялась, о чем мечтала, мертво.

Монца натянула штаны, загребая вместе с ними гнилые листья, кое-как застегнула пояс, всхлипнула в последний раз, высморкалась, утерла холодной рукою нос. Жизнь, которая у нее была, – в прошлом. Женщина, которой она была, – в прошлом. Сломанного не починишь.

Но плакать о былом смысла нет.

Вся дрожа, она поднялась на колени. Жизнь, которая у нее была, не просто осталась в прошлом – ее украли. Брат не просто умер – его убили. Закололи, как свинью. Монца с усилием сжала изувеченные пальцы, и те сложились в трясущийся кулак.

– Убью.

Представила их себе, одного за другим.

Гобба, жирный хряк, привалившийся к стене. «Тело недурное пропадет понапрасну». Передернулась, вспомнив сапог, топчущий руку, хруст ломающихся костей.

Мофис, банкир, холодно разглядывающий труп Бенны, как досадную помеху.

Карпи Верный. Человек, который столько лет был рядом, ел рядом, сражался рядом. «Мне жаль, правда, жаль». Монца снова увидела его руку, отводящую нож перед ударом, нащупала сквозь мокрую рубаху рану, ничтожную по сравнению с остальными, и принялась давить ее и мять, пока та не запылала огнем.

– Убью.

Ганмарк. Кроткое, усталое лицо. Меч, вонзающийся в спину Бенны. Монца снова содрогнулась. «Ну вот... с этим кончено».

Принц Арио, поигрывающий бокалом, развалился в кресле. Кинжал, вонзающийся в шею Бенны. Кровь, сочащаяся меж белых пальцев.

Она заставила себя вспомнить каждую деталь, каждое слово.

Фоскар. «Я в этом участвовать не буду». Есть ли разница?

– Всех убью.

И Орсо – последний. Орсо, для которого она сражалась и убивала. Великий герцог Орсо, властитель Талина, который вдруг испугался народной молвы. Убил ее брата, изуродовал ее саму ни за что, вообразив, что они займут его место.

Монца стиснула зубы так, что заломило челюсти. Ощутила отеческое прикосновение его руки к своему плечу, и по телу пробежали мурашки. Увидела его улыбку, услышала голос, отозвавшийся эхом в расколотом черепе.

«Что бы я без вас делал?»

Семь человек.

Она с трудом поднялась на ноги и, кусая губы, побрела дальше. Дождь все лил, с волос на лицо текла вода. Боль грызла каждую косточку в теле, но Монца не собиралась останавливаться.

– Убью... убью... убью...

Больше не было места сомнениям. Отныне она разучилась плакать.

* * *

Старая тропа заросла – не узнать. Измученное тело Монцы исхлестали ветви. Стоптаные ноги изжала ежевика. Пробравшись сквозь дыру в изгороди, она окинула хмурым взглядом место своего рождения. Ни разу эта упрямая земля не приносила столько хлеба, сколько было на ней сейчас терний и крапивы. Верхнее поле – мертвый сухостой. Нижнее – вересковая пустошь. С опушки леса тоскливо глянул на Монцу остов дома, и она ответила ему таким же тоскливым взглядом.

Похоже, время прошло по обоим глубокой бороздой.

Она присела на корточки, заскрежетав зубами, когда дряблые мышцы натянулись на кривых костях, и некоторое время слушала, как каркают на закат вороны, и смотрела, как пригибает траву и треплет крапиву ветер, пока не уверилась, что здесь и в самом деле ни души. Тогда она кое-как поднялась на ноги и заковыляла к развалинам дома, где умер ее отец, к полуразвалившимся стенам и паре гнилых балок, занимавших так мало места, что трудно представить, как здесь когда-то можно было жить. Да еще и втроем. С отцом и Бенной... Монца отвернулась и сплюнула. Она пришла сюда не ради сладко-горьких воспоминаний.

Ради мести.

Лопата нашлась там, где ее оставили две зимы назад. И даже не слишком заржавела под прикрытием кое-какого хлама в углу сарая без крыши. Тридцать шагов в лес. Трудно представить, как легко она проделывала когда-то эти широкие, ровные, бодрые шаги. Монца, волоча за собой лопату, пробралась сквозь заросли сорняков. Вошла, морщась при каждом шаге, в тихий лес, пронизанный косыми солнечными лучами, рисовавшими причудливые узоры на палой листве. Вечер угасал.

Тридцатый шаг. Она обрубил лопатой ветви ежевики, кряхтя, оттащила в сторону трухлявый древесный ствол и начала копать. В прежние времена – немалое испытание для ее рук и ног. Нынче – мука адская, скрежет зубовой, кошмар наяву. Но Монца никогда не сдавалась на полпути. Чего бы это ни стоило. «Черт в тебе сидит», – говаривал ей Коска. И был прав. Что подтвердил его собственный печальный опыт.

Смеркалось, когда послышался, наконец, глухой стук металла о дерево. Монца отгребла остатки земли, взялась за железное кольцо. Потянула вверх, выпрямляясь и рыча от натуги. Ворованная одежда прилипла к потному телу. Со скрежетом открылся люк, явив взору черную дыру и верх уходящей в темноту лестницы.

Спускалась Монца очень медленно и осторожно, не имея ни малейшего желания ломать кости заново. Внизу пошарила по сторонам, нащупала полку, повоевала с кремнем, не желавшим подчиняться недоразумению, которое звалось рукой, зажгла фонарь. Тусклый его свет озарил своды погреба, блеснул на металлических деталях ловушек Бенны, оставшихся с прошлого раза в полной неприкосновенности.

Ему всегда нравилось предугадывать ходы противника.

Высветились ржавые крюки, увешанные ключами – от пустующих домов в самых разных уголках Стирии, мест для укрытия. Стойка у стены по левую руку, щетинившаяся клинками, длинными и короткими. Монца открыла стоявший рядом сундук. Одежда, аккуратно сложенная, ни разу не ношенная, которая сейчас ей вряд ли пришлась бы впору, с усохшим-то телом. Она дотронулась до одной из рубашек Бенны, вспоминая, как он выбирал этот шелк, и взгляд упал на правую руку, освещенную фонарем. Монца быстро откопала в сундуке пару перчаток, одну бросила обратно, вторую, морщась, натянула на уродливые, непослушные пальцы. Мизинец и в перчатке упрямо торчал вбок.

В глубине погреба были составлены деревянные ящики, числом – двадцать. Монца похромала к ближайшему и откинула крышку. Свет фонаря озарил золото Хермона. Груды монет. Целое состояние – в одном только этом ящике. Она осторожно пощупала бугорки под кожей на голове. Золото... С его помощью можно сделать куда больше, чем залатать череп.

Зарыв в золотые монетки руку, Монца пропустила их между пальцами. Как делают почему-то все, пребывая наедине с ящиком денег.

Они станут ее оружием. Они и...

Монца двинулась вдоль стойки с клинками, проводя по эфесам рукой в перчатке. Перед одним остановилась. Длинный меч из великолепной стали, без всяких декоративных завитушек, но наделенный, на ее взгляд, грозной красотой. Той, что отличает вещь, точно отвечающую своему назначению. Он звался Кальвец, этот меч, выкованный лучшим кузнецом Стирии. Ее подарок Бенне... пусть брат и не видел разницы между хорошим клинком и морковкой. Проходил с ним неделю и сменил на негодный кусок металла с дурацким золоченым плетением, отнюдь не стоивший отданных за него денег.

Тот самый, который он пытался вытащить, когда его убивали.

Взявшись за холодную рукоять левой рукой – непривычное ощущение, – она на несколько дюймов вытянула меч из ножен. Блеснула светло и хищно в свете фонаря сталь.

Хорошая сталь гнется, но не ломается. Хорошая сталь всегда остра и готова к действию. Хорошая сталь не знает боли и жалости, а пуще того – раскаяния.

Монца поймала себя на том, что улыбается. Впервые за все эти месяцы. Впервые с того дня, когда удавка Гоббы обвила ее шею.

Итак... месть.

Рыба на суше

Холодный ветер с моря устроил в доках Талина дьявольски хорошую продувку. Или дьявольски скверную – в зависимости от того, как человек одет. Трясучка, считай, был не одет вовсе. Он поплотнее запахнул тонкую куртку, хотя мог бы и не трудиться – теплей от этого не стало, – сощурил глаза и горестно съежился под очередным порывом ледящего ветра. Сегодня он вполне оправдывал свое имя. Как, впрочем, и всю последнюю неделю.

В который раз вспомнились посиделки у теплого очага в добротном доме, там, на Севере, в Уффрифе, с животом, полным мяса, и головой, полной грез, разговоры с Воссулой о чудесном городе Талине. Вспомнились не без горечи, ибо этот чертов торговец с влажными глазами и убедил его сладкими рассказами о своей родине отправиться в чертову Стирию.

Воссула говорил, что в Талине всегда светит солнце. Потому-то Трясучка и продал перед отплытием теплую куртку. Вспотеть, понимаешь ли, боялся. Сейчас, когда он трясся, как осенний лист, цепляющийся из последних сил за ветку, казалось, что Воссула несколько погрешил против правды.

Трясучка посмотрел на волны, без усталости лизавшие набережную, раскачивая и обдавая стылой водяной пылью гнилые лодки на гнилых причалах. Прислушался к скрипу стальных тросов, унылой переключке чаек, громоханию расхлябанных ставней на ветру, бормотанию толпившихся вокруг людей, которые все до единого искали в доках хоть какой-то работы. И нигде, пожалуй, не услышать было за раз столько печальных историй, как здесь. Грязные лохмотья, исхудалые лица. Люди – отчаявшиеся. Такие, как Трясучка, другими словами. С той лишь разницей, что они тут родились. А он приперся сюда по глупости.

Трясучка вытащил из внутреннего кармана последний ломоть хлеба, бережно, как скряга сокровища из тайника. Куснул, стараясь не уронить ни крошки. Увидел, что на него смотрит, облизывая бледные губы, какой-то бедолага. Поежил, отломил кусочек и дал ему.

– Спасибо, друг. – Тот с жадностью проглотил все до крошки.

– Не за что, – сказал Трясучка, хотя, чтобы заработать этот хлеб, колот дрова несколько часов кряду. Было за что, на самом деле.

На него уставились и другие, стоявшие поблизости, тоскливыми, как у голодных щенят, глазами. Он поднял руки.

– Будь у меня хлеба на всех, чего бы я тут торчал?

Отвернулись, недовольные... Трясучка втянул в себя скопившиеся в носу холодные сопли и выплюнул. Вот и все, что прошло нынче утром через его рот, кроме ломтя черствого хлеба, да и то не туда, куда надо. Когда он прибыл в Стирию, карман был полон серебра, с лица не сходила улыбка, грудь распирали от радостных надежд. Прошло десять недель, и опустело все, остался лишь горький осадок.

Воссула говорил, что люди в Талине дружелюбны, как овечки, и чужеземцев встречают, как дорогих гостей. Его встретили насмешками и с редким усердием поспешили избавить от денег, пуская в ход самые бесчестные уловки. Удача не валилась в руки сама собой на каждом углу. Не чаще, во всяком случае, чем на Севере.

К пристани тем временем подошел рыбацкий баркас, пришвартовался. Забегали по палубе рыбаки, натягивая канаты и кляня какую-то парусину. Толпа вокруг Трясучки заволновалась – вдруг работа перепадет? Он и сам ощутил робкую вспышку надежды и, как ни уговаривал себя не суетиться, все же привстал на цыпочки, чтобы лучше видеть.

Из сетей на пристань полилась потоком рыба, сверкая серебром в лучах водянистого солнца. Хорошее, честное занятие – ловить рыбу, плавать по соленому морю с людьми, которые не говорят лишних слов и плечом к плечу борются с ветром, выбирая из моря его щедрые

дары... Благородное дело. Так, во всяком случае, убеждал себя Трясучка, стараясь не замечать вони. Сейчас ему показалось бы благородным любое дело, только предложи.

С баркаса сошел мужчина, обветренный, как старый воротный столб, и с важным видом зашагал к толпе, в которой тут же началась толкотня. Все спешили попасться ему на глаза первыми. Капитан, понял Трясучка.

– Нужны двое, – сказал тот, сдвигая на затылок потрепанную шапку и обводя взглядом исполненные надежды лица отчаявшихся людей. – Ты и ты.

Стоит ли говорить, что в число их Трясучка не попал? Как все остальные, он понурился, глядя на двоих счастливчиков, поспешивших вслед за капитаном к баркасу. Одним из них был ублюдок, которому он дал хлеба и который даже не оглянулся, не то чтобы словечко за него замолвить. Может, конечно, человека делает то, что он отдает, а не то, что получает, как говорил брат, но неплохо бы иногда и получать в ответ, чтобы не подохнуть с голоду.

– Дерьмо, – сказал Трясучка и решительно двинулся за ними.

Протолкался меж рыбаками, что раскладывали по корзинам и тележкам еще трепещущую добычу, поднялся на палубу и подошел, изобразив само дружелюбие, к капитану.

– Прекрасный у вас корабль, – так он начал, хотя поганей этой старой галоши не видал.

– И что?

– Может, наймете меня?

– Тебя? Что ты знаешь о рыбе?

Трясучка был мастером топора, меча, копья и щита, прошел весь Север, то атакуя, то обороняясь. Получил несколько скверных ран и с лихвой за них расплатился. Но понял, что это плохая жизнь, и решил стать лучше. И уцепился за свое намерение, как тонущий за бревно.

– Ловил ее частенько, в детстве. Ходил на озеро с отцом.

Галька под босыми ногами. Свет, блестящий на воде. Улыбки отца и брата...

Но капитан его тоски по родине не понял.

– Озеро? Мы вообще-то ходим по морю, парень.

– В море я, по правде говоря, рыбу не ловил.

– Какого же черта время у меня отнимаешь? Коль надо, я могу нанять стирийских рыбаков, умельцев, которые полжизни провели в море. Вон они стоят, на выбор, – капитан махнул в сторону пристани, где в праздном ожидании толпились люди, которые полжизни провели, судя по виду, скорее за пивной кружкой. – На кой мне давать работу какому-то северному нищерброду?

– Я буду хорошо работать. Мне просто не везло до сих пор. Но кабы кто помог...

– Все так говорят. Только я не понял, почему именно я должен тебе помочь.

– Так ведь помогать – это...

– Катись отсюда, засранец! – Капитан подхватил с палубы дубинку и замахнулся на него, как на собаку. – Проваливай вместе со своим невезением!

– Я, может, не рыбак, но что умею, так это кровь пускать. Положи-ка ты палку, говнюк, пока я не воткнул ее тебе в глотку. – Трясучка разом преобразился. Стал грозен ликом, как истинный северянин.

Капитан дрогнул, попятился, что-то проворчал себе под нос. Бросил палку и принялся орать на кого-то из своих людей.

Ушел Трясучка без оглядки. Покинув пристань, сторбился, побрел устало мимо рваных объявлений на стенах по узкому переулку, ведущему в город. Шум доков за спиной затих.

Тот же самый разговор происходил у него и с кузнецами, и с пекарями, и со всеми прочими проклятыми мастеровыми в этом проклятом городе – даже с сапожником, который поначалу казался добродушным, пока не предложил Трясучке трахнуть самого себя.

Воссула говорил, что работы в Стирии навалом, стоит только попросить. Похоже, Воссула, неведомо по каким причинам, бессовестно врал. Всю дорогу. Трясучка задавал ему много

разных вопросов. Но только сейчас, когда он присел на чье-то крыльцо, едва не угодив стоптанными сапогами в сточную канаву, где валялись рыбы головы, в голову ему пришло, что он не задал одного, главного вопроса, который был очевиден с первого же дня в этом городе.

«Скажи мне, Воссула, если Стирия – такое чудо неземное, какого дьявола ты торчишь на Севере?»

– Долбаная Стирия, – прошипел Трясучка на северном наречии. В носу защипало – это значило, что он готов расплакаться. И так паршиво ему было, что он не устыдился бы слез. Он – Кол Трясучка. Сын Гремучей Шеи. Названный, всегда готовый идти на смерть. Сражавшийся рядом с величайшими воителями Севера – Руддой Тридубой, Черным Доу, Ишейкой, Молчуном Хардингом. Возглавлявший атаку против Союза у реки Камнур. Державший оборону против тысячи шанка под крепостью Дунбрек. Продержавшийся семь дней смертоубийства в Высокогорье. Вспомнив эти славные, отчаянные битвы, из которых он вышел живым, Трясучка почувствовал, как на губах заиграла улыбка. Да, конечно, то не жизнь была, а дерьмо, но какими же счастливыми казались сейчас эти дни... Когда рядом были хотя бы друзья.

Послышался топот, и Трясучка поднял голову. По переулку со стороны пристани, откуда пришел он сам, крадущимся шагом приближались четверо с тем вороватым видом, какой бывает у людей, замысливших недоброе. Надеясь, что это «недоброе» не касается его, Трясучка, дабы стать незаметнее, втянул голову в плечи.

Но они, подойдя, остановились, выстроились полукругом, и сердце у него упало. Один – с разбухшим красным носом, как у пьяниц. Другой – с голой, как носок сапога, головой и с деревянной палкой вместо ноги. Третий – с жидкой бородашкой и гнилыми зубами. Каков вид, решил Трясучка, таковы, поди, и намерения.

Четвертый, мерзкого вида ублюдок с крысиной мордочкой, ухмыльнулся.

– Не найдется ли у тебя для нас чего ценного?

– Хотелось бы, чтобы было. Да нету. Так что можете себе идти дальше.

Крысенок, раздосадованный, метнул взгляд на лысого.

– Тогда гони сапоги.

– Холодно же. Я замерзну.

– Мерзни, мне-то что. Сапоги, живо, пока не дали для сугреву пинка.

– Провались, Талин, – проворчал Трясучка, и недотлевшая жалость к себе вдруг вспыхнула в нем с новой силой, нашептывая, что лучше уступить. Мерзавцам ни к чему его сапоги, все, что им нужно, – выглядеть в своих глазах сильными. Но глупо драться одному против четверых, да еще без всякого оружия. И помирать за дырявую обувь, как бы холодно на улице ни было, тоже глупо.

Он наклонился со вздохом и начал стаскивать сапог. В следующий миг его колено ударило красноносого в пах, заставив того крикнуть и сложиться пополам. Это удивило самого Трясучку не меньше, чем грабителей. Видать, мысли о хождении босиком его гордость не снесла. Следом он двинул в челюсть крысенку, схватил его за грудки и швырнул на дружков, отчего те сбились в кучу и заверещали, как девки, застигнутые градом.

Лысый попер на него с палкой, Трясучка увел плечо. Палка просвистела мимо. Лысый потерял равновесие и разинул рот, который Трясучка тут же захлопнул, поддав снизу кулаком, после чего подсек ублюдка под ноги и швырнул наземь. Лысый пронзительно завопил. Кулак Трясучки врезался ему в лицо – один, два, три, четыре раза. Кровь брызнула из сотворенного месива на рукав и без того грязной куртки.

Трясучка молниеносно выпрямился, оставив лысого выплевывать зубы в сточную канаву. Красноносый все еще корчился, завывая и держась за пах. Но остальные двое выхватили ножи. Блеснули острые лезвия. Трясучка, тяжело дыша, пригнулся, сжал кулаки. Взгляд его заметался между двумя противниками. Гнев быстро остывал. Лучше бы он отдал сапоги. Поскольку их

все равно снимут с его коченеющих мертвых ног через весьма короткое, но неприятное для него время. Чертова гордость... от нее один только вред.

Крысенок утер кровь под носом.

– Считай, ты сдох, вонючий северянин! Ты...

Одна нога под ним внезапно подломилась, и с диким визгом он упал, выронив нож.

Из-за его спины появился некто. Высокий, прячущий лицо под капюшоном, держащий в левой руке небрежно опущенный меч, чей длинный тонкий клинок вобрал в себя, казалось, весь свет, что был в переулке, и кровожадно запылал. Последний из похитителей сапог, гнилозубый, выпучил на него большие, как у коровы, глаза, напрочь позабыв о собственном ноже, который стал вдруг выглядеть никчемной безделушкой.

– Беги, пока можешь.

Трясучка от неожиданности тоже выпучил глаза. Голос был женский.

Предложение дважды повторять не потребовалось. Гнилозубый развернулся и ринулся вон из переулка.

– Нога! – вопил крысенок, держась окровавленной рукой за внутреннюю сторону колена. – Моя нога!

– Не скули, не то вторую подрежу.

Лысый лежал молча. Красноносый, сумевший к этому времени опуститься на колени, стenal.

– Сапог моих захотелось? Держи! – Трясучка шагнул к нему, пнул в то же место, вздернул на ноги и отпустил. Мерзавец с воем повалился ничком.

А Трясучка повернулся к пришелице. В ушах его еще шумела кровь, и не верилось, что драка позади и кишки целы. И что они так и останутся целы, тоже не верилось. Вид этой женщины добра не сулил.

– Чего тебе надо? – прорычал он.

– Ничего такого, с чем ты не справишься. – В тени капюшона как будто мелькнула улыбка. – Возможно, у меня найдется для тебя работа.

* * *

Большое блюдо мяса с овощами в подливке, ломоть плохо пропеченного хлеба. Вкусно или нет, разбирать Трясучке было некогда, покуда он засовывал все это в рот. Как дикий зверь, которым по сути и выглядел. Не брившийся две недели, жалкий, грязный из-за ночевок в подворотнях, а то и вовсе на улице. Но наплевать ему было, как он выглядит, при том даже, что на него смотрела женщина.

Они сидели сейчас под крышей, однако капюшона она не сняла. Держалась у стены, где было потемнее. И, когда кто-нибудь подходил близко, наклоняла голову так, что на щеку падала прядь смоляных волос. Трясучка все же сумел кое-что разглядеть в те редкие моменты, когда удавалось оторвать глаза от еды, и увиденное ему понравилось.

Твердое, решительное лицо с волевым подбородком. Жилистая, худая шея. Опасная женщина, пришел он к выводу, для которого, прямо скажем, большого ума не требовалось, поскольку он своими глазами видел, как она без всякой жалости подрезала человеку подколенную жилу. И неотрывный взгляд ее заставлял его нервничать. Такой спокойный и холодный взгляд, словно она уже все про него поняла и точно знала, что он скажет и сделает в следующую минуту. Лучше, чем он сам.

Три длинных пореза на щеке, старых, уже заживших. Перчатка на правой руке, лежавшей без дела. Хромота, которую он заметил еще по пути в харчевню. Похоже, темными делами занималась эта женщина. Но не так уж много было у Трясучки друзей, чтобы ими разбрасываться. И сейчас его верность принадлежала тому, кто кормит.

Он ел, а она смотрела.

– Долго голодал?

– Не очень.

– Давно из дому?

– Не очень.

– Не повезло?

– Больше, чем хотелось бы. Но я сам выбрал, чего не следовало.

– Обычно одно вытекает из другого.

– Это точно. – Он бросил нож и ложку на пустое блюдо. – Надо было прежде крепко подумать. – Подобрал остатки подливы последним кусочком хлеба. – Но я всегда был себе худшим врагом. – Помолчал, дожевывая. – Вы не сказали своего имени.

– И не скажу.

– Вот как?

– Я плачу. И будет по-моему.

– А почему платите? Один мой друг... – Трясучка прочистил горло, засомневавшись, был ли Воссула ему другом, – один знакомый говорил мне, чтоб я ничего не ждал в Стирии за так.

– Хороший совет. Мне от тебя кое-что нужно.

Трясучка ощутил во рту кислый привкус. Теперь он в долгу перед этой женщиной, и чем придется расплачиваться – неизвестно. Судя по ее виду, обед может обойтись ему дорого.

– И что же вам нужно?

– Чтобы ты вымылся для начала. В таком виде – ничего.

Голод и холод, удалившись, освободили место для стыда.

– Мне самому приятней не вонять, уж поверьте. Кой-какая чертова гордость еще осталась.

– Тем лучше для тебя. Спорим, ты не чаешь дожидаться чертовой чистоты.

Трясучке сделалось еще неудобней. Такое чувство возникло, словно он собирается прыгнуть в омут, понятия не имея о глубине.

– И что потом?

– Ничего особенного. Пойдешь в курильню, спросишь человека по имени Саджам. Скажешь ему, что Никомо требует прийти в обычное место. И приведешь его ко мне.

– Почему вы сами этого не сделаете?

– Потому что плачу тебе, дурак. – Рука в перчатке раскрылась, показала монету. Сверкнуло изображение весов, вычеканенное на серебре. – Приведешь Саджаму, получишь скел. Если не расхочешь рыбы к тому времени – купишь целую бочку.

Трясучка нахмурился. Невесть откуда является красotka, спасает, по всей видимости, парню жизнь, после чего делает золотое предложение?... Таких удач судьба ему еще не подбрасывала. Но съеденное мясо всего лишь напомнило, сколько радости он, бывало, получал от еды.

– Ладно, это я сделаю.

– Вот и хорошо. А если сделаешь еще кое-что, получишь пятьдесят.

– Пятьдесят? – Трясучка аж охрип. – Шутите?

– Я что, похожа на шутницу? Пятьдесят, сказала, и, если аппетит к рыбе не потеряешь, купишь собственную лодку. И приоденешься у приличного портного. Как тебе это?

Трясучка стыдливо одернул обтрепанные рукава куртки. С такими деньгами он мог бы запрыгнуть на первый же корабль до Уфффрифа и прогнать пинками по тощей заднице Воссулу из одного конца города в другой. Мечта, которая только и согревала его в последнее время.

– Чего вы хотите за пятьдесят?

– Ничего особенного. Ты пойдешь в курильню, спросишь Саджама. Скажешь, что Никомо требует прийти в обычное место. Приведешь его ко мне. – Она сделала паузу. – Потом поможешь мне убить человека.

Удивления это у него не вызвало, если уж быть честным до конца. Мастером он был лишь в одном деле. И лишь за одно дело ему могли заплатить пятьдесят скелов. Он приехал сюда, чтобы исправиться. Но вышло так, как сказал Ищейка. Раз испачкал руки в крови, отмыть их не слишком-то просто.

Что-то толкнуло его в бедро, и Трясучка чуть не слетел со стула. Глянул под стол и увидел промеж своих ног рукоять длинного ножа. Боевого. Клинок, одетый в ножны, держала рука в перчатке.

– Возьми-ка.

– Я не сказал, что готов убить.

– Я помню. Это для того только, чтобы показать Саджаму, что ты настроен серьезно.

Приязнь Трясучки к женщине, заставшей его врасплох с ножом промеж ног, несколько ослабела.

– Я не сказал, что готов убить.

– Я не говорю, что ты это сказал.

– Ладно. Просто чтобы вы знали.

Он быстро выхватил у нее оружие и спрятал под куртку.

* * *

Нож льнул к его груди, как потерянная и вновь обретенная возлюбленная. Трясучка понимал, что гордиться тут нечем. Ходить с ножом всякий дурак может. И все равно тяжесть оружия казалась приятной, создавая такое чувство, будто он больше не пустое место.

Он приехал в Стирию в поисках честной работы. Но когда кошна пуста, решишься и на бесчестную. И, добравшись, куда было велено, Трясучка подумал, что менее честного с виду заведения он, пожалуй, не встречал. Грязная голая стена без окон, прочная дверь, рядом – двое громил на страже. По тому, в каких позах они стояли, смело можно было предположить – вооружены и готовы без промедления пустить оружие в ход.

Один, чернокожий южанин с длинными черными волосами, спросил:

– Тебе чего? – а второй обшарил Трясучку взглядом с головы до ног.

– Саджама повидать.

– Оружие есть?

Трясучка вытащил нож, протянул вперед рукоятью. Стражник, забрав его, кивнул.

– Иди за мной.

Дверь со скрипом отворилась.

Внутри было не продохнуть. В воздухе клубами плавал густой, пряный дым. В горле у Трясучки запершило, в груди заскребло, в глазах защипало, аж слезы выступили. Еще там было темно, тихо и жарко – слишком жарко, до духоты, после свежего уличного ветра. Фонарики из цветного стекла, не разгоняя мрака, бросали на облупленные стены зеленые, желтые и красные отсветы. Кошмарный сон, а не местечко.

Всюду шелковые шелестящие занавеси. Подушки на полу, на которых раскинулись полураздетые, сонные люди. В глаза Трясучке бросился лежавший на спине, широко разинув рот, мужчина, в безвольной руке которого еще дымилась трубка. К нему прижималась женщина. Лица у обоих были в поту, бессмысленные, выражавшие разом удовольствие и отчаяние, и последнего, пожалуй, больше.

– Сюда.

Сквозь дымные облака Трясучка последовал за провожатым в темный коридор. Привалившаяся к дверному косяку женщина смерила его, слова не сказав, равнодушным взглядом. Откуда-то донеслось равномерное постанывание:

– Ох... ох... ох... – звучавшее как-то вяло.

Раздвинув занавес из гремучих бусин, стражник завел Трясучку в другую комнату, где дыму было поменьше, а жизни побольше. Народ тут собрался всех цветов кожи. И самого недоброго вида. Восемь человек сидели за столом, уставленным бутылками и стаканами, играли в карты. Еще несколько стояли, привалившись к стене и наблюдая за игрой. Взгляд Трясучки сразу же упал на чей-то неприятного вида тесак, не единственное, надо думать, оружие, имевшееся здесь. На стене висели часы, и маятник их раскачивался из стороны в сторону с громким стуком, от которого Трясучке сделалось еще больше не по себе.

Во главе стола, на месте вождя, будь это Север, восседал высокий, крепкий старик с изрезанным морщинами лицом. Черная кожа его маслянисто блестела, борода и короткие волосы были припорошены сединой. Он поигрывал золотой монеткой, подбрасывая ее и ловя то на ладонь, то на тыльную сторону руки. Стражник, нагнувшись, сказал ему что-то на ухо и вручил нож. Все взгляды немедленно устремились на Трясучку. И один скел внезапно стал казаться слишком маленьким вознаграждением за эту работу.

– Ты – Саджам? – спросил Трясучка громче, чем намеревался, охрипшим от дыма голосом.

Черное лицо старика украсилось желтой дугой улыбки.

– Да, Саджам мое имя, и это могут подтвердить собравшиеся здесь друзья. Знаешь ли ты, что по оружию, которое носит человек, можно многое сказать о нем самом?

– Что именно?

Саджам вытащил нож из ножен, поднял, и на лезвии заиграл свет свечей.

– Клинок не дешевый, но и не дорогой. В дело годен, никаких лишних украшений. Острый, прочный, настроен серьезно. Я угадал?

– Почти.

Трясучка понял, что перед ним любитель поболтать, поэтому не стал говорить, что это не его нож. Чем меньше слов, тем скорее он отсюда выберется.

– А как твое имя, друг?

Уж и друг...

– Кол Трясучка.

– Бр-р-р. – Саджам поежился, словно бы от холода, и люди его загоготали. Видать, легко их было насмешить. – Далековато ты забрался от дома, дорогой.

– Чхал я на это. Мне велено кое-чего передать. Никомо требует, чтобы ты пришел.

Веселье мигом схлынуло из комнаты, как кровь из перерезанного горла.

– Куда?

– В обычное место.

– Требуется, говоришь? – Двое из людей Саджама оттолкнулись от стены, зашарили руками по поясам. – Экая наглость. И почему мой старый друг Никомо прислал ко мне громилу-северянина с ножом?

Тут только до Трясучки дошло, что женщина, по неизвестной причине, могла отправить его прямоком в дерьмо. Уж конечно, она действовала не от имени Никомо. Но за последнее время он проглотил столько насмешек, что легче было сдохнуть, чем снести еще одну.

– Спроси его самого. Я тут не для того, чтобы на вопросы отвечать, старик. Никомо требует тебя в обычное место. Вот и все. Поэтому давай-ка, поднимай свою жирную черную задницу, покуда я не осерчал.

Повисла долгая, неприятная пауза. Все обдумывали услышанное.

– Мне это нравится, – хрюкнул наконец Саджам. – А тебе? – обратился он к одному из своих головорезов.

– Да ниче, думаю, если оно кому по вкусу.

– Коль изредка, то да. Хвастливые слова, угрозы, грудь колесом. В больших количествах утомляет, конечно, но в малых способно позабавить. Значит, говоришь, Никомо требует, чтобы я пришел?

– Да, – ответил Трясучка. Ничего не оставалось, кроме как плыть по течению и надеяться, что на берег вынесет живым.

– Что ж, пошли. – Старик бросил карты на стол, медленно поднялся. – И да не скажут никогда, что старый Саджам не отдал долга. Раз Никомо зовет... идем в обычное место. – Нож, принесенный Трясучкой, он сунул за пояс. – Это я, однако, подержу пока у себя. Ладно?..

* * *

Близилась ночь, когда они добрались до места, указанного женщиной, и в облетевшем саду темно было, как в погребе. И так же пусто, насколько мог судить Трясучка. Лишь рваные объявления шуршали в тишине на ветру.

– Ну! – рявкнул Саджам. – Где Коска?

– Она сказала, что будет здесь, – пробурчал Трясучка – скорее себе, чем ему.

– Она? – Старик схватился за рукоять ножа. – Какого дьявола...

– Здесь я, здесь, старый хрыч. – И из-за дерева в скудный свет выскользнула легкая тень.

Капюшон на сей раз был откинут, и Трясучка, наконец, разглядел ее как следует. Она оказалась еще красивей, чем он думал. И суровой. Очень красивая и очень суровая. На шее красный шрам, как у висельника. Вид самый решительный – брови сдвинуты, губы сжаты, глаза сощурены. Словно собралась головой пробить стену и плевать хотела, что из этого выйдет.

Лицо Саджама обмякло.

– Ты жива.

– Проницателен по-прежнему, как погляжу?

– Но я слышал...

– Это не так.

Старик собрался с духом на удивление быстро.

– Нечего тебе делать в Талине, Меркатто. Нечего делать в пределах ста миль от него. И уж совсем нечего – в пределах ста миль от меня. – Он выругался на каком-то неизвестном Трясучке языке, затем задрал голову к небу. – Боже, Боже, почему ты не позволил мне вести честную жизнь?

Женщина фыркнула.

– Потому что кишка у тебя тонка для такой жизни. А еще ты слишком любишь деньги.

– Чистая правда, увы. – Говорили они, как старые друзья, но рука Саджама оставалась на рукояти ножа. – Чего ты хочешь?

– Чтобы ты помог мне убить несколько человек.

– Палачу Каприле понадобилась моя помощь в убийстве? Что ж, если эти люди не слишком близки к герцогу Орсо...

– Он будет последним.

– Бешеная сука. – Саджам медленно покачал головой. – Нравится тебе испытывать меня, Монцарро. Как всегда и всех нравилось испытывать. Ты не сможешь это сделать. Никогда, пока солнце не погаснет...

– А если смогу? И не говори мне, что все последние годы это не было твоим заветнейшим желанием.

– Годы, когда ты сеяла огонь и смерть в Стирии от его имени? С удовольствием принимала от него приказы и деньги и лизала ему задницу? Ты про эти годы говоришь? Не припомню, чтобы ты подставляла мне свое плечо в утешение.

– Он убил Бенну.

– Правда? А говорят, прикончили вас обоих убийцы, подсланные герцогом Рогонтом. – Саджам показал на обтрепанные объявления на стене у нее за спиной, на которых изображены были два лица – мужское и женское. Трясучка вздрогнул, сообразив, что женское принадлежит ей. – Лигой Восьми. Все очень горевали.

– Мне не до шуток, Саджам.

– А когда тебе до них было? Только это не шутки. Ты – настоящий герой... так называют тех, кто убил столько народу, что простыми убийцами их уже не назовешь. Орсо произнес большую речь, сказал, что всем нам нужно сражаться усерднее, чтобы отомстить за тебя. И все плакали. Бенну, конечно, жаль. Мальчик мне всегда нравился. Но я со своими дьяволами примирился. Советую и тебе сделать то же самое.

– Простить может мертвый. Простить можно мертвого. У остальных найдутся дела поинтересней. Мне нужна твоя помощь, и ты у меня в долгу. Плати, убудок.

Они смерили друг друга хмурыми взглядами. Потом старик испустил долгий вздох.

– Я всегда знал, что ты станешь моей погибелью. Какова плата?

– Адреса нужных людей. Рекомендации нужным людям. То, чем ты и занимаешься, не так ли?

– Что ж, кое с кем я знаком.

– Еще мне нужен человек с холодной головой и твердой рукой, который не побоится вида крови.

Саджам как будто призадумался. Потом, повернув голову, спросил через плечо:

– Ты не знаешь такого, Балагур?

Из темноты донесся шорох, с той стороны, откуда явились они с Трясучкой. Следом, оказывается, кто-то шел, и делал это умело. Женщина мгновенно приняла боевую стойку, опустив левую руку на рукоять меча. Трясучка тоже схватился бы за оружие, да только продал его еще в Уффриффе, а нож отдал Саджаму. Поэтому он лишь нервно пошевелил пальцами, в чем не было ни малейшего проку.

На свет вышел, сгорбившись и глядя в землю, еще один человек. Ниже Трясучки на полголовы, но телосложения куда как более мощного и грозного. С бычьей шеей, с увесистыми кулаками, торчавшими из рукавов куртки.

– Балагур, – Саджам разулыбался, радуясь тому, что сумел удивить своих собеседников, – это мой старый друг, Меркатто. Ты поработаешь на нее немного, коли не возражаешь. – Пришелец пожал могучими плечами. – А это... как твое имя, не скажешь ли еще раз?

– Трясучка.

Балагур поднял на миг глаза и снова уставился в землю. Глаза были печальные и странные.

Некоторое время все молчали.

– Он надежный человек? – спросила, наконец, Меркатто.

– Лучший из тех, кого я знаю. Или худший, когда сталкиваешься с его худшей стороной. Мы познакомились в Схроне.

– Что он сделал, чтобы попасть туда, в компанию тебе подобных?

– Все, и более того.

Снова помолчали.

– Не слишком-то он разговорчив для человека с таким именем.

– То же самое подумал и я при первой встрече, – сказал Саджам. – Подозреваю, прозвали его так не без иронии.

– Иронии? В тюрьме?

– В тюрьму всякие люди попадают. У некоторых даже есть чувство юмора.

– Похоже на то. Еще мне нужна хаска.

– Тебе? Я понял бы, если бы брату... а тебе она зачем?

– Старик, с каких пор ты спрашиваешь у покупателей, зачем им товар?

– И то правда.

Он вытащил что-то из кармана, кинул ей, и она поймала это на лету. Сказала:

– Понадобится еще, дам знать.

– Часы буду считать! Всегда был уверен, что ты станешь моей погибелью, Монцкарро. –

Саджам развернулся, собираясь уйти. – Всегда...

Трясучка заступил ему дорогу.

– Нож верни.

Из того, что было сказано, понял он немного, но сомневаться не приходилось – судьба втягивает его в какое-то темное, кровавое дело. И хороший клинок, скорей всего, не помешает.

– С удовольствием. – Саджам опустил тяжелый нож в его раскрытую ладонь. – Хотя советую обзавестись ножичком побольше, если уж связался с нею. – Качая головой, он медленно обвел взглядом всех троих. – Итак, вы, три героя, собрались покончить с герцогом Орсо? Когда вас будут убивать, окажите мне любезность: умрите быстро и придержите мое имя при себе.

С этим подбадривающим напутствием он канул в ночь.

Трясучка повернулся. И наткнулся на пристальный взгляд женщины по имени Меркатто.

– Что ты решил? Рыбу ловить препаришное занятие. Легче, может быть, чем пахать землю, зато вони... – Она протянула к нему руку в перчатке. На ладони блеснуло серебро. – Я могу нанять и кого-нибудь другого. Берешь свой скел? Или хочешь на пятьдесят больше?

Трясучка угрюмо уставился на блестящую монетку. Случалось ему, если подумать, убивать людей и за меньшее. На войне, в междоусобных драках, в поединках. Где попало и чем придется. Но у него всегда имелись для этого причины. Хоть какое-то оправдание. Никогда он не убивал просто так, потому лишь, что кровь была куплена и оплачена.

– Тот человек, которого мы собираемся убить... что он сделал?

– Вынудил меня заплатить пятьдесят скелов за его труп. Этого достаточно?

– Для меня – нет.

Она все не сводила с него взгляда, который отчего-то вызывал у Трясучки беспокойство.

– Ты из этих, что ли?

– Из каких – этих?

– Из людей, которые шагу не ступят без причины. Которым требуются оправдания. Опасная компания. Трудно предсказуемая. – Она пожала плечами. – Но если тебе так легче... Он убил моего брата.

Трясучка заморгал. Услышанные из ее уст, слова эти неведомым образом мгновенно возродили в памяти скорбный день, ярче, чем тот обычно вспоминался. Серое лицо отца, страшная весть. Брат убит, хотя ему была обещана пощада. Клятва отомстить, принесенная со слезами на глазах над его останками.

Клятва, которую он нарушил ради того, чтобы уйти от крови и стать лучше.

Эта женщина, возникшая из ниоткуда, предлагала ему другую месть. «Он убил моего брата». Услышь он какое-то иное объяснение, Трясучка наверняка сказал бы «нет».

Но, может быть, ему просто слишком нужны были деньги.

– Дерьмо, – сказал он. – Давайте пятьдесят.

Шесть и один

Кости выпали – шестерка и единица. Так бывает – разом самое большое и самое маленькое. Этим цифрам можно было уподобить жизнь Балагура. От адских бездн до триумфальных высот. И обратно.

Шесть и один – семь. Семи лет отроду Балагур совершил первое преступление. Но прошло еще шесть лет, прежде чем его поймали в первый раз и вынесли ему первый приговор. Впервые вписали его имя в большую книгу, и впервые он отсидел в Схроне. За воровство – это он помнил, но никак не мог припомнить, что именно украл. И зачем. Отец с матерью давали ему все, только попроси. А он, тем не менее, воровал. Видно, некоторые люди рождаются на свет, чтобы поступать неправильно. Так сказали судьи.

Он поднял кости, встряхнул в кулаке и снова бросил на мостовую, не сводя с них пристального взгляда. Ожидание – всегда приятное предвкушение. Покуда кости катятся, результат может оказаться любым. Они вращаются, и с ними вращаются возможности, вероятности, шансы, его жизнь и жизнь северянина. Жизни всех обитателей великого города Талина.

Шесть и один.

Балагур улыбнулся. Шансы выпадения шестерки и единицы второй раз кряду – один к восемнадцати. Неравные шансы, как сказали бы некоторые, глядя в будущее. Но он смотрел в прошлое, а там не было шанса ни для каких других цифр. Что есть грядущее? – изобилие возможностей. Что есть прошлое? – нечто уже готовое и затвердевшее, как тесто, превращенное в хлеб. Туда не вернуться.

– Что кости говорят?

Балагур, сгребая их ребром ладони, поднял взгляд. Высокий парень этот Трясучка, но не тощий, какими часто бывают верзилы. Сильный. Но сделал его таким не тяжкий труд фермера или каменщика. Проворный. И не новичок в работе, которая им предстоит. Имелись тому кое-какие приметы, хорошо известные Балагуру. В Схроне угрозу, которую представляет человек, ты должен оценивать мгновенно. Оценивать и не зевать.

Солдат, скорее всего, принявший участие не в одной битве, судя по шрамам и тому выражению лица и глаз, с каким он расхаживает в ожидании. Не спокоен, но сдержан. Бежать не бросится и голову не потеряет. Не часто встречаются такие люди – умеющие сохранять голову, когда случается непредвиденное. На левом запястье шрам, который, если взглянуть под определенным углом, похож на семерку.

Семь нынче хорошая цифра.

– Ничего не говорят. Это кости.

– Зачем же ты тогда их бросаешь?

– Это кости. Что с ними еще делать?

Балагур закрыл глаза, сжал кости в кулаке, приложил, ощущая в ладони их тепло и закругленные грани, кулак к лицу. Что собираются они открыть ему сейчас, какие цифры выпустить на свободу? Снова шесть и один?.. Он вздрогнул от возбуждения. Шансы выбросить шесть и один в третий раз – один к тремстам двадцати четырем. Триста двадцать четыре – число камер в Схроне. Добрый знак.

– Идут, – шепнул северянин.

Их было четверо. Трое мужчин и шлюха. Слух Балагура уловил звяканье ее ночного колокольчика, смех кого-то из мужчин. Все пьяные, бредут по темному переулку, шатаясь.

Кости подождут.

Вздыхнув, он бережно завернул их в мягкий платок, сложил его в несколько раз и спрятал глубоко во тьму надежного внутреннего кармана. Хотелось бы ему самому быть спрятанным в глубокой надежной тьме, но чего нет, того нет. Назад не вернуться.

Встав, он стряхнул с колен дорожную пыль.

– Каков план? – спросил Трясучка.

Балагур пожал плечами:

– Шесть и один.

Накинул капюшон, сгорбился, сунув руки в карманы, и двинулся вперед.

Компания вошла в пятно света, падавшего из окна на верхнем этаже. Из тьмы выплыли четыре балаганных рыла, искаженных хмельным весельем. Дряблое лицо толстяка посередине, с маленькими колючими глазками и злобной ухмылкой. Размалеванное – женщины, ковыляющей рядом на высоких каблуках. Тощее и бородатое – мужчины слева. Бледное, с выступившими от смеха слезами на глазах – мужчины справа.

– И что потом? – спросил, утирая слезы, последний, гораздо громче, чем требовалось.

– А ты как думаешь? Пинал его, пока он не обделался. – Снова раздался гогот. Басу толстяка вторил контрапунктом женский фальцет. – Герцогу Орсо, сказал я, нравятся люди, которые говорят «да». И ты, лживый...

– Гобба? – спросил Балагур.

Тот резко повернул голову, улыбка сползла с дряблого лица. Балагур остановился. От того места, где бросал кости, он сделал сорок один шаг. Шесть и один – семь. Семью шесть – сорок два. Один долой...

– Ты кто? – рыкнул Гобба.

– Шесть и один.

– Что? – Смешливый, шедший справа, попытался отпихнуть Балагура пьяной рукой. – Проваливай, недоумок убог...

Тесак разрубил ему голову до переносицы. Бородатый слева не успел рта открыть, как Балагур уже оказался рядом и нанес первый удар длинным ножом. Пять раз тот вошел в живот, затем Балагур отступил, хлестким ударом перерезал горло, подсек бородача под ноги и толчком опрокинул на мостовую.

После чего медленно выдохнул. У первого – одна огромная рана на голове. Выплеснулись черные мозги, залив съехавшиеся к носу глаза. У второго – пять ножевых ран в теле. Еще – перерезанное горло, из которого хлещет кровь.

– Хорошо, – сказал Балагур. – Шесть и один.

Девка, одна напудренная щека которой расцветилась брызгами крови, завизжала.

– Ты покойник! – заревел Гобба, попятившись и выхватив из-за пояса нож. – Убью! – Но вперед отчего-то не кинулся.

– Когда? – спросил Балагур, поигрывая двумя ножами. – Завтра?

– Я...

Тут по затылку толстяка треснула дубинка Трясучки. Хороший удар, в правильное место. Колени Гоббы подогнулись, как смятая бумага, и он повалился наземь без чувств. Влажно шмякнулась о булыжную мостовую дряблая щека. Выпал из разжавшейся руки нож.

– Не завтра. Никогда. – Девка все захлебывалась визгом, и Балагур повернулся к ней: – Что стоишь? Беги.

Та, шатаясь на высоких каблуках, оглашая завываниями темный переулок, побежала. Звон ночного колокольчика затих вдаль.

Трясучка хмуро уставился на два трупа на мостовой. Две лужи крови растеклись по щелям меж булыжников, встретились, смешались и стали одной.

– Чтоб я сдох, – пробормотал он на своем языке.

Балагур пожал плечами.

– Добро пожаловать в Стирию.

Кровавое внушение

Глядя на руку в перчатке, скалясь от напряжения, Монца снова и снова сгибала и разгибала три пальца, которые еще действовали, слушая щелчки и треск, раздававшиеся всякий раз, как она сжимала кулак. Она чувствовала странное спокойствие, хотя жизнь ее, если это можно было назвать жизнью, балансировала сейчас на лезвии бритвы.

«Не доверяй человеку в том, что выходит за рамки его собственных интересов», – писал Вертурио, а убийство великого герцога Орсо и его приближенных не показалось бы легкой работой никому. Доверять молчаливому уголовнику она могла не больше, чем Саджаму, которому веры не было никакой. Северянин как будто казался честным, но то же самое думала она в свое время об Орсо, и о последствиях говорить не приходилось. Поэтому ее не слишком удивило бы, войди сейчас эта парочка под руку с расплывшимся в улыбке Гоббой, готовым отволочь ее в Фонтезармо, чтобы сбросить с горы еще разок.

Она не верит никому. Но в одиночку ей не справиться...

С улицы донеслись торопливые шаги. Стукнула, распахнувшись, дверь, и вошли трое. Трясучка – справа, Балагур – слева. Гобба – посередине. Руки его были закинута им на плечи, голова свешивалась на грудь, носки сапог волоклись по засыпанному опилками полу.

Похоже, доверия ее не обманули. На этот раз, во всяком случае.

Балагур подтащил Гоббу к наковальне – выщербленной глыбе черного железа в центре кузницы. Трясучка подхватил с пола концы обмотанной вокруг нее длинной цепи с болтавшимися на них наручниками. Вид у него был мрачный. Как у человека, терзаемого угрызениями совести. Неплохая штука – совесть, но вечно начинает зудеть в подобных случаях.

Вместе эти двое действовали неплохо для бродяги и уголовника. Без суеты и лишних движений. Без всякой нервозности, даром что готовились к убийству. Впрочем, Монца всегда умела подбирать для работы нужных людей. Балагур защелкнул наручники на толстых запястьях телохранителя. Трясучка, подкрутив фонарь, прибавил в захлавленной кузнице света.

– Приведите его в чувство.

Балагур выплеснул в лицо Гоббе ведро воды. Тот захлебнулся, втянув воздух, закашлялся, затряс головой, разбрызгивая воду с волос. Попытался вскочить, но цепь, громыхнув, удержала его на месте. Маленькие глазки злобно зашарили по сторонам.

– Ублюдки! Считайте, вы покойники! Оба покойники! Не знаете, кто я такой? И на кого работаю?

– Я знаю.

Монца изо всех сил старалась идти ровно, как когда-то, но получалось плохо. Прихрамывая, она выступила на свет, откинула капюшон.

Жирное лицо Гоббы перекосилось.

– Нет. Не может быть... – Глазки выпучились. Полезли на лоб. Изумление в них сменилось страхом, страх – ужасом. Звеня цепью, Гобба попытался отползти от нее. – Нет!

– Да. – И, вопреки боли, она улыбнулась. – Как делишки, говнюк? Гляжу, ты прибавил в весе, Гобба. Больше, чем я потеряла. Вот ведь как забавно бывает. Что там у тебя за камушек, не мой ли?

На фоне черного железа пылала красная искорка – рубин на мизинце Гоббы. Балагур, нагнувшись, сорвал его и бросил Монце. Она поймала перстень на лету левой рукой. Последний подарок Бенны, которым они любовались вдвоем, поднимаясь в гору, чтобы встретиться с герцогом Орсо. Ободок был слегка погнут и поцарапан, но сам камень, цвета перерезанного горла, сверкал, как прежде, ярко.

– Пострадал немного, когда ты пытался меня убить, да, Гобба? Все мы пострадали... – Надеть перстень на средний палец левой руки удалось не сразу, но, в конце концов, она все же пропихнула в него кривой сустав. – По-прежнему впору. К счастью.

– Послушай! Мы ведь можем договориться! – Лицо Гоббы мелким бисером усеял пот. – Решим, как...

– Я уже решила. Жаль, горы нет поблизости. – Монца сняла с полки молот – короткая рукоять, массивный стальной боек. Крепко стиснула его рукой в перчатке и услышала, как хрустнули косточки. – И придется расколотить тебя этим. Не поддержишь его? – обратилась она к Балагуру, и тот силком уложил на наковальню руку Гоббы, бледную на фоне черного металла. – Надо было тебе меня добить.

– Орсо узнает! Все узнает!

– Конечно, узнает. Когда я скину его с того самого балкона, если не раньше.

– Не доберешься! Он убьет тебя!

– Убивал уже, помнишь? Да не вышло.

Жилы вздулись на шее Гоббы – он изо всех сил пытался вырвать руку, но Балагур держал крепко.

– Тебе его не одолеть!

– Кто знает. Поживем – увидим. Наверняка я могу сказать лишь одно. – Монца высоко подняла молот. – Ты не увидишь ничего.

Боек обрушился на пальцы с металлическим стуком – раз, другой, третий. При каждом ударе ее руку до плеча простреливала боль. Куда слабее, правда, чем та, что пронзала руку Гоббы. Он задыхался, вопил и трясся. Отпрянул от наковальни, кисть развернулась боком. И Монца ухмыльнулась, когда молот, упавший вниз в очередной раз, ее раздробил. Следующий удар пришелся в запястье, которое мгновенно почернело.

– Выглядит похуже, пожалуй, чем у меня тогда. – Она пожала плечами. – Но возвращать долг с процентами – свидетельство хороших манер. Давай вторую.

– Нет! – завопил Гобба, пустив слюну. – Нет! Вспомни о моих детях!

– Вспомни о моем брате!

Вторую руку она крушила по частям. Тщательно, не спеша нацеливая каждый удар. Кончики пальцев. Пальцы. Костяшки. Большой палец. Ладонь. Запястье.

– Шесть и шесть, – пробормотал Балагур.

Гобба ревел, не переставая. В ушах у Монцы стучала кровь.

– Что? – спросила она, решив, что недослышала.

– Шесть раз, и еще шесть раз. – Он отпустил телохранителя Орсо, отряхнул ладони. – Молотом.

– И? – рывкнула она, так и не поняв, о чем он.

Гобба, брызгая слюной, уперся в наковальню ногами. Натянул цепь, тщетно пытаясь сдвинуть с места железную глыбу. Почерневшие кисти безвольно свисали из наручников.

Монца наклонилась над ним.

– Я разрешила тебе встать?

Молот с хрустом раздробил коленную чашечку. Гобба рухнул на спину и не успел еще заорать, когда второй удар в колено выбил ему ногу в обратную сторону.

– Нелегкая, однако, работа. – Монца стащила с себя куртку, морщась от боли в плече. – Правда, и я уже не так сильна, как прежде. – Закатала рукава черной рубахи, обнажив длинный шрам на одной руке. – Помню, ты говорил, Гобба, что умеешь заставить женщину вспотеть. А я смеялась над тобой, подумать только. – Утерла тыльной стороной руки лоб. – Теперь пове-рила. Раскуйте его.

– Стоит ли? – спросил Балагур.

– Боишься, укусит за ногу? Дай-ка я его погоняю.

Уголовник пожал плечами, нагнулся и снял с Гоббы наручники. Она перехватила хмурый взгляд Трясучки, стоявшего в стороне. Рывкнула:

– Что-то не так?

Он промолчал.

Гобба пополз неведомо куда, опираясь на локти, волоча за собой сломанную ногу. Издавая какие-то бессмысленные стоны. Вроде тех, что издавала она сама, лежа с разможенными костями у подножья горы под Фонтезармо.

– Ы-ы-ырх...

Удовольствия это доставляло куда меньше, чем надеялась Монца, и потому она разозлилась еще сильнее. Стоны Гоббы раздражали. Руку сводило болью. Монца заставила себя улыбнуться, изображая радость, которой не испытывала, и, прихрамывая, подошла к нему.

– Должна сказать, я разочарована. Орсо так хвастался силой своего телохранителя... но сейчас мы проверим, насколько ты силен на самом деле. Я...

Нога вдруг подвернулась. Монца вскрикнула, отшатнулась к выложенной кирпичом стенке горна, схватилась за нее левой рукой, чтобы не упасть. Через мгновение поняла, что раскаленный горн так и не остыл.

– Черт! – Отшатнулась в другую сторону, как клоун на арене, споткнулась о ведро, грязная вода из которого выплеснулась ей на ногу. – Дерьмо!

Нагнулась к Гоббе и нанесла удар молотом, обуянная внезапным, глупым гневом, которого тут же устыдилась сама.

– Ублюдок! Подонок!

Стальной боек прошелся по ребрам, Гобба хрюкнул и забулькал. Попытался свернуться клубком и, зацепив ее за ногу, чуть не уронил на себя.

От боли, скрутившей бедро, Монца завизжала. Саданула его по голове рукоятью молота, наполовину оторвав ухо. Трясучка двинулся было на помощь, но она уже высвободилась.

Гобба, каким-то образом сумев сесть и привалиться спиной к бочке с водой, зарыдал и завыл. Раздувшиеся кисти рук, багровые, мягкие, как перчатки, сделались вдвое больше, чем были.

– Проси пощады! – прошипела Монца. – Проси, жирный говнюк!

Но Гоббе было не до этого. Он пялился на котлеты вместо рук и выл. Хрипло и слезливо.

– Могут слышать. – Вид у Балагура был такой, словно больше его ничто не волновало.

– Ну, так заткни его.

Уголовник, зайдя сзади, перегнулся через бочку, подцепил Гоббу под подбородок удавкой и с силой вздернул его кверху. Вой сменился сипением.

Монца присела так, что лица их с Гоббой оказались на одном уровне. Не обращая внимания на боль в коленях, жадно уставилась на металлическую струну, что врезалась в жирную шею. Как некогда другая – в ее собственную. Шрамы, оставленные удавкой, зазудели.

– Каково тебе, а? – Она прошлась взглядом по его лицу, пытаясь ощутить хоть какое-то удовлетворение. – Каково? – спросила снова, хотя никто не знал этого лучше, чем она сама. Глаза Гоббы выпучились, брыли затряслись, из розовых стали красными, затем багровыми. Монца не без труда выпрямилась. – Сказала бы я, что тело недурное пропадет понапрасну. Но это не так.

Закрыв глаза, она запрокинула голову, с силой втянула носом воздух. Крепче сжала молот, подняла его.

– Предать меня и оставить в живых?

Боек ударил меж свинячьих глазок, раздался треск – словно раскололась каменная плита. Тело Гоббы выгнулось дугой, рот разинулся, но из него не вылетело ни звука.

– Лишить меня руки и оставить в живых?

Молот ударил в нос, продавив лицо, как яичную скорлупу. Тело Гоббы обмякло, сломанная нога мелко задергалась.

– Убить моего брата и оставить меня в живых?

От последнего удара раскололся череп. По багровой коже хлынула черная кровь. Балагур убрал удавку, и Гобба завалился на бок. Перекатился легко, почти изящно, лицом вниз и застыл.

Мертв. Проверять ни к чему, и так ясно. Монца, морщась, с трудом разжала ноющие пальцы. Молот грохнулся на пол, кроваво блеснул боек с приставшим клочком волос.

Один мертв. Осталось шесть.

– Шесть и один, – пробормотала она.

Балагур, невесть с чего, вдруг уставился на нее широко открытыми глазами.

– На что это похоже? – спросил Трясучка.

– Что – это?

– Месть. Приятное чувство?

Монца не чувствовала ничего, кроме боли в голове, ногах и руках – одной переломанной, другой обожженной. Бенна по-прежнему мертв, она по-прежнему калека. Нахмурившись, она не ответила.

– Убрать его отсюда? – Балагур указал тяжелым, блестящим тесаком на труп.

– Да, и постарайся, чтобы не нашли.

Ухватив Гоббу за лодыжку, Балагур подволок его к наковальне. На опилках остался кровавый след.

– Разрубить. Раскидать по сточным канавам. Крысы сожрут.

– Достойный конец. – Монцу, однако, слегка затошнило.

Ей требовалось покурить. Как всегда в это время. Расслабиться, успокоиться. Она вытащила маленький кошелек с пятьюдесятью скелами и бросила его Трясучке.

Тот поймал. Звякнули монетки.

– Расчет?

– Расчет.

– Хорошо. – Он сделал паузу, словно хотел сказать что-нибудь еще, но не мог придумать, что. – Мне жаль вашего брата.

Она взглянула ему в лицо, освещенное тусклым фонарем. Внимательно всмотрелась, пытаясь его понять. О ней и Орсо он практически ничего не знал. Вообще мало что знал, на первый взгляд. Но сражаться умел, это она видела сама. Пошел в притон Саджама один, что требовало мужества. Человек мужественный, наделенный совестью... возможно. Гордый. Такой мог оказаться еще и верным. А верные люди в Стирии редчайший товар.

Ей никогда не приходилось оставаться одной надолго. Бенна всегда был рядом. Или за спиной, на худой конец.

– Жаль?

– Да. И у меня был брат.

Он начал разворачиваться к двери.

– Тебе больше не нужна работа?

Монца, не сводя с него глаз, двинулась вперед. Нашарила на поясе за спиной рукоять ножа. Ему известно ее имя. Имена Орсо и Саджама. Этого достаточно, чтобы она не дожила до рассвета. По доброй воле или нет, но он должен остаться.

– Такая же? – Он угрюмо глянул на окровавленные опилки у нее под ногами.

– Убийство. Говори, не стесняйся. – Ударить в грудь, размышляла она тем временем, или в горло? Или подождать, пока повернется, и всадить нож в спину? – А ты что думал? Козу доить?

Он покачал головой. Длинные волосы всколыхнулись.

– Может, вам это покажется глупым, но я приехал сюда, чтобы исправиться. У вас есть свои причины, конечно, но мне сдается, неверный это шаг. В неверном направлении.

– Еще шесть человек.

– Нет. Нет. С меня хватит. – Казалось, он сам себя пытается убедить. – Все равно, сколько...

– Пять тысяч скелов.

Трясучка уже открыл рот, чтобы снова сказать «нет». Но не сказал. Уставился на нее. Сначала растерянно, потом задумчиво. Прикидывая, сколько же это денег на самом деле. И что на них можно купить. Монца всегда умела определить цену человека, которую имеет каждый.

Глядя ему в лицо, она шагнула вперед.

– Ты хороший человек, я вижу. И сильный. Такой, как нужен. – Скользнула взглядом по его губам, снова посмотрела в глаза. – Помоги мне. Я нуждаюсь в твоей помощи, а ты – в моих деньгах. Пять тысяч скелов. С такими деньгами тебе будет гораздо легче исправиться. Помоги мне. Потом ты сможешь купить хоть половину Севера. И стать королем.

– Кто сказал, что я хочу быть королем?

– Будь королевой, коль хочешь. Но я скажу, кем ты уже точно не будешь. – Она придвинулась к нему так близко, что дышала почти в лицо. – Нищим. По мне, не пристало гордому человеку вроде тебя унижаться в поисках работы. – И Монца отвела взгляд. – Решать, конечно, тебе.

Он еще молчал в раздумье. Но Монца уже убрала руку с рукояти ножа, зная, каким будет ответ. «Деньги для каждого человека значат свое, – писал Бьяловельд, – но всегда хорошее».

Наконец Трясучка поднял голову. Взгляд сделался жестким.

– Кто следующий?

В былые времена Монца усмехнулась бы брату, и тот ответил бы ей такой же усмешкой. «Мы опять победили». Но Бенна был мертв, и думать следовало о том, чья очередь настала к нему присоединиться.

– Банкир.

– Кто такой?

– Человек, который считает деньги.

– Зарабатывает деньги, считая деньги?

– Точно.

– Странные у вас обычаи, однако. И что он сделал?

– Убил моего брата.

– Снова месть?

– Снова месть.

Трясучка кивнул.

– Считайте, я нанят. Что теперь?

– Помоги Балагуру вынести мусор. Ночью мы уедем. В Талине нам пока делать нечего.

Трясучка посмотрел на наковальню, тяжело вздохнул. Затем вытащил нож, который она ему дала, и направился к Балагуру, уже принявшемуся за работу.

Монца взглянула на свою левую руку, вытерла с нее капельки крови. Пальцы слегка дрожали. Из-за того ли, что несколькими минутами раньше она убила человека, из-за того ли, что не убила человека сию минуту, из-за того ли, что попросту хотела курить... сказать было трудно.

Возможно, по всем трем причинам сразу.

II. Вестпорт

Люди постепенно привыкают к яду.
Виктор Гюго

В первый год они голодали, и Бенна вынужден был просить у сельчан милостыню, покуда Монца трудилась в поле и собирала ягоды в лесу.

На второй год удалось снять урожай получше и вырастить кое-какие овощи на делянке возле сарая. А еще, когда начались метели и в долине воцарилось белое безмолвие, их ссудил хлебом мельник, старик Дестор.

На третий год стояла чудесная погода, дожди шли вовремя, и на верхнем поле пшеница уродилась на славу. Не хуже, чем у отца. Из-за беспорядков на границе цены были высокими. Вырученных денег должно было хватить на то, чтобы залатать крышу и справиться Бенне новую куртку. Монца, глядя, как ветер гонит волны по пшеничному морю, испытывала ту особую гордость, какую знает всякий, сделавший что-то собственными руками. Гордость, о которой говорил отец.

За несколько дней до жатвы ее разбудили среди ночи какие-то звуки. Зажав рукою рот спавшему рядом Бенне, она растолкала его. Взяла отцовский меч, открыла ставни, и, тихонько выбравшись через окно в лес, брат с сестрой спрятались в ежевичнике.

Перед домом маячили черные фигуры. Во тьме ярко пылали факелы.

– Кто это?

– Ч-ш-ш.

Слышно было, как ночные пришельцы взломали двери и принялись крушить все в доме и сарае.

– Что им надо?

– Ч-ш-ш.

Затем они окружили поле и подпалили его факелами, и маленькие огоньки, пожирая спелую пшеницу, обратились в грозное, ревущее пламя. Кто-то радостно завопил. Кто-то засмеялся.

На худеньком личике Бенны, озаренном трепещущими оранжевыми сполохами, блестели слезы.

– Но зачем они... зачем...

– Ч-ш-ш.

Монца смотрела, как ясное ночное небо заволакивает дым. Все, что осталось от ее трудов, ее мучений, ее пота. Пришельцы удалились, но она долго еще сидела, глядя на догоравшее поле.

Утром пришли другие. Угрюмые жители долины, жаждавшие мести. Возглавлял их старик Дестор – с мечом на бедре и тремя сыновьями за спиной.

– Здесь тоже побывали, да? Вам повезло, что остались живы. Креви они убили, вместе с женой. И сыном.

– Что вы собираетесь делать?

– Пойти следом. И повесить их.

– Мы тоже пойдем.

– Вам лучше бы...

– Пойдем.

Дестор не всегда был мельником и дело знал. Налетчиков они догнали на следующую ночь. Те, возвращаясь обратно на юг, встали лагерем в лесу, развели костры и даже не выставили охрану. Воры, а не солдаты. Среди них были и фермеры, только с другой стороны гра-

ницы, решившие, видно, расплатиться за какие-то свои мнимые обиды, покуда господа их были заняты, расплачиваясь за свои.

– Кто не готов убивать, пусть остается здесь. – Дестор вытащил меч, и остальные тоже взяли на изготовку тесаки, топоры и импровизированные копья.

– Останься! – жалобно попросил Бенна, цепляясь за Монцу.

– Нет.

Пригнувшись, она ринулась с отцовским мечом на свет костров, плясавший среди черных деревьев. Услышала крики, лязг металла, свист спущенной тетивы.

Выбежала из кустов прямо на двух мужчин у огня, над которым дымился котелок. У одного, бородатого, в руке был плотницкий топор. Он только начал поднимать свое оружие, когда Монца уже полоснула его мечом по глазам. Бородач с воплем повалился наземь. Второй развернулся бежать, но не успел и шагу сделать, как она достала его мечом в спину.

Бородач выл без умолку, схватившись руками за лицо. Монца вонзила меч ему в грудь. Он влажно всхлипнул несколько раз и умолк.

Она угрюмо смотрела на два трупа, пока не затихли кругом звуки сражения. Потом из кустов настороженно выбрался Бенна. Снял у бородача с пояса кошелек. Высыпал себе в ладонь горсть серебряных монет.

– Семнадцать скелов.

Вдвое больше, чем стоило все их пшеничное поле.

Кошелек второго убитого брат протянул ей, широко раскрыв глаза.

– А у этого – тридцать.

– Тридцать?

Монца взглянула на отцовский меч, обгаренный кровью. Как странно... что она стала убийцей. Как странно, что убивать оказалось так легко. Легче, чем ковыряться пропитания ради в каменистой земле. Намного легче.

Потом она ждала, когда же к ней явится раскаяние. Долго ждала.

Но оно так и не явилось.

Яд

Денек выдался из тех, что больше всего нравились Морвиру. Прохладный, даже холодный, но совершенно тихий и безупречно ясный. Сквозь нагие черные ветви фруктовых деревьев ярко светило солнце, превращая тусклую медь треножника в золото, высекая из дымчатого стекла посуды драгоценные искорки. Нет ничего лучше, чем работа в такой день на открытом воздухе, в котором смертоносные испарения рассеиваются, никому не причиняя вреда. Представители морвирова ремесла почти все погибали, рано или поздно, от своих же составов, и у него не было ни малейшего желания присоединиться к их числу. Помимо всего прочего, репутацию уже не восстановишь...

Глядя на зыбкий огонек, над которым кипятились реактивы, кивая головой в такт их прилежному побулькиванию, тихому дребезжанию конденсатора и реторты, умиротворяющему шипению пара, Морвир улыбался. Звуки эти для него были что лязг клинка для мастера мечей, звон монет для мастера торговли. Они означали, что работа успешно продвигается. И на сосредоточенное личико Дэй сквозь искажающее стекло заостренной накопительной колбы он поглядывал тоже с чувством глубокого удовлетворения.

Прелестное личико, ничего не скажешь, в форме сердечка, обрамленное светлыми кудряшками. Но в прелести его ничего приметного, ничего бросающегося в глаза. Одна обезоруживающая невинность. Такое лицо вызовет симпатию у каждого, но никому не запомнится. Мгновенно ускользнет из памяти. Морвир и выбрал-то ее, главным образом, из-за лица. Поскольку ничего не делал случайно.

На кончике трубки конденсатора заблестала драгоценная капля. Разбухла, вытянулась, оторвалась, наконец, и, прочертив сверкающей молнией пространство колбы, бесшумно канула на дно.

– Превосходно, – пробормотал Морвир.

За ней последовали торжественной вереницей, разбухая и падая, другие капли. Последняя отчего-то замешкалась на трубке, и Дэй легонько щелкнула по стеклу. Капля сорвалась, присоединилась к своим товаркам, выглядевшим на дне колбы точь-в-точь как обыкновенная вода, которой едва хватило бы смочить губы.

– А теперь, дорогая, действуй осторожно. Очень, очень осторожно. Твоя жизнь висит на волоске. И моя тоже.

Дэй, высунув от усердия язычок, с крайней бережностью сняла конденсатор, поставила его на поднос. Медленно разобрала на части весь аппарат. У нее были чудесные, ловкие ручки: нежные, но твердые, какие и требовались для ученицы Морвира. Заткнув колбу пробкой, Дэй подняла ее к свету. Солнечный луч превратил влагу на дне в жидкий бриллиант. Девушка улыбнулась невинной и прелестной, но совершенно не запоминающейся улыбкой.

– Так мало.

– Это наичистейшая суть. Без цвета, запаха, вкуса. Но достаточно проглотить бесконечно малую каплю, вдохнуть испарения, даже просто прикоснуться – и человек умрет через несколько минут. Противоядий нет, лекарств нет, невосприимчивости нет. Это воистину... король ядов.

– Король ядов, – с должным благоговением выдохнула она.

– Сбереги это знание в своем сердце, дорогая, чтобы использовать при крайней нужде. Только против самых опасных, недоверчивых и коварных клиентов. Тех, кто лично знаком с искусством отравления.

– Понимаю. Осторожность на первом месте, всегда.

– Очень хорошо. Это самый ценный из уроков. – Морвир уселся на стул, сложил пальцы домиком. – Теперь ты знаешь все мои секреты. Ученичество твое подошло к концу, но... надеюсь, ты останешься со мной как помощница.

– Служить вам – честь для меня. Мне еще многому предстоит учиться.

– Как всем нам, дорогая моя. – Морвир резко повернул голову на звук колокольчика, звякнувшего у ворот. – Как всем...

По длинной дорожке через сад к дому приближались двое. Мужчина и женщина. Морвир раскрыл подозрную трубу и принялся разглядывать через нее визитеров.

Мужчина был очень высок и выглядел из-за этого внушительно. Развевающиеся волосы, поношенная куртка. Северянин, судя по внешности.

– Дикарь, – проворчал Морвир себе под нос. Таких он заслуженно презирал за грубые повадки и склонность к суевериям.

Перевел подозрную трубу на женщину. Та, одетая почти как мужчина, смотрела, шагая по дорожке, прямо на дом. На самого Морвира, казалось. Угольно-черные волосы, очень красивое лицо, ничего не скажешь. Но жесткое в своей красоте и даже пугающее, чему способствует выражение непреклонной решимости. Лицо, выражающее вызов и угрозу одновременно. Лицо, которое, будучи раз увиденным, забудется нескоро.

Не так красива, конечно, как его мать, но с матушкой никто не сравнится. Та была наделена почти сверхъестественной красотой. Улыбка ее, непорочная, сияющая, как само солнце, навек запечатлелась в его памяти, словно...

– К нам гости? – спросила Дэй.

– Девица Меркатто. – Он щелкнул пальцами, показывая на стол. – Убери это. С наивеличайшей осторожностью, помни! Потом подай вино и пирожки.

– С чем?

– Всего лишь со сливами и абрикосами. Я собираюсь угостить посетителей, а не убить.

«Пока они не сказали, во всяком случае, с чем пришли», – подумал он.

Дэй проворно убрала со стола, застелила его скатертью, расставила вокруг стулья. Морвир тем временем предпринял кое-какие простенькие меры предосторожности. Затем, усевшись на стул, скрестил перед собою ноги в начищенных до блеска высоких сапогах, сложил руки на груди – ни дать ни взять сельский помещик, наслаждающийся свежим воздухом в своем именье. И разве он не заслужил этого, в конце концов?

Когда посетители приблизились, он поднялся на ноги с самой угодливой из своих улыбок. В походке женщины Меркатто ощущался слабый намек на хромоту, которую она умело скрывала. Но восприятие Морвира за долгие годы занятия опасным ремеслом отточено было до остроты бритвы, и ни одна деталь от него не ускользала. На правом боку у нее висел меч, по виду неплохой, но ему Морвир уделил мало внимания. Оружие уродливое и бесхитростное. Носить его еще можно, но в ход пускать – удел гневливых невежд. Перчатка на правой руке подсказывала, что женщине есть что прятать, ибо левая была обнажена и щеголяла кроваво-красным камнем величиною с ноготь большого пальца. Цены многообещающе немалой, коль он и впрямь являлся тем, чем выглядел.

– Я...

– Вы – Монцарро Меркатто, в недавнем прошлом капитан-генерал Тысячи Мечей на службе у Орсо, герцога Талина. – Руки в перчатке Морвир решил не касаться, поэтому предложил гостье свою левую, ладонью вверх – жестом, исполненным скромности и смирения. – Наш общий знакомец, некто Саджам, предупредил меня о вашем визите. – Она ответила коротким рукопожатием, твердым и деловитым. – А ваше имя, мой друг?.. – Подобострастно наклонясь, Морвир взял большую правую руку северянина в обе свои.

– Кол Трясучка.

– О... да, ваши северные имена всегда казались мне восхитительно образными.

– Какими?

– Прелестными.

– А.

Морвир еще мгновение удерживал его руку, затем отпустил.

– Прошу, присаживайтесь, – улыбнулся он Меркатто, которая, подходя к стулу, едва заметно поморщилась. – Должен признаться, не ожидал, что вы окажетесь столь прекрасны.

Она нахмурилась.

– А я не ожидала, что вы окажетесь столь любезны.

– О, я могу быть крайне нелюбезен, поверьте, коль требуется. – Появилась Дэй, молча поставила на стол блюдо со сладкими пирожками и поднос с бутылкой вина и бокалами. – Но вряд ли это требуется сейчас, не так ли? Вина?

Посетители обменялись выразительными взглядами. Усмехнувшись, Морвир вынул из бутылки пробку, наполнил вином один бокал.

– Вы оба наемники, но, смею предположить, не нападаете с целью грабежа и вымогательства на каждого встречного. Так и я вовсе не травлю каждого из своих знакомых. – Он сделал большой глоток, словно демонстрируя безопасность напитка. – Иначе кто бы мне платил? Вам ничто не угрожает.

– Пусть так, но мы все же откажемся, уж простите.

Дэй потянулась за пирожком.

– Можно?..

– Полакомься, дорогая. – Он снова обратился к Меркатто: – Стало быть, вы пришли ко мне не ради того, чтобы выпить вина.

– Нет. У меня для вас есть работа.

Морвир проэкзаменовал состояние своих ногтей.

– Смерть великого герцога Орсо и еще кое-кого, полагаю. – Ответом было молчание, которое он счел достаточным поводом пуститься в объяснения. – Чтобы прийти к такому выводу, не требуется большого ума. Орсо объявляет, будто вас и вашего брата убили представители Лиги Восьми. Затем от моего и вашего друга Саджама я слышу, что вы куда более живы, чем объявлено. И поскольку не происходит трогательного воссоединения с Орсо и не разносится слух о вашем чудесном спасении, остается предположить, что осприанские наемные убийцы были на самом деле... игрой воображения. Герцог Талина наделен печально известным ревнивым нравом, а ваши многочисленные победы сделали вас, на вкус вашего хозяина, слишком уж популярными. Я близок к сути?

– Весьма.

– В таком случае, примите мои сердечные соболезнования. Ваш брат, судя по всему, не смог к вам присоединиться, вы же, как я слышал, были неразлучны. – Холодная голубизна глаз Меркатто совершенно заледенела. Да еще этот угрюмый молчаливый северянин рядом... Морвир со всем тщанием откашлялся. Меч, воткнутый в кишки, сколь бы ни был бесхитростен, убивает умного с той же легкостью, что и дурака. – Понимаете ли, я – лучший в своем ремесле.

– Факт, – сказала Дэй, оторвавшись на миг от блюда со сладостями. – Неоспоримый.

– Многие знатные люди, на которых я испробовал свое умение, подтвердили бы это, будь они в состоянии... но они, разумеется, *не* в состоянии.

Дэй печально покачала головой:

– Ни один.

– К чему вы клоните? – спросила Меркатто.

– Лучшее стоит денег. Больше, возможно, чем вы можете позволить себе отдать, не имея нанимателя.

– Вы слышали о Сомену Хермоне?

– Знакомое имя.

– Мне – нет, – сказала Дэй.

Морвир вновь взял объяснения на себя.

– Хермон был нищим кантыйским переселенцем, который сделался богатейшим, по слухам, купцом в Масселии. О роскоши, в которой он купался, и о его щедрости ходили легенды.

– И что?

– Увы, он находился в Масселии, когда город захватила Тысяча Мечей. И разграбила. Из жителей почти никто не пострадал, но о Хермоне с тех пор больше не слышали. И о его деньгах тоже. Решили, что торговец этот, как многие торговцы, изрядно преувеличивал размеры своего состояния и на самом деле, кроме пышных одежд и драгоценных украшений, не имел... ничего. – Морвир, глядя на Меркатто поверх бокала, неторопливо глотнул вина. – Но кое-кто должен знать об этом больше меня. Захват города возглавляли... как же их звали-то? Брат и сестра, кажется?..

Она устремила на него прямой, твердый взгляд.

– Хермон был гораздо богаче, чем прикидывался.

– Богаче? – Морвир заерзал на стуле. – Богаче?! Вот это да! Повезло же Меркатто! Смотрите, меня аж корчит при мысли о таком несметном, завораживающем количестве золота! Достаточном, чтобы выплатить мне мой скромный гонорар две дюжины раз, а то и больше, не сомневаюсь! Ах... от жадности неодолимой меня совсем... – он поднял руку, растопырил пальцы и шлепнул ладонью по столу... – парализовало.

Северянин медленно накренился вбок, соскользнул со стула и упал наземь, под дерево. Перекатился на спину – в той самой позе, в какой сидел, словно тело его обратилось вдруг в кусок камня. Ноги, согнутые в коленях, зависли в воздухе, глаза беспомощно уставились в древесную крону.

– О, – сказал Морвир, проводив его взглядом. – Повезло, похоже, и Морвиру.

Глаза Меркатто метнулись в сторону, вернулись к хозяину. По одной половине ее лица пробежала судорога. Вздогнула едва заметно лежавшая на столе рука в перчатке и застыла.

– Получилось, – пробормотала Дэй.

– Неужели ты во мне сомневалась? – Морвир, более всего на свете любя не способных сопротивляться слушателей, не устоял перед искушением объяснить, как это было сделано. – Для начала я смазал руки желтосемянным маслом. – Он снова растопырил пальцы. – Чтобы защитить от воздействия себя самого, конечно. Не хотелось оказаться внезапно парализованным, знаете ли. Это было бы крайне неприятно! – Он захихикал, и Дэй, которая, зажав в зубах очередной пирожок, наклонилась над северянином, дабы проверить пульс, тоже тоненько хихикнула. – Главный ингредиент здесь – дистиллят паучьего яда. Чрезвычайно эффективный даже при касании. Поскольку за руку вашего друга я держал дольше, ему и доза досталась гораздо больше. Хорошо, если он сможет сегодня двигаться... если я, конечно, позволю ему двигаться. У вас же должна была сохраниться способность говорить.

– Мерзавец, – прорычала Меркатто. Губы ее при этом не шевельнулись.

– Сохранилась, вижу. – Он встал, обогнул стол и уселся рядом с нею. – Я должен извиниться, конечно, но вы же понимаете, что я, как и вы, достиг весьма рискованных вершин в своем ремесле. И экстраординарное искусство наше обязывает нас принимать экстраординарные меры предосторожности. Сейчас, когда ваша способность двигаться не служит нам помехой, мы можем побеседовать с предельной откровенностью о... великом герцоге Орсо.

Он сделал большой глоток вина, взглянул на птичку, перепорхнувшую с ветки на ветку. Меркатто не ответила, но значения это не имело. Морвир был только счастлив говорить за двоих.

– С вами поступили крайне несправедливо, признаю. Вас предал человек, который обязан вам очень многим. Убит ваш любимый брат, и сами вы... уже не та, что прежде. В моей

жизни тоже хватало тягостных превратностей, поверьте, поэтому я искренне вам сочувствую. Но мир полон зла, и мы, люди маленькие, способны его менять... лишь в малой степени.

Дэй громко чавкнула, он бросил на нее неодобрительный взгляд.

– Что? – с полным ртом прошамкала она.

– Постарайся потише, я ведь разговариваю. – Дэй, пожав плечами, принялась смачно облизывать пальцы, и Морвир вздохнул. – Легкомыслие юности. Но ничего, она еще научится. Время всех нас ведет в одном-единственном направлении, не так ли, Меркатто?

– Избавьте меня от вашей вонючей философии, – процедила та сквозь непослушные губы.

– Что ж, ограничимся в таком случае деловой стороной вопроса. При вашем активном содействии Орсо стал самым могущественным человеком в Стирии. Мне далеко до вашей воинской сметки, но не нужно быть Столикусом, чтобы понять – после вашей славной победы на Высоком берегу Лига Восьми находится на грани развала. Когда наступит лето, Виссерин сможет спасти только чудо. Осприанцев либо вынудят договариваться о мире, либо уничтожат, в зависимости от расположения духа Орсо. Который, как вам известно лучше, чем многим, чаще расположен уничтожать. К концу года, если не случится никаких несчастий, Стирия в кои-то веки обретет короля. Конец Кровавым Годам. – Морвир осушил бокал и экспансивно помахал им. – Мир и процветание для всех и каждого! Жизнь станет лучше, не так ли? Если ты не наемник, конечно.

– И не отравитель.

– Напротив, для нас и в мирное время работы найдется больше, чем достаточно. Но к чему я клоню – убийство великого герцога Орсо... помимо явной невозможности его осуществления... не служит, кажется, ничьим интересам. Даже вашим. Оно не вернет вам брата. Руку и ноги – тоже. – Лицо ее не дрогнуло. Возможно, правда, всего лишь из-за временного паралича. – Попытка, скорей всего, закончится вашей смертью. А то и моей. И я хочу сказать – бросьте вы эту безумную затею, Меркатто. Остановитесь и больше не вспоминайте о ней.

Глаза ее были безжалостны, как две площадки с ядом.

– Меня остановит только смерть. Моя или Орсо.

– Цена вас не волнует? Боль не волнует? Не волнует, кто погибнет попутно?

– Не волнует, – прорычала Меркатто.

– Я должен абсолютно точно знать, на что вы готовы.

– На все, – лязгнула она зубами.

Морвир буквально просиял.

– Тогда мы можем договориться. На этой основе, и ни на какой другой. С чем я никогда не имею дела, Дэй?

– С полумерами, – ответила его помощница, поедая глазами оставшийся на блюде пирожок.

– Верно. Скольких человек мы убиваем?

– Шестерых, – сказала Меркатто, – включая герцога Орсо.

– Что ж, цена моя такова – десять тысяч скелов за каждого второстепенного, подлежащие выплате по получении доказательства кончины, и пятьдесят тысяч за самого герцога Талина.

Лицо ее слегка исказилось.

– Торговаться, когда клиент беспомощен, – свидетельство дурных манер.

– Манеры неуместны в разговоре об убийстве. И я в любом случае не торгуюсь.

– Значит, мы договорились.

– Очень рад. Противоядие, пожалуйста.

Дэй вынула пробку из стеклянного кувшинчика, окунула в густую выжимку на дне кончик тонкого лезвия и подала ему нож полированной рукоятью вперед. Морвир, глядя в холодные голубые глаза Меркатто, сделал паузу.

Осторожность – на первом месте, всегда. Эта женщина, прозванная Змеей Талина, была опасна крайне. Не зная Морвира ее репутации, не пойми он ничего из разговора, с которым она к нему пришла, ему сказал бы все один-единственный ее взгляд. И в этот миг он самым серьезным образом рассматривал возможность нанести ей другой, роковой укол, сбросить в реку ее дружка-северянина и забыть обо всем.

Но... убить герцога Орсо, самого могущественного человека в Стирии? Перекроить при помощи одной из хитростей своего ремесла ход истории? Оставить в памяти потомков если не имя свое, то деяние? Сделать венцом карьеры свершение невозможного – что может быть прекраснее? Одна лишь мысль об этом заставила его широко улыбнуться.

Он испустил долгий вздох:

– Надеюсь, мне не придется пожалеть, – и кольнул острием ножа тыльную сторону ее руки.

Из ранки выступила одинокая капелька темной крови. И через несколько мгновений противоядие начало действовать.

Меркатто, морщась, медленно повернула голову в одну сторону, потом в другую. Подвигала мускулами лица.

– Я удивлена, – сказала.

– Правда? Чем же?

– Готовилась к встрече с великим отравителем. – Она потерла оставленный ножом след. – Кто б мог подумать, что инструмент его окажется так мал?

Улыбка сползла с лица Морвира. Впрочем, на то, чтобы взять себя в руки, у него ушло всего мгновение. Дэй захихикала, но сердитым взглядом он заставил ее умолкнуть.

– Надеюсь, ваша временная беспомощность не причинила вам особого неудобства. Я прощен, не так ли? Раз уж мы собираемся сотрудничать, не хотелось бы, чтобы отношения наши что-то омрачало.

– Конечно. – Она улыбнулась уголком рта, двигая теперь плечами. – Мне нужно то, чем владеете вы, вам нужно то, чем владею я. Дело есть дело.

– Чудесно. Великолепно. Бес-по-доб-но. – И Морвир одарил ее самой обаятельной из своих улыбок.

Хотя не поверил ее словам ни на миг. Работа предстояла наипаснейшая. С наипаснейшим из нанимателей. Меркатто, печально прославленный Палач Каприле, была не из тех людей, которые легко прощают. Его не простили. Ни в малой степени. С этого момента и впредь осторожности надлежало быть на первом месте, а также на втором и на третьем.

Наука и магия

На вершине холма Трясучка натянул поводья. Позади остались голые поля, деревушки, одинокие хутора, рощи облетевших деревьев. Впереди, не более чем в дюжине миль, раскинулось черное пространство воды с белесой коркой города вдоль берега широкой бухты, с кучками крохотных башенок на трех холмах, высившихся над холодным морем, под серо-стальными небесами.

– Вестпорт, – промолвил Балагур. Цокнул языком и послал коня вперед.

По мере того, как они приближались к этому проклятому месту, на душе у Трясучки делалось все тревожней. Все тяжелей и тоскливей. Он хмуро поглядывал на Меркатто, которая скакала во главе, укрывшись под капюшоном. Черная фигура на фоне черных полей. Громыхали по дороге колеса фургона. Стучали копытами и фыркали лошади. Каркали вороны. Люди же помалкивали.

Всю дорогу сюда они проделали в зловещем молчании. Правда, и намерения у них были зловещие. Убийство. И ничего другого. Трясучка гадал, что сказал бы по этому поводу его отец, державшийся старых путей, как держатся своего корабля морские волки, и всегда стремившийся поступать правильно. В таковые мерки, сколь ни крути, не вмещалось убийство за деньги человека, которого ты и в глаза не видал.

Дэй с недоеденным яблоком в руке, ехавшая с Морвиром на облучке фургона, вдруг громко расхохоталась. Давненько Трясучка не слышал смеха, и его повлекло на этот звук, как мотылька на огонь.

– Что смешного? – спросил он, готовясь уже расплыться в улыбке.

Дэй, раскачиваясь вместе с фургоном, повернулась к нему.

– Да вот, подумала, не обделался ли ты, когда шлепнулся со стула, как черепаха кверху лапками.

– А я предположил, что наверняка обделался, – сказал Морвир, – только вряд ли мы учуяли бы разницу.

Улыбка Трясучки умерла, не родившись. Он вспомнил, как сидел у них в саду, бросая через стол угрюмые взгляды, стараясь выглядеть опасным. Как ощутил судороги, потом головокружение. Попытался поднять руку, обнаружил, что не может. Попытался сказать об этом, и тоже не смог. А потом мир опрокинулся. И больше он ничего не помнил.

– Что вы сделали со мной? – Он понизил голос. – Заколдовали?

Дэй, снова зайдясь хохотом, брызнула во все стороны кусочками яблока.

– Ой, ну ты и скажешь.

– А я еще говорил, что от такого спутника веселья мало, – закудаhtал Морвир. – Заколдовали. Чтоб мне провалиться. Прямо сказка какая-то.

– Из дурацких толстых книжек! Про волшебников, чертей и прочую нечисть! – выдавила Дэй сквозь смех. – Для детей!

– Ладно, – сказал Трясучка. – Кажись, я понял. Плаваю медленно, как чертова форель в патоке. Не колдовство это. А что?

Дэй ухмыльнулась.

– Наука.

Трясучка насторожился.

– А это что? Другой вид магии?

– Нет... вот уж абсолютно ничего общего, – насмешливо разулыбался Морвир. – Наука – это система рационального мышления, придуманная для того, чтобы исследовать мир и познавать законы, по которым он устроен. Ученые, пользуясь этими законами, достигают определенных результатов, каковые вполне могут показаться магией дикарю.

Смысл длинных стирийских слов остался для Трясучки загадкой. Морвир, считая себя умным человеком, изъяснялся совершенно по-дурацки, нарочно, казалось, делая простое сложным.

– А магия, напротив, – система лжи и абсурда, придуманная для идиотов, – закончил он.

– Ваша правда, – сказал Трясучка. – Видать, я последний идиот в Земном круге. Удивительно, что дерьмо в заднице могу удержать, когда хоть на минутку про него забываю.

– Достойная мысль.

– Но магия существует. Я сам видел, как одна женщина вызвала туман.

– Да? И чем он отличался от обычного тумана? Зеленый был? Или оранжевый?

Трясучка нахмурился.

– Обычный.

– Значит, женщина вызвала, и появился туман. – Морвир, глядя на свою ученицу, поднял бровь. – И вправду чудо.

Дэй, ухмыльнувшись, вгрызлась в яблоко.

– Еще я видел мужчину, у которого половина тела была в письменах, сделавших ее неуязвимой. Сам тыкал в него копьем. Другого убил бы, а на нем и следа не осталось.

– О-о-о! – Морвир вскинул руки, пошевелил пальцами, как делают дети, изображая привидение. – Магические письмена! Следа не осталось... не осталось следа?! Я отрекаюсь от своих слов! Чудес в мире – навалом.

Дэй снова засмеялась.

– Что я видел, то видел.

– Нет, мой заблуждающийся друг, ты только думаешь, что видел. Магии не существует. В Стирии уж точно.

– Здесь только предательство есть, – сказала Дэй нараспев, – война, чума и погоня за деньгами.

– А зачем ты вообще почтил Стирию своим присутствием? – спросил Морвир. – Почему не остался на Севере, под укрытием магических туманов?

Трясучка почесал в затылке. Причина уже и самому ему казалась странной, и он почувствовал себя полным дураком, сказав:

– Я приехал сюда, чтобы сделаться лучше.

– Что ж, думаю, в твоем случае это нетрудно.

Гордость у Трясучки по-прежнему имела, и смешки этого поганца начинали ее задевать. Хотелось попросту сшибить его с облучка топором. Но надежду стать лучше Трясучка еще не оставил и потому, наклонясь с коня, любезно и обходительно сказал на северном:

– Похоже, в башке у тебя одно дерьмо, и неудивительно, что рожа – вылитая задница. Все вы такие – кто ростом не вышел. Вечно ум свой пытаетесь показать, потому как гордиться больше нечем. Но смейся, сколько хочешь, а я все равно в выигрыше. Высоким ты уже никогда не станешь. – Он ухмыльнулся Морвиру в лицо. – Только и остается мечтать, как бы поглядеть на остальных сверху вниз.

Морвир нахмурился.

– И что сия тарабарщина должна означать?

– Вы чертов ученый, не я. Сами понимаете.

Дэй захохотала было, но Морвир остановил ее сердитым взглядом.

Пряча улыбку, она доела, наконец, яблоко, выбросила огрызок.

Трясучка, выпрямившись, окинул взглядом голые поля вокруг, заиндевелые после утренних заморозков. Напоминавшие о доме. Вдохнул, и дыхание поднялось к серым небесам струйкой пара. Все прежние друзья Трясучки были воинами. И большинство их, карлов и Названных, собратьев по оружию, уже успело вернуться в грязь. Здесь, в Стирии, он встретил

только одного человека, который был хоть сколько-то на них похож, – Балагур. К нему-то, понукая коня, Трясучка и подъехал.

– Здорово.

Балагур слова не ответил. Даже головы не повернул в знак того, что слышал. Глядя на эту застывшую маску вместо лица, трудно было представить себе уголовного сердечным другом, способным посмеяться над твоей шуткой. Но человек ведь цепляется и за самую малую надежду, правда?..

– Ты раньше был солдатом?

Балагур покачал головой.

– Но в битвах участвовал?

Тот же ответ.

Трясучка сделал вид, что понял это, как «да». Что еще оставалось?

– Я так повоевал. Ходил в атаку с карлами Бетода на севере Камнура. Держал под Дунбреком оборону с Руддой Тридубой. Семь дней сражался в горах с Ищейкой. То были тяжкие семь дней.

– Семь? – спросил Балагур с интересом, подняв бровь.

– Ну, – вздохнул Трясучка. – Семь.

Имена тех людей, названия тех мест здесь ни для кого ничего не значили. Он поглядел на вереницу крытых повозок, что ехали навстречу. Возницы их, в стальных шлемах, с луками в руках, ответили ему хмурыми взглядами.

– Где же ты научился драться? – спросил Трясучка, чувствуя, как тает последняя надежда хоть на какой-то дружеский разговор.

– В Схроне.

– Где?

– В месте, куда сажают за совершение преступления.

– А на кой сохранять тебя после этого?

– Схрон так называется не потому, что в нем сохраняют тебя. А потому, что сохраняют от тебя других людей. Назначают дни, месяцы, годы, которые ты должен там просидеть. После этого запирают глубоко внизу, куда не доходит свет, до тех пор, пока не иссякнут все эти дни, месяцы, годы и не будут сочтены все цифры до конца. Потом ты говоришь «спасибо», и тебя отпускают.

Трясучке это показалось сущим варварством.

– На Севере, коль совершишь преступление, ты платишь дань и откупаешься. Повесить могут, если вождь так решит. Еще могут вырезать на тебе кровавый крест – за убийство. Но в яму человека сажать?.. Это же само по себе преступление!

Балагур пожал плечами:

– Правила имеют свой смысл. За каждое дело – соответствующий срок. Соответствующие цифры на великих часах. Не таких, как здесь.

– А. Ну да. Цифры. – Трясучка уже жалел, что задал вопрос.

Балагур его словно и не слышал.

– Здесь слишком высокое небо, и каждый делает, что хочет и когда хочет, и нет ни для чего правильных цифр. – Он хмуро глянул в сторону Вестпорта, скопления домишек вокруг холодной бухты, все еще укрытой туманом. – Идиотский хаос.

* * *

До городской стены они добрались к полудню и обнаружили длинную очередь желающих за нее попасть. У ворот стояли солдаты, задавали всяческие вопросы, просматривали тюки и сундуки, тыкая тупыми концами копий в поклажу на телегах.

– Градоправитель нервничает с тех пор, как пала Борлетта, – сказал Морвир. – Проверяют всех входящих. Говорить буду я.

Трясучка ничего против не имел. Пусть уж, коль поганцу так нравится звук собственного голоса.

– Ваше имя? – спросил караульный, в глазах которого застыла безысходная скука.

– Ривром, – улыбаясь до ушей, ответил отравитель. – Скромный торговец из Пуранти.

А это мои компаньоны...

– Что за дело привело вас в Вестпорт?

– Убийство. – Последовала недоуменная пауза. – Надеюсь, конкурентов хватит удар, когда я выставлю на продажу свои осприанские вина! Да-да, я очень на это рассчитываю. – Морвир захихикал над собственной шуткой, к нему присоединилась Дэй.

– Вроде этот не из тех, кто нам нужен. – Второй стражник смерил взглядом Трясучку.

Морвир все веселился.

– О, насчет него можете не беспокоиться. Практически слабоумный. Разум, как у младенца. Но бочки поднимать сил хватает. Держу его из сентиментальных побуждений, помимо прочего. Чем я отличаюсь, Дэй?

– Сентиментальностью.

– Слишком уж большое у меня сердце. С самого рождения. Матушка моя умерла, когда я был еще совсем маленьким, и эта прекрасная женщина, знаете ли...

– Двигайтесь уже! – крикнул кто-то сзади.

Морвир взялся за холщовый полог, прикрывавший задник фургона.

– Желаете взглянуть?..

– По мне видно, что желаю, когда пол-Стирии рвется в эти проклятые ворота? – Караульный устало махнул рукой. – Проезжайте.

Щелкнул кнут, фургон вкатился в город Вестпорт. За ним последовали Меркатто и Балагур. В хвосте, что стало, кажется, уже обычаем в последнее время, поплелся Трясучка.

За стеною оказалась давка, не хуже, чем на поле битвы, и за место на мощеной дороге меж высокими домами, обсаженной голыми деревьями, шло сражение почти столь же яростное. Народ толпился самого разнообразного вида. Мужчины, женщины, светлокожие, черные, узкоглазые, в обыденной одежде, в ярких шелках, в белоснежных платьях. Солдаты, наемники в кольчугах и латах. Слуги, рабочие, торговцы, господа, богатые и бедные, нарядные и оборванные, вельможи и попрошайки. Попрошаек было не счесть. Верховые и пешие, телеги и кареты пробивались по дороге в обе стороны. Слуги, обливаясь потом, несли раскачивающиеся высокие стулья, на которых восседали женщины, обремененные стогами волос на голове и тяжким грузом драгоценных украшений.

Трясучка думал, в Талине диковин с избытком. Вестпорт оказался много хуже. Сквозь толпу вели караван соединенных тонкими цепочками невиданных длинношеих зверей, чьи маленькие головки скорбно покачивались в высоту. Трясучка крепко зажмурился. Открыл глаза, но чудища никуда не делись. Головки так и качались над толпой, их словно вовсе не замечавшей. Город походил на сон. И не самый приятный.

Затем они свернули на другую улицу, поуже, по обеим сторонам которой тянулись лавки и торговые лотки. В нос начали сшибать один за другим запахи – рыбы, хлеба, краски, фруктов, масла, специй и много чего еще, Трясучке незнакомого. Дыхание у него сперло, желудок свело. Какой-то мальчишка, проезжавший мимо на телеге, пихнул ему в лицо плетеную корзину. Внутри сидела крохотная обезьянка, которая зашипела и плюнула в него, и Трясучка, изумившись, чуть не выпал из седла. Крик вокруг стоял на самых разных языках – двадцати, наверное. А потом вроде как песня зазвучала, делаясь все громче и громче, ни на что не похожая, но до того красивая, что у Трясучки даже встали дыбом волоски на руках.

На другой стороне площади стоял дом с огромным каменным куполом. Из передней стены его вырастало шесть высоких башенок, на крышах которых сверкали золотые шпили. Оттуда-то и доносилось пение. Сотен голосов – низких и высоких, сливавшихся в один.

– Это храм. – Рядом с Трясучкой придержала коня Меркатто, по-прежнему прятавшая лицо под капюшоном. Только хмурый взгляд и видать.

Если уж быть честным с собой, Трясучка ее побаивалась. И не так чтобы чуточку. Видеть, как она убивает человека молотом и, судя по всему, получает от этого удовольствие, уже было неприятно. После же, когда они сговаривались, ему и вовсе казалось, что его она тоже собиралась прикончить. Еще и рука эта, с которой она не снимала перчатку... Никогда прежде ему не случалось бояться женщины. Трясучка стыдился своего страха и одновременно нервничал. Но не мог скрыть от себя самого, что как женщина, – коли отставить в сторону перчатку, молот и тошнотное чувство опасности, – она ему все-таки нравилась. Очень. Возможно, ему на самом деле и опасность нравилась, больше, чем позволял разум. И в результате он, черт возьми, не очень-то понимал, как и о чем с нею разговаривать.

– Храм?

– Место, где южане молятся богу.

– Богу? – У него даже шея заболела, пока он таращился, задравши голову, на шпили – выше самых высоких деревьев в его родной долине. Слышал он и раньше, что некоторые люди на Юге верят, будто на небе живет человек, который создал мир и все видит. Мысль эта всегда казалась Трясучке полным бредом. Но, глядя на золотые шпили, он недалек был от того, чтобы и самому поверить. – Красивый дом.

– Лет сто тому назад, когда гурки завоевали Даву, отсюда бежало множество южан. Некоторые переплыли море и обосновались здесь. И в благодарность за свое спасение возвели храмы. Вестпорт – столько же часть Юга, сколько часть Стирии. И часть Союза к тому же, с тех пор как градоправитель выбрал, наконец, сторону, к которой примкнуть, и подкупил Высокого короля своей победой над гурками. Город этот называют Перекрестком миров. Те, кто не зовет его притоном лжецов, конечно. Здесь есть переселенцы с Тысячи островов, из Сулджука и Сиккура, из Тхонда и Старой империи. Даже северяне.

– Ох уж эти глупые ублюдки...

– Дикари все до единого. Некоторые, я слышала, носят длинные волосы, как женщины. Но здесь способны завлечь каждого. – Рукой в перчатке она показала в дальний конец площади, где на невысоких помостах в ряд стояло множество людей, казавшихся чертовски странным сборищем даже для этого города.

Средь них были молодые и старые, высокие и низенькие, худые и толстые, одни в причудливых одеяниях и головных уборах, другие полуголые, с разрисованными телами. На лице у одного Трясучка заметил костяные украшения. За спинами у некоторых – расписанные буквами самых разных видов вывески, на коих подвешены были бусины и еще какие-то безделушки. И все эти люди танцевали, прыгали, глазели в небо, падали на колени, плакали, смеялись, пели, кривлялись, завывали, пытались перекричать друг друга на таком количестве языков, какого он и представить себе не мог.

– Что за уроды, дьявол меня побери? – проворчал Трясучка.

– Святые люди. Или сумасшедшие – смотря кого спросишь. В Гуркхуле ты должен молиться так, как велит Пророк. А здесь каждый может поклоняться богу, как ему хочется.

– Так они молятся?

Меркатто пожала плечами:

– Похоже, они скорее пытаются убедить всех остальных, что знают истинный путь.

Перед помостами толпились зеваки. Некоторые слушали и кивали. Другие качали головами, смеялись и что-то выкрикивали в ответ. Третьи просто стояли со скучающим видом. Один из святых людей – или сумасшедших – вдруг обратился к Трясучке, проезжавшему мимо,

с речью, из которой тот не понял ни слова. Бедняга даже встал на колени и простер к нему руки, моля о чем-то хриплым, сорванным голосом. И по глазам его с красными воспаленными веками видно было, что ничего важнее этого для него в мире нет.

– Прекрасное, наверно, чувство, – сказал Трясучка.

– Какое?

– Когда думаешь, что знаешь все ответы... – Он придержал коня, пропуская женщину, которая вела за собой на поводке мужчину, высокого, чернокожего, в блестящем ошейнике, тащившего, устремив глаза в землю, в каждой руке по мешку. – Вы видели это?..

– На Юге почти все люди или владеют кем-то или сами принадлежат кому-то.

– Ну и мерзкий обычай, – проворчал Трясучка. – Вы же вроде как сказали, что здесь – часть Союза.

– А в Союзе очень любят свободу, это правда. Там никто не может сделать человека рабом. – Она кивнула в сторону еще нескольких человек, которые смиренно следовали за хозяевами. – Но если ты уже раб, тебя никто не освободит, будь уверен.

– Чертов Союз. Этим ублюдкам, похоже, надобно все больше земли. Добрались уж и до Севера. Весь Уффрис заполонили, как войны начались. И для чего им земля? Видали бы вы тот город, который они уже заполучили. Стал деревня деревней.

Она бросила на него пронизывающий взгляд.

– Адуя?

– Она самая.

– Ты был там?

– Ну. Сражался с гурками. Заполучил вот это. – Трясучка задрал рукав, показал шрам на запястье. И, когда снова встретился с ней глазами, заметил, что теперь она смотрит на него иначе. Чуть ли не с уважением.

На душе у Трясучки потеплело. Давненько на него так не смотрели... все больше с презрением в последнее время.

– Ты стоял в тени Дома Делателя? – спросила она.

– Да эта тень весь город покрывает, где с утра, где вечером.

– И каково в ней?

– Темнее, чем снаружи. С тенью оно всегда так, по моему опыту.

– Хм. – На лице ее впервые появилось подобие улыбки, и Трясучка счел, что это ей идет. – Всегда мечтала там побывать.

– В Адуе? Что ж вам мешает?

– Шесть человек, которых нужно убить.

Трясучка надул щеки.

– А. Это. – Сердце беспокойно трепыхнулось, и вновь явилась мысль – какого черта он согласился? – Всегда был себе худшим врагом, – пробормотал он.

– Держись в таком случае меня. – Улыбка ее стала чуточку шире. – Обзаведешься вскоре куда худшими. Что ж, вот мы и на месте.

«Место» своим видом не радовало. Узкий переулок, темный, как нора. Нависшие над ним угрюмые дома с обвалившейся с сырых кирпичных стен штукатуркой. Гнилые ставни с облупившейся краской. Трясучка направил коня вслед за фургоном в темный арочный проход. Меркатто, ехавшая последней, закрыла за собой скрипучие двери и задвинула ржавый засов.

Во дворе, заросшем сорняками и усыпанном битой черепицей, Трясучка спешил, привязал коня к прогнившей коновязи. Поглядел на квадрат серого неба высоко вверх, на облезлые стены, окружавшие двор, перекошенные ставни, висевшие на одной петле.

– Дворец, – проворчал. – Сразу видно.

– Для нас расположение важно, – сказала Меркатто, – не красота.

За входом оказался темный коридор, из которого пустые дверные проемы вели в пустые комнаты.

– Эка сколько тут комнат! – сказал Трясучка.

Балагур кивнул.

– Двадцать две.

Все двинулись вверх по гнилой лестнице, отчаянно скрипевшей под сапогами.

– С чего вы собираетесь начать? – спросила Меркатто у Морвира.

– Уже начал. Рекомендательные письма отосланы. Завтра утром мы вверяем Валинту и Балку свои немалые средства. Столь солидные, что внимание главного служащего нам гарантировано. Я отправляюсь в банк со своей помощницей и вашим... Балагуром. Изображаю купца с компаньонами. Встречаюсь с Мофисом и ищу удобный случай его... убить.

– Так просто?

– От случая в нашем деле порой зависит все. Но если возможность не представится сама собой, я займусь закладкой фундамента для более... организованного подхода.

– А мы туда не пойдем? – спросил Трясучка.

– Нашу нанимательницу могут узнать. У нее запоминающаяся внешность. Что до тебя, – Морвир, оглянувшись, насмешливо ему улыбнулся, – в глаза ты бросаешься, как корова среди волков, и пользы от тебя не больше, чем от нее. Слишком высокий рост, слишком много шрамов, одет, как деревенщина. А уж волосы...

– Фи, – сказала Дэй, качая головой.

– Что это значит?

– Что слышишь. Просто от тебя так и веет... – Морвир повел рукою в воздухе, – ... Севером.

Меркатто отперла облупившуюся дверь, к которой привел последний лестничный пролет, пинком распахнула ее. В глаза ударил солнечный свет, и Трясучка, щурясь, шагнул вслед за остальными через порог.

– Чтоб я сдох...

Кругом раскинулось беспорядочное нагромождение крыш разной высоты и самого многообразного вида. Красная черепица, серый сланец, беловатый свинец чередовались с гнилой соломой, позеленевшей медью в потеках грязи, деревянными балками, поросшими мхом, заплатами из холста и потертой кожи, прикрывавшими дыры. В глазах рябило от плоских крыш и двускатных, коньков, фронтонов, чердаков, водосточных желобов, паутины бельевых веревок, пересекавшихся под всеми мыслимыми углами. Бесчисленные трубы извергали дым, сквозь пелену которого солнце выглядело расплывчатым пятном. Кое-где из этого хаоса торчала одинокая башня, вздымался купол, высовывало ветку особо отважное дерево. Море вдалеке казалось грязным серым пятном, мачты кораблей в гавани – лесом, качавшимся на волнах, как на ветру.

Шум города на этой высоте слышался неумолкаемым шипением. Все звуки его – голоса людей и животных, крики продавцов и покупателей, гроыхание колес, клацанье молотов, обрывки песен и музыки, возгласы радости и отчаяния – смешивались в единое целое, подобно вареву в огромном котле.

Трясучка подобрался к замшелому парпету крыши, встал рядом с Меркатто. Далеко внизу, по вымощенной камнем улице струился, как по дну каньона, людской поток. На другой же стороне высился огромный дом.

Фасадная стена его из гладкого светлого камня выглядела отвесной скалой. Через каждые двадцать шагов вдоль нее стояли колонны такой толщины, что Трясучке не обхватить и обеими руками. Венчали их вырезанные из камня листья и лики. В стене имелось два ряда маленьких окошек, от силы в половину человеческого роста, и один ряд, повыше, очень больших. Все они забраны были металлическими решетками. По краю плоской крыши, расположенной вровень

с той, где стоял Трясучка, шла изгородь из черных железных кольев, похожих на колючки чертополоха.

Морвир, глядя на эти колья, скривил рот в улыбке.

– Дамы, господа и дикари, позвольте представить вам вестпортское отделение... банкирского дома... Валинта и Балка.

Трясучка покачал головой.

– Выглядит как крепость.

– Как тюрьма, – буркнул Балагур.

– Как банк, – глумливо ухмыльнулся Морвир.

Безопаснейшее место в мире

Зал вестпортского отделения банка Валинта и Балка являл собою гулкую пещеру, отделанную красным порфиром и черным мрамором, и отличался мрачным великолепием императорского мавзолея. Свет проникал в него лишь через маленькие, расположенные на изрядной высоте окна, забранные толстыми прутьями, отбрасывавшими на блестящий пол решетчатые тени. На посетителей самодовольно взирали стоявшие в ряд большие мраморные бюсты, судя по всему, великих купцов и финансистов Стирии – преступников, ставших героями благодаря неслыханной удаче. Гадая, есть ли среди них Сомену Хермон, Морвир подумал о том, что заработок его окольным путем обеспечивают эти прославленные купцы, и улыбка его стала шире.

За шестьюдесятью одинаковыми конторками, на которых возлежали одинаковые кипы бумаг и открытые гроссбухи, переплетенные в кожу, сидели шестьдесят клерков, всех цветов кожи, щеголявшие кто ермолкой, кто тюрбаном, кто характерной для представителей различных кантийских сект прической. Их национальная принадлежность клиентов не волновала, важным было лишь, кто способен быстрее обменять деньги. Поскрипывали перья по бумаге, позвякивали ручки, окунаемые в чернильницы, шуршали переворачиваемые страницы. Переговаривались негромко стоявшие тут и там небольшими группами посетители. На виду не было ни единой монетки, ибо состояния здесь делались посредством слов, идей, слухов и лжи, слишком ценных, чтобы переводить их в скромное серебро или даже яркое золото.

Сим декорациям надлежало внушать клиентам благоговение, изумлять их и устрашать. Но Морвир был не из тех, кого легко утратить. И чувствовал он себя здесь на месте точно так же, как всюду и нигде. Он хладнокровно миновал длинную очередь из хорошо одетых людей, имевших тот самодовольный вид, что свойствен свежее испеченным богачам. За ним шагал, прижимая к себе сейф, Балагур. Последней с притворно застенчивым видом следовала Дэй.

Добравшись до ближайшего клерка, Морвир щелкнул пальцами.

– У меня договоренность о встрече с... – для пущего эффекта заглянул в письмо, которое держал в руке, – ...неким Мофисом. На предмет значительного вклада.

– Разумеется. Соболаговолите подождать минутку.

– Одну, не больше. Время, как известно, деньги.

Между делом Морвир украдкой изучал меры безопасности, назвать которые устрашающими было бы преуменьшением. Он насчитал в зале двенадцать стражников, вооруженных не хуже, чем телохранители короля Союза. Еще дюжина караулила высокие двойные двери снаружи.

– Этот банк – настоящая крепость, – проворчала себе под нос Дэй.

– Но защищен куда лучше, – сказал Морвир.

– Мы долго здесь пробудем?

– А что?

– Я есть хочу.

– Уже? Помилосердствуй! Смерть от голода тебе не грозит, если... погоди-ка.

Из высокой арки вышел долговязый мужчина с крючковатым носом, впалыми щеками и редкими седыми волосами, облаченный в темное одеяние с пышным меховым воротником.

– Мофис, – пробормотал Морвир, узнав его благодаря подробному описанию Меркатто, – наш клиент.

Тот поспешал следом за мужчиной помоложе с кудрявыми волосами и приятной улыбкой, имевшим самую что ни на есть подходящую внешность для отравителя и одетым весьма скромно. На него Мофис, отвечавший предположительно за весь банк, взираал почему-то с видом подчиненного.

Морвир шагнул ближе, прислушался к разговору.

– ...Надеюсь, мастер Сульфур, вы проинформируете начальство, что все под полным контролем. – В голосе банкира как будто слышалась слабая нотка паники. – Полным и абсолютным...

– Разумеется, – непринужденно ответил тот, кого звали Сульфуром. – Хотя я редко замечаю, чтобы наши начальники нуждались в какой-то информации относительно состояния дел. Они наблюдают. И, если все под полным контролем, уже удовлетворены, я уверен. А если нет, что ж... – Он широко улыбнулся Мофису, потом Морвиру, и тот заметил, что у него разноцветные глаза. Один зеленый, другой голубой. – Добрый день. – И Сульфур, двинувшись прочь, затерялся в толпе посетителей.

– Могу ли я быть полезен? – прохрипел Мофис с таким видом, словно никогда в жизни не смеялся. И начинать было уже поздно.

– Безусловно, можете, полагаю. Мое имя Ривром. Купец из Пуранти. – Про себя Морвир хихикнул, как всегда, когда пользовался вымышленными именами, но на лице его, когда он протянул банкиру руку, не отразилось ничего, кроме сердечнейшего дружелюбия.

– Ривром. Я слышал о вашем торговом доме. Знакомство с вами честь для меня. – Ответить рукопожатием Мофис счел ниже своего достоинства, держась на тщательно выверенном расстоянии.

Весьма осторожный человек. Не менее, чем сам Морвир. Крошечный шип с внутренней стороны кольца на среднем пальце отравителя наполнен был раствором леопардового цветка с ядом скорпиона. Банкир благополучно продержался бы в течение встречи, затем в течение часа скончался бы.

– Это – моя племянница. – Неудавшаяся попытка ничуть не обескуражила Морвира. – Мне доверили сопроводить ее для знакомства с потенциальным женихом.

Дэй бросила на банкира из-под ресниц точно рассчитанный застенчивый взгляд.

– А это – мой компаньон, – Морвир посмотрел на Балагура, который в ответ нахмурился. – Телохранитель, которому я всецело доверяю... мастер Душка. Он не слишком-то разговорчив, но в деле охраны... тоже, прямо скажем, не слишком. Однако я обещал его старушке-матери взять мальчика под свое...

– Вы пришли по деловому вопросу? – недовольно перебил Мофис.

Морвир отвесил поклон.

– Весьма значительный вклад.

– Сожалею, но ваши спутники должны остаться здесь. И, если вас не затруднит пройти со мной, мы, разумеется, будем счастливы принять ваш вклад и вручить расписку в получении.

– Но моей племяннице-то...

– Поймите, мы ни для кого не делаем исключений – в интересах безопасности. Вашей племяннице тут будет вполне удобно.

– Конечно, конечно. Милая, не скучай. Мастер Душка! Сейф!

Балагур передал металлический ящик клерку в очках, который под его тяжестью пошатнулся.

– Ждите меня здесь, и без шалостей! – Морвир испустил тяжелый вздох, словно опасаясь оставить без присмотра собственного охранника, и направился вслед за Мофисом в глубины банка. – Мои деньги будут здесь в безопасности?

– Толщина стен банка около двенадцати футов. Вход всего один. Днем он охраняется дюжиной вооруженных стражников, ночью запирается на три замка, изготовленных тремя разными слесарями, ключи от замков хранятся у трех разных служащих. До утра вокруг банка патрулируют два отряда солдат. Внутри караулит самый бдительный и опытный стражник. – Мофис показал на мужчину в кожаной куртке, сидевшего со скучающим видом за столом в коридоре.

– Он заперт здесь и не выходит?

– Всю ночь.

Морвир скривил рот.

– Весьма обстоятельные меры.

Затем вытащил носовой платок и деликатно в него откашлялся. Шелк вымочен был в горчичном корне, одном из множества составов, к которым сам он давно выработал у себя невосприимчивость. Всего-то и требовалось, что остаться хотя бы на миг без наблюдения и прижать платок к лицу банкира. Один-единственный вдох – и кашель довел бы того до почти мгновенной жестокой смерти. Но между Мофисом и Морвиром тащился клерк с сейфом, и удобного случая не предвиделось. Пришлось сунуть смертоносную тряпочку обратно в карман.

Они свернули в другой коридор, увешанный большими картинами, и Морвир прищурил глаза. Сверху лился яркий свет – через крышу высоко над головой, которая сделана была из сотен тысяч ромбовидных стекол.

– Потолок из окон! – Морвир запрокинул голову и медленно повернулся кругом. – Истинное чудо архитектуры!

– Здание новейшей постройки. Ваши деньги нигде не будут в большей безопасности, поверьте.

– Разве что в руинах Аулкуса? – пошутил Морвир, увидев слева на стене картину с изображением этого древнего города.

– Даже там.

– А уж забрать их оттуда было бы весьма тяжелым испытанием, думается. Ха-ха-ха.

– Вы правы. – На лице банкира не появилось и намек на улыбку. – Дверь нашего подвала сделана из прочной союзной стали в фут толщиной. Мы не преувеличиваем, утверждая, что это – безопаснейшее место во всем Земном круге. Сюда, пожалуйста.

Морвира провели в просторный кабинет, отделанный панелями из темного дерева, вроде бы и роскошный, но неуютный и мрачный, где главенствовал стол размером с бедняцкую хижину. Над устрашающих размеров камином висела картина маслом, на коей изображен был лысый мужчина плотного сложения. На гостя он глядел сердито, словно подозревая его в недобрых умыслах. Какой-нибудь союзный бюрократ, решил Морвир, из замшелого прошлого. Цоллер, а может, Бьяловельд.

Мофис уселся на высокий твердый стул, Морвир устроился напротив. Клерк, открывши сейф, сноровисто принялся считать деньги при помощи устройства для складывания монет штабелями. Банкир следил за его действиями не моргая, даже и не думая прикасаться ни к сейфу, ни к деньгам. Осторожный человек. Дьявольски, раздражающе осторожный. Он медленно перевел взгляд на Морвира.

– Вина?

Тот покосился, вскинув бровь, на стеклянные бокалы за дверцами стоявшего здесь же шкафа.

– Нет, спасибо. Оно меня слишком возбуждает и, между нами говоря, не раз заставляло забыть о благоразумии. Поэтому я предпочитаю воздерживаться и продавать его другим. Это... отравя. – Он широко улыбнулся. – Но вам я препятствовать не смею. – Украдкой сунул руку в потайной карман куртки, где ждал своего часа пузырек ядовитой выжимки. Не потребуется особых усилий, чтобы отвлечь внимание и капнуть пару капель в бокал, покуда Мофис...

– Я тоже предпочитаю воздержание.

– А. – Вместо пузырька Морвир вытащил из кармана сложенный лист бумаги, словно именно его и собирался достать. Развернул и, делая вид, что читает, принялся незаметно оглядывать меж тем кабинет. – Я насчитал пять тысяч... – Оценил замок на двери, его устройство, тип крепления. – Двести... – Плитки, которыми был выложен пол, панели на стенах, ошту-

катуренный потолок, кожаную обивку стула Мофиса, остывшие угли в камине. – Двенадцать скелов. – Все казалось бесперспективным.

На лице Мофиса не отразилось ничего. Словно речь шла не о целом состоянии, а о какой-то мелочи. Он откинул тяжелый верхний переплет здорового гроссбуха, лежавшего на столе. Лизнул палец и начал перелистывать с тихим шелестом страницы. При виде этого удовлетворение захлестнуло Морвира, растекшись теплыми волнами от живота по рукам и ногам, и только усилием воли он сумел удержаться от победного возгласа. Ограничился самодовольной улыбкой.

– Барыши, которые принесла мне последняя поездка в Сипани. Осприанские вина всегда в цене, даже в эти непостоянные времена. Не все приверженцы трезвости, как мы с вами, господин Мофис, и это радует!

– Конечно. – Банкир, перевернув еще несколько страниц, снова облизнул палец.

– Пять тысяч двести одиннадцать, – сказал клерк.

Мофис быстро вскинул взгляд.

– Пытаетесь что-то выгадать?

– Я? – Морвир фальшиво рассмеялся. – Чертов Душка, вечно обсчитается! Клянусь, у него ни малейшего чутья на цифры!

Мофис принялся царапать пером по бумаге. Быстро, педантично, без всяких эмоций составил расписку. Клерк торопливо промокнул запись и передал ее вместе с пустым сейфом Морвиру.

– Расписка на всю сумму от имени банкирского дома Валинта и Балка, – сказал Мофис. – Подлежит погашению в любом почтенном коммерческом учреждении Стирии.

– Мне нужно где-то подписаться? – спросил с надеждой Морвир, берясь за ручку во внутреннем кармане, которая служила еще и трубкой для выдувания спрятанной внутри иглы, содержащей смертельную дозу...

– Нет.

– Отлично. – Морвир, складывая расписку и пряча ее в карман так, чтобы не задеть смертоносное острие спрятанного там скальпеля, улыбнулся. – Это лучше, чем золото, и намного легче. Что ж, в таком случае я удаляюсь. Иметь с вами дело – истинное удовольствие. – Он снова протянул банкиру руку, блеснув отравленным кольцом. Попытка – не пытка.

Мофис не шелохнулся.

– С вами тоже.

Дурные друзья

То было любимое место Бенны в Вестпорте. Сюда он приводил ее по два раза в неделю, когда им случалось бывать в этом городе. Грот из зеркал, хрусталя, полированного дерева, блестящего мрамора. Храм, посвященный богу ухода за мужской внешностью. Верховный жрец его, цирюльник в ярком фартуке, маленький и тощий, стоял посреди комнаты лицом к двери, словно дожидаясь их прихода.

– Сударыня! Какая радость видеть вас снова! – Он захлопал глазами. – Вы нынче без мужа?

– Брата. – Монца сглотнула вставший в горле комок. – Да, он... не придет больше. Сегодня у меня для вас задача потруднее...

Порог переступил Трясучка, таращась по сторонам испуганно, как овца в загоне. Цирюльник не дал Монце договорить:

– Думаю, я понял, в чем дело, – и проворно обошел вокруг северянина. – Чудно, чудно. Снимаем все?

– Что? – хмуро спросил Трясучка.

– Все, – сказала Монца, беря цирюльника за локоть и вкладывая ему в руку четвертак. – Только действуйте осторожно. Боюсь, он не привык к этому и может испугаться. – Она вдруг сообразила, что говорит о северянине, как о лошади. Потому, возможно, что начала ему доверять?..

– Конечно.

Цирюльник повернулся к Трясучке и тихо охнул. Тот успел уже снять новую рубаху и расстегивал, светясь белым мускулистым телом, пояс.

– Дурачок, мы про волосы, – сказала Монца, – не про одежду.

– А. Я и подумал, что странно как-то... но у южан свои обычаи.

Он принялся натягивать рубаху обратно. По груди его от плеча тянулся розовый, кривой шрам. В былые времена Монца сочла бы это уродством, но теперь ее мнение о шрамах изменилось. Как и о многом другом.

Трясучка опустил в кресло.

– Всю жизнь проходил с этими волосами.

– Считайте, от их душных объятий вы уже избавлены. Голову вперед, пожалуйста. – Цирюльник взмахнул ножницами.

Трясучка в мгновение ока скатился с кресла.

– Ты думаешь, я подпущу к себе человека с чем-то острым, которого знать не знаю?

– Протестую! Я приводил в порядок головы самых утонченных вельмож Вестпорта!

– Ты... – Монца схватила попятившегося цирюльника за плечо. – Заткнись и стриги. – Сунула в карман его фартука еще четвертак, вперила взгляд в Трясучку. – А ты – заткнись и сиди смирно.

Северянин с опаской снова взгромоздился в кресло и вцепился в подлокотники с такой силой, что на руках вздулись жилы.

– Глаз с тебя не спущу, – прорычал цирюльнику.

Тот испустил долгий вздох, поджал губы и приступил к работе.

Монца, прислушиваясь к шелканью ножниц, прогуливалась по комнате. Остановилась возле полки с разноцветными бутылочками, перенюхала, вынимая пробки, все душистые масла. Мельком глянула на себя в зеркало. Жесткое лицо, однако. Худее, тоньше и резче, чем было прежде. Глаза запавшие – от грызущей боли в ногах, от грызущего желания покурить, чтобы прогнать боль.

«Сегодня ты прекрасна как никогда, Монца...»

Мысль о курении застряла в голове, как кость в горле. С каждым днем желание подкрадывалось все раньше. Все чаще приходилось отсчитывать тяжелые, мучительные, бесконечные минуты до того мгновения, когда она могла забиться, наконец, в тихий угол с трубкой и снова погрузиться в мягкое и теплое ничто. И сейчас у нее даже кончики пальцев закололо, и язык голодно загулял по пересохшему рту.

– Всегда ходил с длинными волосами. Всегда.

Она повернулась к Трясучке. Тот морщился, словно его пытали, глядя, как падают на полированный пол вокруг кресла клочья срезанных волос. Некоторые люди, когда нервничают, молчат. Другие трещат без умолку. Трясучка, похоже, принадлежал к последним.

– У брата были длинные волосы, вот и я отрастил. Во всем ему подражал. Хотел быть, как он. Младшие братья – они всегда так. А ваш брат, он какой был?

Монце вспомнилось улыбающееся лицо Бенны, свое – в зеркале. Задергалась щека.

– Он был хороший человек. Его все любили.

– И мой был хороший. Гораздо лучше меня. Так, во всяком случае, отец считал. И мне говорил при всяком случае. Я к чему это... там, откуда я приехал, длинные волосы обычное дело. По мне, так, когда воюешь, народу есть что резать, кроме волос. Черный Доу надо мной насмеялся, бывало, потому как свои он подрубал, чтобы в бою не мешали. Но он, Черный Доу, вообще всех с дерьмом смешивал. Злой язык. Злой человек. Хуже его был только Девять Смертей. Думается мне...

– Для человека, неважно знающего стирийский, болтаешь ты многовато. Знаешь, что мне думается?

– Что?

– Много говорит тот, кому нечего сказать.

Трясучка тяжело вздохнул.

– Стараюсь просто... чтоб завтра было малость лучше, чем сегодня. Я из этих... как оно по-вашему будет?..

– Идиотов?

Он покосился на нее.

– Вообще-то я другое имел в виду.

– Оптимистов?

– Точно. Оптимист я.

– И как, помогает?

– Не очень. Но я все равно надеюсь.

– Как все оптимисты. Ничему вы не учитесь, убудки. – Монца всмотрелась в его лицо, не завешенное больше сальными волосами. Скуластое, остроносое, со шрамом на одной брови. Красивое... будь ей это интересно. Оказалось, впрочем, что это ей интересней, чем она думала. – Ты ведь был воином? Как их на Севере называют... карлом?

– Я был Названный. – В голосе его она услышала гордость.

– Молодец. И людьми командовал?

– Кое-кто ко мне прислушивался. Отец мой был известным человеком, брат тоже. Может, это малость сказалось.

– Почему же ты все бросил? И приехал сюда, чтобы стать никем?

Вокруг лица Трясучки порхали ножницы, и он взглянул на ее отражение в зеркале.

– Морвир сказал, вы сами были воином. Прославленным.

– Не таким уж и прославленным, – приврала Монца. Ибо правдой было бы сказать «прославленным печально».

– Это странное занятие для женщины – там, откуда я родом.

Она пожала плечами:

– Легче, чем пахать землю.

– Стало быть, вы знаете, что такое война.

– Да.

– В сражениях были. Видели убитых людей.

– Да.

– Значит, и остальное знаете – марши, ожидание, усталость. Люди насилуют, грабят, калечат и разоряют тех, кто ничего не сделал, чтобы это заслужить.

Монца вспомнила собственное поле, сожженное много лет назад.

– Кто сильнее – тот и прав.

– Одно убийство тянет за собой другое. Сведение одного счета открывает новый. От войны человека может только тошнить, если он не сумасшедший. И все сильнее со временем.

Возразить ей было нечего.

– Думаю, теперь вы понимаете, почему я это все бросил. Вместо того, чтобы только разрушать, хочу построить что-то. Чем гордиться можно. И стать... хорошим человеком, наверно.

Щелк, щелк. Волосы все падали на пол, собирались грудками.

– Хорошим человеком?

– Ну да.

– А ты сам-то видел мертвых людей?

– Навидался.

– Сразу много видел? – спросила она. – Когда они кучами лежат, умершие от чумы, которая следует за войной?

– Случалось.

– Ты замечал, чтобы некоторые трупы светились? Или благоухали, как розы весенним утром?

Он нахмурился.

– Нет.

– Значит, хорошие и плохие люди не отличаются друг от друга? Для меня, признаюсь, никогда не отличались. – На этот раз промолчать пришлось Трясучке. – Допустим, ты хороший человек, всегда стараешься поступать правильно, строишь то, чем можно гордиться. И вот однажды приходят выродки, в единый миг все уничтожают, и ты смотришь и говоришь «спасибо», когда из тебя вырывают душу... Думаешь, после этого, когда ты сдохнешь и тебя закопают, ты станешь золотом?

– Чем?

– Или вонючим дерьмом, как все остальные?

Он медленно кивнул.

– Дерьмом, это верно. Но, может, после меня останется что-то хорошее.

Она холодно рассмеялась.

– Что остается после нас, кроме того, что мы так и не сделали, не сказали, не закончили? Кроме пустых костюмов, пустых домов, пустоты в душах тех, кто нас знал? Кроме неисправленных ошибок и истлевших надежд?

– Может, подаренные надежды. Добрые слова. Счастливые воспоминания, думается.

– И что, улыбки мертвецов, которые ты бережешь в своем сердце, согревали тебя, когда мы встретились? Кормили, когда ты был голоден? Утешали, когда отчаивался?

Трясучка надул щеки.

– Черт, только вы мне и блеснули, как солнце. Но, может, от них было что-то хорошее.

– Лучше, чем карман, полный серебра?

Он отвел взгляд.

– Может, и нет. Но я все равно буду стараться думать по-своему, как и раньше.

– Ха. Удачи, хороший человек. – Монца покачала головой, словно ничего глупее не слышала.

«В друзья мне подавайте только дурных людей, – писал Вертурио. – Их я понимаю».

Ножницы щелкнули в последний раз, и цирюльник, вытирая потный лоб рукавом, отступил на шаг.

– Вот и все.

Трясучка уставился в зеркало.

– Я выгляжу, как другой человек.

– Господин выглядит, как стирийский аристократ.

Монца фыркнула.

– Не как бродяга-северянин, во всяком случае.

– Может быть. – Счастливым Трясучка не казался. – Этот другой с виду вроде бы покрасивее. И поумней. – Хмуро глядя на свое отражение, он провел рукой по коротким темным волосам. – Но что-то я этому ублюдку не верю.

– И в завершение... – Цирюльник наклонился над креслом с хрустальной бутылочкой в руках, и голову Трясучки окутало душистое облачко.

Северянин подпрыгнул, как кошка на раскаленных углях.

– Это что за дрянь? – взревел он, сжав кулаки и наступая на цирюльника. Тот, взвизгнув, попятился.

Монца захохотала.

– Вид, может, как у стирийского дворянина... – Достала еще пару четвертаков и сунула их мастеру в оттопыренный карман фартука. – Но манеры, боюсь, появятся нескоро.

* * *

Темнело, когда они вернулись в разваливающийся особняк: Монца – прячась под капюшоном, Трясучка – вышагивая гордо в новенькой куртке. Внутренний двор мок под холодным дождем, в окне на первом этаже светился один-единственный фонарь. Монца, хмуро глянув на него, а потом на Трясучку, взялась левой рукой за рукоять ножа, висевшего сзади на поясе. Поскольку лучше быть готовым к любой неожиданности. Дверь наверху скрипучей лестницы оказалась чуть приоткрытой, за нею тоже виднелся свет. И Монца, шедшая первой, распахнула ее пинком ноги.

Комнату по ту сторону двери безуспешно силилась прогреть пара поленьев, плававших в черном от копоти камине. У окна стоял Балагур, разглядывая сквозь щель меж ставнями здание банка. За старым расшатанным столом сидел Морвир, разложив перед собою несколько листов бумаги, и что-то чиркал на них вымазанной в чернилах рукой. Дэй, восседаая на краешке стола, чистила ножом апельсин.

– Определенно лучше, – заметила она, взглянув на Трясучку.

– Не могу не согласиться, – ухмыльнулся Морвир. – Ушел от нас утром грязный, длинноволосый дурак. Вернулся дурак чистый и коротковолосый. Наверняка магия...

Трясучка что-то сердито пробурчал. Монца убрала руку с ножа.

– Поскольку вы не поете себе хвалу, работа, надо думать, не сделана.

– Мофис – человек крайне осторожный и основательно защищенный. Банк в течение дня охраняют весьма тщательно.

– Может, заняться им по дороге в банк?

– Он ездит в бронированном экипаже с дюжиной стражников. Попытка перехвата связана со слишком уж большим риском.

Трясучка подкинул в камин полено, протянул к огню руки.

– А дома у него?

Морвир насмешливо хмыкнул.

– Мы попытались проводить его до дому. Живет он на огороженном острове посреди бухты, где расположены поместья кое-кого из городской управы. Посторонние туда не допускаются. В дом не попасть, сумей мы даже выяснить, где именно он находится. И сколько там может оказаться слуг, стражников, домочадцев?.. Полная неизвестность. Исполнять столь сложную работу, основываясь на одних предположениях, я отказываюсь наотрез. На что я никогда не иду, Дэй?

– На риск.

– Правильно. Я действую только наверняка, Меркатто. Поэтому-то вы ко мне и пришли. Меня нанимают для того, чтобы определенный человек со всей несомненностью умер. Не для того, чтобы устраивать бойню и хаос, в котором цель может ускользнуть. Мы не в Каприле...

– Я знаю, где мы, мастер Морвир. Каков же в таком случае ваш план?

– Я собрал необходимую информацию и нашел средства для достижения необходимого результата. Все, что мне нужно, – это проникнуть в банк в течение ночи.

– И как вы собираетесь это сделать?

– Как я собираюсь это сделать, Дэй?

– Применив должным образом наблюдательность, логику и систему.

Морвир сверкнул самодовольной улыбочкой.

– Совершенно верно.

Монца покосилась на Бенну. То есть на Трясучку, занявшего его место, поскольку Бенна был мертв. Северянин поднял брови, вздохнул и снова уставился в огонь. «В друзья мне подавайте только дурных людей», – писал Вертурио. Но всему должен быть предел.

Две двойки

Кости выпали – две двойки. Дважды два будет четыре. Два плюс два будет четыре. Хотя умножай, хоть складывай – результат один. Мысль эта вызывала у Балагура ощущение беспомощности. И в то же время покоя. Люди вечно пытаются что-то сделать, но, что бы они ни делали, все заканчивается одинаково. Кости всегда чему-нибудь учат. Когда умеешь их читать.

Компания разделилась на две двойки. Одна пара – Морвир и Дэй. Мастер и ученица. Они изначально были вместе, оставались вместе и вместе смеялись над всеми прочими. Теперь еще, как заметил Балагур, парой стали Меркатто и Трясучка. Они стояли сейчас у парапета крыши – два темных силуэта на фоне темного ночного неба – и рассматривали банк напротив, огромный сгусток более плотной тьмы. Люди склонны образовывать пары, Балагур это часто замечал. Видно, такова их природа. Всех людей, кроме него. Он оставался один, в тени. Возможно, как сказали судьи, с ним и впрямь было что-то не так.

Саджам выбрал его себе в пару, там, в Схроне, однако Балагур иллюзий не питал. Саджам выбрал его, потому что он был полезен. И напуган. Как всякий будет напуган в темноте. Но Саджам и не притворялся, будто дело в чем-то другом. Он был единственным честным человеком, которого знал Балагур, поэтому и соглашение их было честным. И удачным – Саджам сделал столько денег в тюрьме, что сумел выкупить у судей свою свободу. Как честный человек, он не забыл потом Балагура. Вернулся и выкупил его свободу тоже.

Вне стен тюрьмы, где правил не существовало, все пошло по-другому. У Саджама имелись свои дела, и Балагур снова остался один. Против чего, правда, не возражал. Привык. К тому же компанию ему составляли кости. Вот и оказался теперь в Вестпорте, на темной крыше, в разгар зимы. С двумя парами нечестных людей, плохо сочетавшимися между собой.

Стражники ходили тоже двумя двойками, по четыре человека в отряде. Двумя отрядами, которые бесконечно, ночь напролет, следовали вокруг банка. С небес сеял дождь со снегом, а они все шагали, проделывая в темноте круг за кругом. И в этот миг на улочке внизу показался очередной отряд, хорошо вооруженный.

– Идут, – сказал Трясучка.

– Вижу, – усмехнулся Морвир. – Начинаем счет.

В темноте послышался тонкий, хрипловатый голосок Дэй:

– Один... два... три... четыре... пять...

Балагур открыл рот, забыв про кости в руке, уставился на еедвигающиеся губы. Беззвучно зашевелил собственными.

– Двадцать два... двадцать три... двадцать четыре...

– Как добраться до крыши? – задумчиво спросил Морвир. И повторил: – Как добраться до крыши?

– С помощью крюка и веревки? – предложила Меркатто.

– Слишком медленно, слишком шумно, слишком ненадежно. Допустим, крюком нам удастся зацепиться. Но веревка будет болтаться на виду. Нужен способ, который позволит избежать случайностей.

Балагуру хотелось, чтобы они заткнулись и не мешали слушать, как считает Дэй. От чего воспрянуло его мужское достоинство.

– Сто двенадцать... сто тринадцать...

Он закрыл глаза, прислонился головой к стене, пошевеливая в такт одним пальцем.

– Сто восемьдесят два... сто восемьдесят три...

– Без веревки туда не забраться, – раздался снова голос Меркатто. – Никому. Стена отвесная и гладкая. Да еще эти шипы наверху.

– Совершенно с вами согласен.
– Может, попробовать из банка, днем?..
– Невозможно. Слишком много глаз. Нет, забираться надо по стене, потом внутрь, через окна в крыше. Хорошо, прохожих ночью нет. Хотя что-то нам на руку.

– А по другим стенам никак?
– Улица с северной стороны более оживлена и лучше освещена. С восточной расположен главный вход, возле которого всю ночь дежурит еще один отряд стражников. Южная похожа на нашу, но лишена преимущества в виде крыши напротив. Нет. Единственная возможность – эта стена.

Балагур заметил на улице внизу слабый проблеск света. Следующий отряд, дважды два стражника... два плюс два стражника... четыре стражника, неуклонно совершающих обход вокруг банка.

– Они дежурят до самого утра?
– Их сменяют другие два отряда. Которые до конца ночи и останутся.
– Двести девяносто один... двести девяносто два... и новый круг. – Дэй прицокнула языком. – Триста... чуть меньше, чуть больше.

– Триста, – прошипел Морвир и покачал головой. – Маловато времени.

– И что же нам делать? – прорычала Монца.

Балагур снова стиснул в кулаке кости, ощутил в ладони привычное давление граней. Как забраться в банк и возможно ли это вообще, его не слишком интересовало. Вот если бы Дэй снова начала считать...

– Должен быть какой-то способ... должен...

– Я могу залезть на крышу.

Все оглянулись на Трясучку, сидевшего на парапете.

– Ты? – фыркнул Морвир. – Каким образом?

Балагур и в темноте разглядел, как изогнулись в ухмылке губы северянина.

– Магическим.

Планы и случайности

До Трясучки донеслись голоса приближавшихся стражников. Блеснули в свете фонарей, которые они несли с собою, кирасы, стальные каски, лезвия алебард. Он вжался поглубже в тень, когда все четверо поравнялись с его укрытием, выждал мгновение, затем метнулся на другую сторону улицы и затаился за колонной, которую наметил заранее. Счет пошел. У него было меньше трехсот секунд на то, чтобы добраться до крыши. Трясучка посмотрел вверх. Отсюда колонна выглядела чертовски высокой. И на кой он вызвался на нее лезть? Потому лишь, что захотелось стереть ухмылку с лица этого дурака Морвира и доказать Меркатто, что он стоит ее денег?

– Худший враг сам себе, – пробормотал Трясучка. Похоже, не на шутку велика его гордость. А еще – слабость к красивым женщинам. Кто бы мог подумать?

Он приготовил веревку, длиною в два широких шага, с крюком на одном конце и петлей на другом. Бросил взгляд на окна домов, смотревших на улицу. Большинство было закрыто ставнями от ночного холода, но некоторые оставались открытыми. Два и вовсе еще светились. Трясучка задумался о том, какова вероятность, что кто-нибудь выглянет и увидит, как он карабкается по стене. Больше, чем хотелось бы, это точно.

– Чертов худший враг...

Трясучка только собрался встать на основание колонны, и тут...

– Где-то здесь.

– Где, болван?

Он замер с веревкою в руке.

Шаги, позвякивание лат. Стражники возвращались. Чего не делали ни разу за пятьдесят обходов. Вся болтовня чертова отравителя про науку обернулась-таки дерьмом, в котором оказался не кто-нибудь, а Трясучка.

Он вдавился в стену. По камню скрежетнул висевший за спиной лук. Проклятье... подика объясни, что ты тут делаешь. Прогуляться среди ночи вышел, знаете ли, весь в черном, и старый лук проветриться вынес...

Бежать – увидят, погонятся, могут и продырявить. Всяко поймут, что он пытался забраться в банк, и на том, считай, конец всему делу. Остаться на месте – разницы никакой, разве что продырявят наверняка.

Голоса приблизились.

– Далеко не может быть, мы ходим-то, черт возьми, кругом да кругом.

Один из стражников, видать, что-то потерял. Трясучка проклял свою несчастную судьбину – не в первый раз. Бежать поздно. Шаги уже у самой колонны. Он взялся за рукоять ножа. На кой было брать у нее серебро? Похоже, слабость у него еще и к деньгам. Трясучка стиснул зубы. Вот-вот они...

– Простите! – послышался вдруг голос Меркатто. Откуда ни возьмись она появилась на улице с откинутым капюшоном, без меча. Без него Трясучка ее еще не видел. – Пожалуйста, извините за беспокойство. Мне всего-то и надо, что домой попасть, но я, похоже, заблудилась.

От колонны отступил один стражник, за ним другой. Оба встали спиной к Трясучке, на расстоянии вытянутой руки. При желании он мог бы потрогать латы.

– А где вы живете?

– У друзей, на улице лорда Сабелди. Но города я не знаю. И зашла, кажется, – у нее вырвался печальный смешок, – совершенно не туда.

Один из стражников сдвинул каску на затылок.

– Да уж, скажу я вам. Это другой конец города.

– Я и блуждаю не первый час. – Она неторопливо двинулась по улице прочь, вынудив тем самым стражников следовать за ней. К двум первым присоединились остальные. Все четверо – спиной к Трясучке.

Он затаил дыхание. Сердце колотилось так громко, что не слышали его, казалось, лишь чудом.

– Буду очень вам благодарна, господа, если укажете мне правильное направление. Я такая дурочка...

– Нет, нет, что вы. В Вестпорте кто хочешь заблудится.

– Особенно ночью.

– Я и сам тут плутаю иногда...

Стражники засмеялись, Монца тоже, по-прежнему увлекая их за собой. Она бросила короткий взгляд на Трясучку, глаза в глаза, затем свернула за следующую колонну. Скрылась вместе со стражниками из виду, и голоса их начали удаляться. Трясучка медленно выдохнул. По счастью, не он один питает слабость к красивым женщинам...

Запрыгнув на квадратное основание колонны, он обвил веревку вокруг и, пропустив ее под задницей, сделал петлю. Он понятия не имел, сколько времени осталось, знал только, что должен действовать быстро. И начал подъем, обхватывая колонну коленями и икрами, передвигая петлю вверх и туго ее натягивая в момент перемещения ног.

Этому способу добираться до птичьих гнезд на самых высоких деревьях долины научил его брат, еще в детстве. Трясучке вспомнилось, как смеялись они оба, когда он раз за разом отваливался от ствола близ подножия. Сейчас он пользовался наукой брата для того, чтобы убить человека. И, упав, убился бы сам. Смело можно было сказать, что жизнь складывается не совсем так, как хотелось бы.

Поднимался он, тем не менее, быстро и уверенно. В точности как на дерево, с той лишь разницей, что не за яйцами, и без страха насажать заноз куда не следует. Впрочем, легким подъем отнюдь не был. Трясучка весь вспотел, пока добрался до верху, а впереди еще оставалось самое трудное. Держась одной рукой за выступ в каменной резьбе, венчавшей колонну, другой он расцепил веревку, закинул ее себе на плечи. Затем начал подтягиваться, нащупывая, за что ухватиться среди резьбы, пальцами и носками сапог. Руки, содранные о пеньковую веревку, горели, дыхание вырывалось из груди со свистом. Наконец, упершись ногою в изображение женского лица, ухватившись за два каменных листка в надежде, что они окажутся крепче тех, что произрастают на деревьях, он нашел, где присесть – на высоте в сорок шагов над улицей.

Случалось ему бывать в местах и получше. Но надобно всегда глядеть на солнечную сторону. Впервые за долгое время между ляжек у него оказалось женское лицо... Трясучка услышал свист, вскинул голову и увидел на противоположной крыше черную фигурку Дэй. Девушка показывала вниз. На улицу входил следующий отряд стражников.

– Дерьмо. – Трясучка замер среди каменной резьбы и вновь затаил дыхание, надеясь, что сам сойдет за камень, вздумай кто глянуть вверх. Сердце вновь забухало, еще громче, чем прежде.

Патруль протопал мимо. Трясучка выдохнул. И, дожидаясь, когда стражники свернут за угол, собрался с силами для последнего броска.

Шипы, наставленные вдоль края крыши, крепились к кольям, вокруг которых вращались. Так что перебраться через них было невозможно. Но на верхушках колонн их удерживал в неподвижности известковый раствор. Трясучка вынул из кармана перчатки, плотные, какими кузнецы пользуются, надел. Взялся за два шипа, сделал глубокий вдох. Соскользнул с каменной опоры под ногами, повис на руках, зорко поглядывая на железные острия, маячившие перед лицом. В точности как ветки, только куда опасней. Повезет, коли удастся уберечь оба глаза...

Качнувшись в одну сторону, потом в другую, он изловчился закинуть наверх ногу. После чего начал протискиваться между шипами, которые скребли толстую кожаную куртку, пытаясь впиться в грудь.

И оказался, наконец, на крыше.

* * *

– Семьдесят восемь... семьдесят девять... восемьдесят... – Губы Балагура двигались сами по себе, пока он смотрел, как Трясучка пролезает сквозь ограждение.

– Он сделал это, – пискнула, не веря своим глазам, Дэй.

– И очень вовремя. – Морвир тихонько хихикнул. – Кто бы мог подумать... вскарабкался, как обезьяна.

Северянин, казавшийся черным силуэтом на фоне чуть более светлого неба, поднялся на ноги, снял со спины лук и принялся его натягивать.

– Будем надеяться, что стреляет он не как обезьяна, – сказала Дэй.

Трясучка прицелился. Балагур услышал тихий свист. Мгновением позже в него ударила стрела. Поймав ее за древко, он хмуро глянул на свою грудь. Даже куртку не пробила.

– Какое счастье, что она без наконечника. – Морвир выпутал из оперения шнурок. – Нам ни к чему была бы ваша безвременная смерть и прочие осложнения.

Балагур бросил тупую стрелу и привязал к концу шнурка веревку.

– Она точно выдержит? – спросила Дэй.

– Сулджукский шелк, – самодовольно сказал Морвир. – Веревка легка, как пух, и прочна, как сталь. Выдержит всех нас троих одновременно, и снизу ее никто не заметит.

– Надеюсь.

– На что я никогда не иду, дорогая?

– Да, да...

Трясучка начал сматывать шнурок со своей стороны, и меж пальцев Балагура засвистела черная тень. Он следил за ее полетом с крыши на крышу, отсчитывая шаги. Пятнадцать... и вот уже веревка у Трясучки в руках. Оба туго натянули ее, после чего Балагур продел свой конец в железное кольцо, вбитое заранее в балку, и начал вязать узлы – один, второй, третий.

– Вы вполне уверены в этих узлах? – спросил Морвир. – В плане нет места для падений с высоты.

– С двадцати восьми шагов, – сказал Балагур.

– Что?

– Падение.

Последовала короткая пауза.

– Тоже немало.

Два здания соединила тонкая черная линия. Почти неразличимая в темноте, но Балагур знал, что она там есть.

Дэй, чьи кудряшки трепал ночной ветер, показала на нее:

– После вас.

* * *

Морвир, тяжело дыша, неуклюже перевалился через балюстраду. Прогулку по веревке, честно говоря, при любом воображении трудно назвать приятной. Порыв ветра на полпути вызвал у него сильнейшее сердцебиение. Были времена, в пору его ученичества у недоброй памяти Маймаха-йин-Бека, когда подобные акробатические упражнения он проделывал с кошачьей грацией, но они давно остались в прошлом, вместе с буйной копной волос, укра-

шавшей голову. Переводя дух, Морвир вытер со лба холодный пот и лишь теперь заметил на лице Трясучки ухмылку.

– Смешное что-то случилось? – спросил.

– Зависит от того, что кажется человеку смешным. Вы долго там пробудете?

– Ровно столько, сколько нужно.

– Лучше бы вам тогда двигаться быстрее, чем по веревке. Не то до места еще не доберетесь, как банк откроют.

Все с той же ухмылкой северянин перемахнул через перила и, несмотря на свою громоздкость, легко и уверенно двинулся в обратную сторону.

– Если бог существует, он проклял меня теми, с кем приходится общаться, – пробормотал Морвир.

На краткий миг его посетила мысль обрезать веревку, когда дикарь будет на полпути, но, отмахнувшись от нее, он пополз по узкому свинцовому желобу между пологими шиферными скатами к центру здания. К огромной стеклянной крыше, сквозь тысячи оконных клеток которой просачивался наружу тусклый свет, горевший внутри. Возле нее сидел на корточках Балагур, уже разматывая с запястья очередную веревку.

– О, эти новые времена! – Морвир встал на колени рядом с Дэй, осторожно приложил руки к стеклянной глади. – Что, интересно, будет изобретено следующим?

– Я чувствую себя счастливой, живя в столь волнующее время.

– Как надлежит и всем нам, дорогая моя. – Он внимательно взгляделся вниз, в помещение банка. – Как надлежит всем нам... – Коридор был освещен скудно, всего лишь двумя фонарями, расположенными в разных концах. Только золоченые рамы громадных картин и поблескивали в полумраке, дверные же проемы утопали в глухой тени. – Банки, – промолвил Морвир с едва заметной улыбкой, – вечно стараются экономить.

Затем вытащил свои отполированные до блеска инструменты и принялся, отгибая щипчиками свинцовую окантовку, вынимать стекла при помощи шариков из оконной замазки. Блеск мастерства его с возрастом ничуть не поблек, и на то, чтобы вынуть девять стекол, перекусить клещами решетку и снять ее, ушло всего несколько мгновений. Получилось ромбовидное отверстие, которого вполне хватало для его целей.

– Расчет времени безупречен, – пробормотал Морвир.

По стенам коридора, выхватывая из мрака живописные полотна, заскользил свет еще одного фонаря. Послышались шаги, по мраморным плитам протянулась длинная тень. Стражник, зевая, плелся по коридору. И в тот миг, когда он оказался под отверстием в крыше, Морвир, легонько дунув в трубочку, пустил в него отравленную стрелку.

– Ой! – Тот шлепнул рукой по голове, и Морвир поспешно отпрянул от дыры.

Затем снизу донеслось шарканье, какой-то булькающий звук, грохот падения. И, заглянув в дыру снова, Морвир увидел распластанного на спине стражника и горящий фонарь рядом с его откинутой в сторону рукой.

– Потрясающе, – выдохнула Дэй.

– Все, как должно быть.

– Сколько ни говори о науке, выглядит это волшебством.

– Мы, можно сказать, чародеи своего времени. Веревку, мастер Балагур, будьте добры. Тот вручил ему конец шелкового шнура, привязанного к запястью.

– Вы уверены, что выдержите мой вес?

– Да.

От молчаливого уголовника и впрямь исходило ощущение громадной силы, очевидное даже для Морвира. Обвязав руку веревкой и закрепив ее узлом собственного изобретения, он спустил в дыру одну ногу в мягкой туфле, потом другую. Погрузился в нее сначала по пояс, затем по плечи и наконец целиком оказался внутри банка.

– Опускайте.

Вниз он пошел так быстро и плавно, словно веревку разматывал какой-то механизм. Когда туфли коснулись пола, сбросил, дернув рукою, узел и бесшумно скользнул в ближайший дверной проем, держа трубку с отравленными стрелками наготове. В банке должен был караулить всего один стражник, но никогда не следует слепо доверяться предположениям.

Осторожность – на первом месте, всегда.

Окинул взглядом темный коридор. Не заметил никакого движения. Тишина стояла столь полная, что, казалось, даже давила на уши.

Вскинув голову к стеклянному потолку, он увидел в окошке Дэй и подал ей знак спускаться. Она скользнула в дыру с ловкостью циркачки и быстро поплыла вниз – в черном поясе с кармашками, куда упрятано было все необходимое для работы. Коснувшись ногами пола, освободилась от веревки, присела и улыбнулась ему.

Морвир едва не улыбнулся в ответ, но вовремя себя остановил. Ни к чему ей знать, как горячо восхищается он ее талантами, умом, твердостью характера, развившимися за проведенные вместе три года. О глубине его привязанности она и подозревать не должна. Ибо доверие его предавали все, перед кем он открывался. Жизнь являла собой череду горчайших измен – и в сиротском приюте, и в ученичестве, и в супружестве, и в работе. Сердце его воистину изранено. Поэтому общаться с ней он должен только на профессиональной основе, дабы защитить обоих. Себя – от нее, ее – от себя.

– Чисто? – прошипела она.

– Как в пустом кармане, – ответил он, подходя к поверженному стражнику, – и, главное, все идет по плану. Что нам с тобой всего противней?

– Горчица?

– А еще?

– Случайности?

– Верно. Счастливыми они не бывают. Бери его за ноги.

Им пришлось изрядно потрудиться, выволакивая стражника из коридора и усаживая за стол. После чего он свесил голову и захрапел, раздувая длинные усы.

– Спит, как дитя, – вздохнул Морвир. – Реквизит, пожалуйста.

Дэй вручила ему пустую винную бутылку, которую он поставил на пол у ног стражника. Затем протянула вторую, наполовину полную. Морвир вынул пробку и щедро плеснул вина стражнику на грудь. Потом аккуратно положил бутылку на бок под его свесившейся рукой, и по мраморным плитам растеклась пахучая винная лужица.

Затем Морвир отступил, сложил руки рамкой и полюбовался содеянным.

– Ну, вот... живая картина готова. Какой работодатель не подозревает сторожа в распитии бутылочки-другой среди ночи, вопреки строжайшему запрету? Беспробудный сон, запах алкоголя – свидетельств вполне достаточно, чтобы поутру уволить его без промедления. Конечно, он будет отрицать свою вину, но при отсутствии каких бы то ни было доказательств... – рукой в перчатке Морвир порылся в волосах стражника, выдернул использованную стрелку, – ... иных подозрений не возникнет. Все выглядит совершенно естественным. Хотя ничего естественного в этом и нет. Но... молчаливые стены вестпортского отделения банкирского дома Валинта и Балка сохраняют нашу страшную тайну навеки. – Он задул огонь в фонаре стражника, «живая картина» погрузилась во тьму. – Вперед, Дэй, и никаких колебаний.

Безмолвными тенями они проскользнули по коридору и остановились у двери в кабинет Мофиса. Блеснули в полумраке отмычки, когда Дэй наклонилась к замку. На то, чтобы справиться с ним, у девушки ушло всего мгновение, и дверь бесшумно отворилась.

– Для банка плохой замок, – заметила Дэй.

– Хорошие у них там, где хранятся деньги.

– Но мы пришли сюда не воровать.

– О, нет... мы редкие воры на самом деле. Оставляем подарки после себя. – Легко ступая, Морвир обошел огромный стол Мофиса кругом, открыл тяжелый грессбух, стараясь не сдвинуть его с места и на волосок. – Состав, пожалуйста.

Дэй подала кувшинчик, почти доверху заполненный жидкой пастой. Морвир со всею аккуратностью вынул пробку. Взял в руки тонкую рисовальную кисточку – самое подходящее орудие труда для мастера, наделенного столь неисчислимыми талантами. И с тихим шелестом принялся переворачивать страницы, нанося на уголок каждой легкий мазок.

– Смотри, Дэй. Быстро, гладко, точно... а главное – осторожно. Предельно осторожно. Что убивает большинство представителей нашего ремесла?

– Их собственные составы.

– Совершенно верно.

В соответствии со своими словами он предельно осторожно закрыл грессбух, страницы которого успели почти высохнуть, убрал кисточку и закупорил кувшинчик.

– Возвращаемся? – спросила Дэй. – Есть хочу.

– Возвращаемся? – Морвир расплылся в улыбке. – О, нет, моя дорогая, это далеко не конец. Ужин еще надо заслужить. Нам предстоит долгая ночная работа. Очень долгая...

* * *

– Ты цел?

Трясучка от неожиданности чуть не скакнул через парапет. Аж сердце в груди зашлось. Повернулся и увидел незаметно подкравшуюся со спины Меркатто. На лице ее, едва различимом в темноте, играла усмешка. В дыхании ощущался слабый привкус дыма.

– Чтоб я сдох... ну вы меня и напугали! – проворчал Трясучка.

– Стражники обошлись бы с тобой похуже. – Она потрогала узел веревки на железном кольце. – Ты таки влез туда? – спросила не без удивления.

– А вы сомневались?

– Уверена была, что голову свернешь... если сможешь, конечно, достаточно высоко забраться.

Он постучал по голове пальцем.

– Это мое самое крепкое место. Стряхнули наших приятелей?

– Да, на полпути к проклятой улице лорда Сабелди. Знала бы, что их так легко увести, подцепила бы на крючок заранее.

Трясучка усмехнулся.

– Хорошо, что после подцепили, не то быть бы мне у них на крючке.

– Этого нельзя было допустить. У нас еще много работы впереди.

Он невольно передернул плечами. Как-то забывалось порой, что работа, которая им предстояла, заключалась в убийстве.

– Замерз?

Трясучка фыркнул.

– На родине у меня это летний день. – Откупорил бутылку, протянул ей. – Натё, согрейтесь.

– Спасибо, не ожидала такой заботы с твоей стороны.

Она сделала несколько глотков. Трясучка следил за тем, как двигаются мелкие мышцы у нее на горле.

– Я вообще заботливый человек... для наемного убийцы.

– Должна сказать, некоторые из наемных убийц – очень милые люди. – Она отпила еще глоток, вернула бутылку. – Среди нас таких, правда, нет.

– Да уж, мы дерьмо все до единого. И до единой...

- Они в банке? Морвир со своим маленьким эхом?
- Давно уже.
- А Балагур?
- С ними.
- Морвир сказал, сколько времени там пробудет?
- Мне?.. Я думал, это я – оптимист.

Они стояли рядышком у парапета, в стылой тишине, глядя на темную громаду банка напротив. Трясучка неведомо почему нервничал. Сильнее, чем положено человеку, участвующему в убийстве. Украдкой покосился на Меркатто и не успел отвести взгляд, как она тоже посмотрела на него.

- Не много, однако, у нас дел, кроме как ждать и мерзнуть.
- Да уж. Если только вы не хотите подрезать мне волосы еще короче.
- Боюсь, ножницы не удержу, если тебе вздумается раздеться.

Трясучка засмеялся:

- Неплохо... Думаю, вы заслужили еще глоток, – и снова протянул ей бутылку.
- Я вообще веселый человек... для того, кто нанимает убийц.

Чтобы взять бутылку, она придвинулась ближе. Так близко, что у него внезапно загорелся бок, к ней повернутый. Так близко, что дыхание участилось. И Трясучка, не желая выглядеть еще большим дураком, чем выставлял себя все последние дни, отвернулся. Услышал, как она открыла бутылку. Услышал, как сделала глоток.

- И снова спасибо.
- Пустое. Может, еще что надо, начальник, все сделаю, только дайте знать.

Он повернул голову и обнаружил, что она смотрит на него, не отводя глаз, плотно стиснув губы, словно высчитывая, сколько он стоит.

- Есть кое-что еще...

* * *

Морвир с отточенной ловкостью приладил на место последнюю полоску свинцовой окантовки и принялся собирать сверкающие инструменты.

- Держаться будет? – спросила Дэй.
- Против ливня не выстоит, полагаю, но до завтра всяко продержится. А к тому времени, надо думать, у банковских служащих будет столько хлопот, что протекающего окна никто не заметит.

Он аккуратно стер со стекол следы замазки и последовал за своей помощницей к балюстраде. Балагур уже успел перебраться по веревке и подждал их по другую сторону разделявшей два здания бездны. Морвир заглянул за перила. Увидел шипы, каменную резьбу, ниже отвесно уходящую вниз, к мощеной улице, гладкую колонну, мимо которой проходил сейчас, громко топая, отряд стражников с фонарями.

Едва они удалились, Дэй спросила:

- А как быть с веревкой? Когда рассветет, ее могут...
- Предусмотрена каждая деталь. – Усмехнувшись, Морвир вынул из внутреннего кармана маленький пузырек. – Несколько капель сожгут узлы вскоре после того, как мы переберемся. Останется только подождать немного и смотать веревку.

Девушку, насколько можно было понять в темноте по ее лицу, это не успокоило.

- А вдруг они сгорят быстрее, чем...
- Не сгорят.
- И все же рискованно...
- На что я никогда не иду, дорогая?

- На риск, но...
- Ты, разумеется, пойдешь первой.
- Можете не сомневаться.

Дэй, ухватившись за веревку, скользнула под нее и принялась быстро перебирать руками. Не прошло и тридцати секунд, как она оказалась уже на другой стороне.

Морвир открыл пузырек, уронил на узлы несколько капель. Подумав немного, добавил еще несколько, чтобы не ждать расползания чертова шелка до восхода. Затем, пропустив следующий патруль, перелез через перила с куда меньшим проворством, надо признаться, чем его юная помощница. Спешить не было никакой нужды. Осторожность на первом месте, всегда. Взявшись руками в перчатках за веревку, он двинулся вперед, закинул на нее одну ногу, потом другую.

Раздался треск рвущейся ткани, и колено внезапно обдало холодом.

Морвир скосил глаза на ногу. Увидел, что штанина зацепилась за шип, торчавший выше остальных, и разорвалась почти до самого зада. Подергал ногой, пытаясь высвободиться, но чертова штанина лишь крепче намоталась на острие.

– Проклятье.

В планы это, разумеется, никоим образом не входило. Тут еще над перилами, к которым была привязана веревка, заструился слабый дымок. Кислота, похоже, начала действовать намного быстрее, чем ожидалось.

– Черт.

Морвир вернулся на крышу банка и сел, придерживая веревку, рядом с дымящимися узлами. Свободной рукой вытащил из кармана скальпель, нагнулся и начал резать штанину, зацепившуюся за шип, орудуя с хирургической точностью. Один быстрый взмах, второй, третий. Последний... и...

– Ох! – Сначала с досадой, а потом с ужасом он сообразил, что задел скальпелем лодыжку. – Проклятье!

Лезвие было смазано настойкой ларинка, невосприимчивость к которой у Морвира ослабела, поскольку он перестал принимать ее из-за постоянной тошноты по утрам. Смертельным этот яд для него не был, отнюдь. Но слабость мог вызвать такую, что веревку в руках не удержать, а невосприимчивости против падения с высоты на камни Морвир у себя почему-то не развил.

Ирония положения была куда жесточе на самом деле. Ведь большинство представителей его профессии погибало от собственных составов...

Стянув зубами перчатку со свободной руки, он начал рыться в многочисленных карманах в поисках противоядия, перебирая пальцами крохотные стеклянные трубочки, на которых выгравированы были знаки, позволявшие понять на ощупь, где что находится. Ветер тем временем пытался сорвать с него куртку, голая нога от холода покрылась мурашками. Что изрядно затрудняло поиски.

Желудок внезапно свело, Морвира затошнило. Он рыгнул, и тут пальцы, наконец, нащупали нужную отметку. Вытащив дрожащей рукой склянку, он выпустил перчатку из зубов, выдернул ими пробку и торопливо высосал содержимое.

От горечи экстракта рот заполнился кислой слюной. Морвир сплюнул на далекую мостовую. Темная улица стремительно завертелась, и, борясь с головокружением, он еще крепче сжал в руке веревку. Заскулил, чувствуя себя ребенком, абсолютно беспомощным, ухватился за веревку и второй рукой – так безнадежно, как цеплялся за мертвое тело матери, когда ту собирались выносить.

Но вскоре противоядие все же оказало свое воздействие. Неистовое бурление в животе прекратилось, мир обрел устойчивость. Улица снова оказалась внизу, небо над головой, где

им и положено быть. И Морвир испуганно глянул на узлы. Те дымились еще сильнее, издавая слабый шипящий звук и испуская отчетливый запах сжигавшей их кислоты.

– Черт!

Он вновь закинул ноги на веревку и тронулся, наконец, в путь, чувствуя прискорбную слабость, вызванную нечаянной дозой яда, дыша с трудом, поскольку горло сдавил вполне закономерный страх. Вдруг узлы прогорят раньше, чем он доберется?.. Тут еще спазм в кишечнике вынудил его ненадолго остановиться, и Морвир, раскачиваясь вверх и вниз на веревке, заскрипел зубами.

Потом двинулся дальше, но силы, увы, убывали с каждым мгновением. Руки дрожали. Ту из них, что осталась без перчатки, и голую ногу жгло от скольжения по веревке немилосердно. Морвир, откинув голову, с усилием втянул воздух в грудь. Увидел Балагура, который уже протягивал ему руку – большую, сильную руку, всего-то в нескольких шагах. Увидел Дэй, внимательно следившую за его приближением. На лице помощницы, укрытом ночью тьмой, ему почудилась улыбка, и Морвир почувствовал некоторую досаду.

И тут... с оставленной им крыши донесся тихий щелчок. Веревка лопнула.

Внутри у него все похолодело, наружу вырвался безумный вопль – точь-в-точь такой, какой издал маленький Морвир, когда его оторвали от мертвого тела матери. Он полетел вниз, ветер засвистал в ушах. Потом его отнесло в сторону, и навстречу стремительно ринулась облупленная стена. Последовал удар, от которого из Морвира вышибло дух. Вопль оборвался, веревка выскользнула из рук.

Раздался треск ломающегося дерева. Морвир все падал, ничего не соображая от ужаса, пытаясь ухватиться за воздух, отчаянно размахивая руками и ногами. В лицо бил ветер, все вертелось перед слепо выпученными глазами. Он падал и падал... и вдруг упал. Проехался лицом по дощатому полу, и сверху на него посыпались какие-то щепки.

– Э... – только и сумел выдавить он.

И в следующий миг пережил новое потрясение. Его схватили за горло, вздернули на ноги и притиснули к стене с такой силой, что дух вышибло. Второй раз за несколько секунд.

– Ты! Какого черта?!

Трясучка. По неведомой причине совершенно голый.

Морвир обнаружил, что находится в темной, захламленной комнате, которую освещают лишь тлеющие в камине угли. Затем в глаза ему бросилась кровать. Где, приподнявшись на локтях, лежала Меркатто в расстегнутой и смятой рубашке, с обнаженной грудью. Она смотрела на него удивленно, но не слишком. словно, открывши дверь, увидела перед собой гостя, которого ожидала несколько позже.

Все встало на свои места. И Морвир, несмотря на неловкость положения, на неостывший еще страх смерти и горевшие огнем ссадины на лице и руках, захихикал. Веревка таки порвалась раньше времени. Но каким-то чудом, немыслимым и благословенным, он, описав в полете дугу, вломился сквозь гнилые ставни в одну из комнат разваливающегося дома. Вот она, ирония судьбы...

– Похоже, случайности все-таки бывают счастливыми! – признал он, все еще хихикая.

Взгляд Меркатто, которая все еще смотрела на него, казался странно блуждающим. На ее боку виднелся ряд необычных параллельных шрамов.

– С чего это вы дымитесь? – спросила она.

На полу возле кровати валялась трубка для курения хаски, объяснившая Морвиру, почему его столь неординарное вторжение не слишком удивило нанимательницу.

– Вам чудится. По какой причине, сказать нетрудно. Вы курили, полагаю. А это натуральная отравка, знаете ли. Категорически...

Меркатто расслабленно ткнула в его сторону рукой.

– Дурак, от вас дым идет.

Он опустил глаза на грудь. От рубашки и впрямь исходили дымные струйки.

– Проклятье! – взвизгнул Морвир.

Изумленный Трясучка отпустил его и попятился. Морвир сорвал с себя куртку, из которой посыпались со звоном осколки разбившихся пузырьков с кислотой, стянул уже начавшую расползаться рубашку, швырнул ее на пол. Дым повалил гуще, наполняя комнату мерзостной вонью.

Теперь, в результате непредсказуемого поворота судьбы, голыми, или отчасти таковыми, оказались все трое. И все смотрели на злополучную рубашку.

– Мои извинения. – Морвир прочистил горло. – В планы это, разумеется, не входило.

Расплата

Монца хмуро посмотрела на кровать, на Трясучку, привольно в ней раскинувшегося. Одеяло сбито на живот, рука, длинная и мощная, свешивается до полу, кисть беспомощно развернута белой ладонью вверх. Из-под одеяла торчит сильная нога, с черными полукружиями грязи под ногтями. Лицо мирное, как у ребенка, глаза закрыты, рот открыт. Грудь с протянувшимся поперек шрамом едва заметно вздымается и опускается.

При свете дня случившееся ночью казалось лишь досадной ошибкой.

Она бросила ему на грудь горстку серебряных монет, те звякнули и скатились на постель. Трясучка подскочил, растерянно заморгал глазами. Потом уставился тупо на монетку, прилипшую к груди.

– Чего это?

– Пять скелов. Более чем приличная плата за ночь.

– Да? – Он протер двумя пальцами глаза, прогоняя сон. – Вы мне платите? – Страхнул монетку на одеяло. – Эдак и шлюхой себя почувствовать недолго.

– А ты еще не чувствуешь?

– Нет. У меня осталась кое-какая гордость.

– Значит, убить за деньги ты готов, а полизать между ног – нет? – Монца фыркнула. – Вот они, твои принципы. Хочешь совет? Бери пятерку и оставайся верен в будущем убийству. Тому, к чему имеешь талант.

Трясучка снова улегся, натянул одеяло до подбородка.

– Как выйдете, прикройте дверь, ладно? Здесь жутко холодно.

* * *

Клинок Кальвеца яростно полосовал воздух. Нанося удары, делая выпады слева, справа, сверху, снизу. Она вертелась на одном месте в дальнем уголке двора, шаркая подошвами по разбитой брусчатке. Тренируя левую руку. Рубаха липла к спине, несмотря на холод, от которого дыхание вырывалось изо рта белыми облачками.

Состояние ног понемногу улучшалось. При быстром движении они еще горели, по утрам были одеревеневшими, как сухие сучья, и адски болели по вечерам, и все-таки она могла уже ходить почти не морщась. В коленях даже появилась некоторая упругость, хотя они по-прежнему шелкали. Плечо и челюсть тоже обрели подвижность. Не чувствовалось никакой боли при нажатии на монетки под кожей головы.

Лишь правая рука была загублена безвозвратно. Сунув меч Бенны под мышку, Монца стянула перчатку. Даже это причиняло боль. Изувеченная кисть, слабая и бледная, с багровым шрамом на ребре, оставленным удавкой Гоббы, дрожала. Сжать скрюченные пальцы в кулак до сих пор удавалось с трудом. Мизинец упрямо продолжал торчать в сторону. И при мысли о том, что уродством этим она проклята до конца жизни, Монца испытала внезапный приступ бешенства.

– Ублюдок, – прошипела она сквозь стиснутые зубы и вернула перчатку на место.

Впервые отец дал ей подержать меч, когда Монце было лет восемь. Она помнила, каким странным, тяжелым и непокорным казался он тогда ее руке. Правой. Почти то же самое чувствовала она сейчас, беря его в левую. Но не было иного выбора, кроме как учиться.

Начать с азов, раз ничего другого не остается.

Она повернулась лицом к прогнившему ставню, направила в него клинок, держа запястье параллельно земле. Нанесла три удара, рассекших три дощатые планки, расположенные одна

над другой. Повернула запястье, с рычанием ударила сверху вниз и разрубила ставень надвое. Брызнули щепки в разные стороны.

Лучше. С каждым днем хоть немного, но лучше.

– Великолепно. – В дверях появился Морвир со свежими ссадинами на щеке. – Нет ставня в Стирии, который осмелился бы нам противостоять. – Вышел легким шагом во двор, сложив руки за спиной. – Осмелюсь предположить, ваш удар был еще более впечатляющим, когда правая рука была в порядке.

– Все впереди.

– Не сомневаюсь. Пришли в себя после... ночных трудов с нашим северным приятелем?

– Моя постель – моя забота. А вы? Пришли в себя после падения ко мне в окошко?

– Пустое... пара царапин.

– Экая досада. – Она убрала Кальвец в ножны. – Дело сделано?

– Будет.

– Он мертв?

– Будет.

– Когда?

Морвир поднял глаза на квадрат серого неба над головой, ухмыльнулся.

– Первейшая из добродетелей – терпение, генерал Меркатто. Банк только что открылся, и состав, который я использовал, начнет действовать лишь через некоторое время. Хорошая работа быстро не делается.

– Но, все же, будет сделана?

– О, несомненно. Причем... мастерски.

– Я хочу это видеть.

– Увидите. Наука смерти даже в моих руках не гарантирует абсолютной точности, но ждать, насколько я могу судить, осталось не больше часа. – Он двинулся прочь, напоследок погрозив ей пальцем через плечо. – И позаботьтесь о том, чтобы вас там не узнали. Наша совместная работа только начинается.

* * *

В банковском зале царило оживление. Десятки клерков, склонившись над огромными grossбухами, бесперебойно скрипели перьями, переговаривались с клиентами и снова скрипели. Вдоль стен стояли скучающие стражники, лениво поглядывая по сторонам. А то даже и не поглядывая. Монца, следом за которой проталкивался северянин, обходила стоявших отдельными группами нарядно одетых, увешанных драгоценностями, благоухавших духами мужчин и женщин. Пробиралась меж очередями, в которых томились богатые купцы и лавочники, их жены, телохранители, слуги с мешками денег и сейфами. Судя по всему, то был обычный, весьма доходный день для банкирского дома Валинта и Балка.

Вот он, источник, откуда герцог Орсо получал деньги.

И вдруг... она увидела сухопарого мужчину с крючковатым носом, стоявшего в окружении клерков с grossбухами под мышкой и беседовавшего с несколькими укутанными в меха купцами. Хищное лицо его мелькнуло в толпе внезапно, как искра, вспыхнувшая в подвальной тьме, и Монцу опалило огнем. Мофис. Человек, убить которого она явилась в Вестпорт. И вряд ли требовалось комментировать, что выглядел он чертовски живым.

В углу зала раздался крик, но Монца не оглянулась. Крепко стиснула зубы и начала пробиваться между очередями к банкиру Орсо.

– Что вы делаете? – прошипел над ухом Трясучка, но она его оттолкнула. Оттолкнула с дороги и мужчину в цилиндре.

– Разойдитесь, дайте ему вздохнуть! – прокричал кто-то.

Люди начали оборачиваться и вытягивать шеи, пытаясь увидеть, что происходит. В очередях загомонили, стройные ряды их рассеялись. Монца, ни на что не обращая внимания, неуклонно продвигалась вперед. Все ближе и ближе к Мофису. Вопреки здравому смыслу, понятия не имея, что сделает, когда доберется до него. Вопьется зубами в глотку? Скажет «привет»?.. Оставалось уже меньше десяти шагов – примерно столько же, сколько разделяло их, когда он смотрел на ее умирающего брата.

И тут лицо банкира исказила болезненная гримаса. Монца притормозила, укрылась за чужими спинами. Увидела, как Мофис сложился вдвое, словно его ударили в живот. Закашлялся натужным, мучительным кашлем, походившим на рвотные спазмы. Шагнул, пошатываясь, к стене, оперся на нее. Толпа вокруг пришла в движение, послышались возбужденные шепотки. Издалека снова донеслись крики:

- Отойдите же!
- Что происходит?
- Переверните его!

Глаза у Мофиса заслезились, жилы на тощей шее набухли. Колени подогнулись, и он схватился за стоявшего рядом клерка. Тот пошатнулся, но придержал начальника и помог ему медленно опуститься на пол.

- Господин... что с вами?

Монца, завороченная и одновременно испуганная этим зрелищем, затаила дыхание. Придвинулась ближе, выглянула из-за чьего-то плеча и... неожиданно встретила глазами с Мофисом. Мутный взор его застыл, лицо напряглось и побагровело. Подняв трясущуюся руку, банкир ткнул в нее костлявым пальцем.

- Ме... – выдавил он. – Ме... Ме...

Потом глаза его закатились, спина выгнулась, и Мофис, суча ногами, неистово забился на мраморных плитах пола, как вытащенная на берег рыба. Испуганные зеваки поначалу тараторчили на него молча. И вдруг один из них согнулся во внезапном приступе кашля. Тут закричали, казалось, все в банковском зале:

- Помогите!
- Сюда!
- Кто-нибудь!
- Отойдите, вам сказано!

Из-за стола, с грохотом уронив стул, поднялся клерк, схватился руками за горло. Сделал, пошатываясь, несколько шагов, затем, посинев лицом, рухнул. С брыкнувшей ноги слетел башмак. Один из сопровождавших Мофиса служащих упал, задыхаясь, на колени. Раздался пронзительный женский вопль.

- Чтоб я сдох... – услышала Монца голос Трясучки.

Из разинутого рта Мофиса хлынула розовая пена. Корчи его сменились подрагиванием. Затем и того не стало. Тело обмякло, пустые глаза уставились на ухмылявшиеся бюсты, что стояли вдоль стен.

Двое мертвы. Осталось пятеро.

– Чума! – завизжал кто-то. И, словно это был сигнал к атаке на поле битвы, в банке мгновенно началось истинное столпотворение.

Все ринулись к выходу, и Монцу чуть не сбил с ног один из купцов, с которыми несколько минут назад беседовал Мофис. Трясучка дал ему пинка, купец свалился на труп банкира. А на нее тотчас же налетел другой клиент в съехавших очках, его выпученные глаза казались на побелевшем лице неестественно большими. Она инстинктивно ударила его в лицо правым кулаком, задохнулась от боли, пронзившей руку до плеча, затем рубанула по шее ребром левой и отпихнула от себя, наконец.

«Чума распространяется медленней, чем паника, – писал Столикус, – и забирает меньше жизней».

Налет цивилизованности испарился молниеносно. Богатые, холеные люди превратились в диких зверей. Они отшвыривали с дороги всех, кто мешал пройти. Не замечали упавших. На глазах у Монцы разряженный толстяк ударил женщину с такой силой, что та с окровавленным лицом, на которое съехал парик, отлетела к стене. Бегущие безжалостно топтали сбитого с ног старика. Из выроненного кем-то сейфа пролился ручей серебряных монет, никого сейчас не интересовавший, и был немедленно разметен по сторонам башмаками. Происходившее напоминало бегство с поля брани. Крики, давка, зловоние пота и страха, спасающиеся люди и брошенный ненужный хлам.

Монцу толкнули, она ударила кого-то в ответ локтем. Услышала хруст, на щеку брызнула чужая кровь. Толпа захватила ее и понесла, как ветку по течению, вертя, пиная, сдавливая, дергая. Поток выволол ее, сколько ни отбивалась, рыча, сквозь двери на улицу. Ноги почти не касались земли, так плотен был водоворот людских тел. Там ее отпихнули в сторону. Она вырвалась из толпы, слетела со ступеней банковского крыльца и припала к стене.

Откуда-то взялся Трясучка, подхватил ее под локоть и то ли повел, то ли понес прочь. У входа два стражника тщетно пытались остановить паническое бегство, орудуя древками алебард. Толпа вдруг раздалась в стороны. Монцу толкнули в спину. Обернувшись, она увидела скорчившегося на мостовой мужчину, на губах которого пузырилась красная пена. Испуганные, обезумевшие люди спешили убраться от него подальше.

Голова у нее закружилась, во рту стало горько. Трясучка, тяжело дыша и то и дело оглядываясь через плечо, прибавил шаг. Они свернули за угол банка, направились к дому, и крики за спиной сделались тише. Тут Монца увидела Морвира, который стоял у высокого окна, словно наслаждающийся театральным представлением богатый меценат в собственной ложе. Он улыбнулся им сверху и помахал рукой.

Трясучка прорычал что-то на своем языке, распахнул дверь. Монца, едва войдя, схватилась за рукоять Кальвеца и понеслась вверх по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, не обращая внимания на боль в коленях.

Когда она ворвалась в комнату, Морвир так и стоял у окна. Помощница его сидела на столе, скрестив ноги, и с аппетитом вгрызалась в ломоть хлеба.

– Похоже, там, на улице, небольшая суматоха? – Отодвинувшись, Морвир повернулся к Монце с улыбкой, которая пропала, как только он увидел ее лицо. – Что такое? Он жив?

– Умер. Умерли десятки человек.

Морвир слегка приподнял брови.

– В учреждениях подобного рода документы постоянно перемещаются из рук в руки. Я не мог рисковать тем, что они минуют банкира. На что я никогда не полагаюсь, Дэй?

– На случай. Осторожность на первом месте, всегда. – Та откусила еще хлеба и прочавкала: – Поэтому мы отравили их все. Каждый грессбук.

– Мы так не договаривались, – прорычала Монца.

– Именно так и договаривались, по моему мнению. Любой ценой, сказали вы, и неважно, кто погибнет попутно. Это единственные условия, при которых я работаю. В любом другом случае остается место для недопонимания. – На лице Морвира появилось отчасти озадаченное, отчасти насмешливое выражение. – Я прекрасно знаю, что некоторым людям не по душе массовые убийства. Но никак не ожидал, что вы, Монцкарро Меркатто, Змея Талина, Палач Каприле, относитесь к их числу. Вопрос денег вас пусть не беспокоит. Мофис будет стоять вам десять тысяч, как мы и договаривались. Остальные – бесплатно...

– Это не вопрос денег!

– А чего же? Я выполнил часть заказанной вами работы и сделал это успешно, так в чем меня можно упрекнуть? Вы говорите, что на подобный результат не рассчитывали. Но работа

проделана не вами, так в чем же можно упрекнуть вас? Ответственность, похоже, падает в пустоту между нами, как дерьмо из задницы – в сточную канаву. Скрывается из виду навеки и никому в дальнейшем не причиняет неудобств. Печальное недоразумение... назовем это так. Случайность. Все равно, что внезапно дунул ветер, повалил дерево, и оно, упав, раздавило кучу крошечных насекомых... насмерть.

– Ненароком, – прошептала Дэй.

– Если вас мучает совесть...

Монца в гневе стиснула рукой в перчатке ножны. Хрустнули болезненно кривые суставы.

– Совесть – всего лишь предлог, позволяющий отказаться от дела. Мне не нужны лишние мертвецы. С этого дня мы убиваем только одного человека за раз.

– В самом деле?..

Она сделала быстрый шаг вперед. Отравитель попятился. Метнул нервный взгляд на меч, снова уставился на нее.

– Не испытывайте меня. Никогда. Одного за раз... я сказала.

Морвир осторожно кашлянул.

– Конечно... вы заказчик. Как прикажете, так и будет. Гневаться на самом деле ни к чему.

– О, в гневе вы меня еще не видали.

Он испустил страдальческий вздох.

– В чем трагедия нашего ремесла, Дэй?

– В полнейшем непонимании. – Помощница его закинула в рот последнюю корочку.

– Совершенно верно. Пойдем-ка, прогуляемся по городу, покуда наша нанимательница решает, какое следующее имя в ее небольшом списке требует нашего внимания. Здесь в атмосфере чувствуется запах ханжества.

С видом оскорбленной невинности Морвир вышел из комнаты. Дэй, проводив его взглядом из-под песочных ресниц, пожала плечами, встала, стряхнула крошки с груди и последовала за учителем.

Монца подошла к окну. Перепуганные посетители банка, похоже, уже разбежались. Взамен подоспели любопытствующие горожане, старавшиеся не подходить близко к неподвижным телам на мостовой.

Что, интересно, сказал бы сейчас Бенна? Велел бы ей успокоиться, скорее всего. И хорошенько подумать.

Она вцепилась обеими руками в сундук, с рычанием отшвырнула его от себя. Он врезался в стену, с которой пластами посыпалась штукатурка, перевернулся. На пол вывалилась одежда.

Трясучка смотрел на нее, стоя в дверях.

– С меня довольно.

– Нет! – Она сглотнула. – Нет. Мне еще нужна твоя помощь.

– Выйти и сразиться с человеком – это одно. Но так...

– Такого больше не будет. Я прослежу.

– Чистенькие, аккуратные убийства? Плохо верится. Собравшись убивать, заранее мертвецов не подсчитаешь. – Он медленно покачал головой. – Скоты вроде Морвира еще могут после этого улыбаться. Я – не могу.

– И что дальше? – Она двинулась к нему осторожно, как к норовистой лошади, пытаясь удержать от побега взглядом. – Пятьдесят скелов и возвращение на Север? Снова длинные волосы, дрянная одежда, кровь на снегу? Я думала, у тебя есть гордость. Думала, ты хочешь стать лучше.

– Это верно. Хочу.

– Так попробуй. Останься. Кто знает, вдруг тебе в результате удастся спасти несколько жизней? – Монца мягко коснулась левой рукой его груди. – Или направить меня на праведный путь? Тогда ты станешь хорошим и богатым одновременно.

– Что-то я уже не верю, что такое бывает.

– Помоги мне. Я должна это сделать... в память о брате.

– Вы так считаете? Мертвым все равно. Мстят ради себя самих.

– Значит, ради меня самой! – Она смягчила голос. – Могу я как-нибудь заставить тебя передумать?

Трясучка поморщился.

– Собираетесь бросить еще пятерку?

– Я не должна была так поступать. – Пытаясь найти верные слова, предложить верную сделку, Монца скользнула рукою по его груди вверх, очертила пальцем линию упрямого подбородка. – Ты этого не заслужил. Я потеряла брата... а он был для меня всем. Не хочу больше терять... никого...

Она сделала многозначительную паузу.

В глазах Трясучки появилось странное выражение. Отчасти сердитое, отчасти жаждущее, отчасти пристыженное. Долгое мгновение он стоял молча, и Монца чувствовала, как под рукой ее, которую она так и не убрала с его лица, поигрывает желвак.

– Десять тысяч, – сказал он наконец.

– Пять.

– Восемь.

– Договорились. – Она опустила руку. Встретилась с ним глазами. – Собирайся. Через час уезжаем.

– Ладно.

Из комнаты он вышел, не оглянувшись на нее, виновато потупившись.

Нелегко иметь дело с хорошими людьми. Чертовски дорого они обходятся...

III. Сипани

Вера в сверхъестественный источник зла не нужна; люди сами способны на любое злодейство.

Джозеф Конрад

Не прошло и двух недель, как, желая сравнять счет, явились мстители с другой стороны границы, повесили старика Дестора вместе с женой и сожгли мельницу. Еще через неделю отправились мстить его сыновья, и Монца, прихватив отцовский меч и хнычущего Бенну, пошла с ними. Радостно пошла, ибо вкус к фермерству она потеряла.

Расплатившись за мельника, они покинули долину и не останавливались в течение двух лет. К ним присоединились и другие люди, потерявшие работу, семьи, жилье. Вскоре они сами стали теми, кто жег чужие посевы, вламывался в чужие дома и забирал все, что находил. Вскоре они сами стали теми, кто вешал. Бенна быстро подрос и забыл, что такое милосердие. Могло ли быть иначе?.. Они мстили за убийства, потом за воровство, потом за махинации, потом за слухи о махинациях. Шла война, и нехватки в обидах, за которые требовалось отомстить, не было.

Как вдруг в конце лета Талин и Масселия заключили мир без всякого выигрыша для обеих сторон, кроме трупов. В долину приехал господин в плаще с золотой каймой, с отрядом солдат, и запретил репрессалии. Сыновья Дестора со товарищи разделили добычу и разошлись. Одни вернулись к тому, чем занимались до охватившего их безумия, другие ринулись с головой в безумие новое. Вкус Монцы к фермерству начал возрождаться.

Но дальше возвращения в деревню дело не зашло.

Там, на бортике разбитого фонтана, они узрели ослепительное воплощение воинственности в начищенной до блеска стальной кирасе, с мечом, на рукояти которого сверкали драгоценные камни. Послушать его собралась половина долины.

– Меня зовут Никомо Коска, я капитан Солнечной роты – благородного братства, сражающегося вместе с Тысячей Мечей, лучшими наемниками Стириш! С нами заключил договор о найме Рогонт, молодой герцог Осприш, и мы ищем людей! Людей, имеющих боевой опыт, людей отважных, любящих приключения и деньги! Кого из вас тошнит от ковыряния в грязи ради куска хлеба? Кого влечет надежда на лучшее? Честь? Слава? Богатство?.. Присоединяйтесь к нам!

– Мы можем... – начал Бенна.

– Нет, – ответила Монца. – Довольно с меня войны.

– Война будет короткой! – прокричал Коска, словно услышав ее мысли. – Это я вам обещаю! И заработаете вы куда больше, чем здесь! Скл в неделю, плюс доля в добыче! А добычи будет много, парни, поверьте мне! Наше дело правое... достаточно правое, и победа ждет нас наверняка!

– Мы можем! – прошепел Бенна. – Хочешь снова возиться в земле? Падать замертво по вечерам от усталости? Я – нет!

Монца задумалась о том, каких усилий ей будет стоить расчистка верхнего поля и сколько денег это принесет. Меж тем уже образовалась очередь из желающих вступить в Солнечную роту. Бродяг и фермеров, в основном, чьи имена заносил в книгу чернокожий писарь.

Она протолкалась вперед.

– Я – Моницарро Меркатто, дочь Джаппо Меркатто, а это – мой брат Бенна, и обоим нам приходилось воевать. Найдется ли для нас работа в вашей роте?

Коска нахмурился, чернокожий покачал головой:

– Нам нужны мужчины с боевым опытом. А не женщины и дети.

Он попытался отстранить ее. Монца не сдвинулась с места.

– У нас есть опыт. И посерьезнее, чем у этих ошметков.

– Я могу предложить тебе работу, – сказал один из фермеров, расхрабрившись после того, как поставил на бумаге подпись. – Петушка моего не желаешь пососать?

Над собственной шуткой он смеялся до тех пор, пока Монца не швырнула его наземь и не заставила проглотить половину зубов каблуком сапога.

Никомо Коска наблюдал за этой демонстрацией силы, приподняв одну бровь.

– Саджам... в договоре о найме точно упомянуты мужчины? Как там сказано?

Писарь заглянул в документ.

– Две сотни конников, две сотни пехотинцев, коим надлежит быть людьми бывальными и хорошо снаряженными. Сказано – «люди».

– Да и «бывалость» – понятие расплывчатое. Эй, девочка! Меркатто! Берем тебя. И брата твоего тоже. Ставьте подписи.

Они сделали, что было велено, и этого оказалось довольно, чтобы стать солдатами Тысячи Мечей. Наемниками.

Фермер схватил Монцу за ногу.

– Мои зубы...

– Поищи их у себя в дерьме, – сказала она.

Затем Никомо Коска, знаменитый солдат удачи, под веселое пение трубы вывел новых наемников из деревни, и на ночлег они расположились под звездами, у костров, и предались мечтам о том, как разбогатеют в предстоящем походе.

Монца с Бенной сидели, укрывшись одним одеялом на двоих и тесно прижавшись друг к другу. Из темноты, сверкая латами, в которых отражалось пламя костра, к ним вышел Коска.

– Вот вы где, мои детки-солдатики! Талисманчики мои! Замерзли, да? Держите. – Стянул с плеч темно-красный плащ, бросил им. – Грейте косточки.

– Что вы хотите за него?

– У меня есть еще, так что примите в подарок.

– С чего это? – подозрительно проворчала Монца.

– «Командир заботится сначала об удобстве своих людей, потом уже о собственном», как говаривал Столикус.

– Кто это? – спросил Бенна.

– Столикус? Величайший полководец в истории. Император древности. Самый знаменитый.

Монца промолчала, а Бенна снова задал вопрос:

– Кто такой император?

Коска вскинул брови.

– Король, считай, только рангом повыше. Натек-ка, почитайте. – Он вынул из кармана и сунул Монце в руки маленькую книжицу в красном потертом переплете.

– Ладно.

Та открыла ее и угрюмо уставилась на первую страницу, в надежде, что он сейчас уйдет.

– Мы не умеем читать, – ляпнул Бенна, не успела она его заткнуть.

Коска нахмурился, подкрутил двумя пальцами навоощенный ус. Монца думала, сейчас велит им немедленно убираться домой. Вместо этого он уселся рядом, подобрал под себя ноги.

– Дети, дети... – Ткнул пальцем в книжную страницу. – Вот это – буква «а».

Туманы и шепоты

Город Сипани пах гниющими морскими водорослями, угольным дымом, дерьмом и мочой. Короткой жизнью и долгим угасанием. Трясучку подташнивало, хотя с запахом он, может, и смирился бы, когда бы мог видеть собственную руку перед лицом. Вечер был таким темным, туман таким густым, что шедшая в паре шагов впереди Монца казалась чуть ли не призраком. Фонарь высвечивал из тьмы под ногами всего с десятков булыжников, блестящих от холодной росы. И несколько раз Трясучка едва не шагнул напрямик в воду. Что было нетрудно. Ибо в Сипани вода таилась за каждым углом.

Из тумана выплывали злобные великаны, превращались в угрюмые дома, прокрадывались мимо. Выныривали, как шанка во время битвы при Дунбреке, темные силуэты и оборачивались мостами, оградами, статуями, экипажами. На столбах горели фонари, у дверей – факелы. Светившиеся во мраке окна казались висящими в пустоте и были ненадежны, как болотные огоньки. Только он выбрал за ориентир ряд окошек, как дом куда-то поехал. Чувствуя, что земля уходит из-под ног, Трясучка заморгал, потряс головою. После чего понял, что то была баржа, проплывшая рядом с мостовой, унося свои огни в ночь. Никогда ему не нравились города, туманы и море. Вместе же взятые, они и вовсе походили на дурной сон.

– Чертов туман, – проворчал Трясучка, поднимая фонарь повыше, словно из этого мог выйти какой-то толк. – Ничего не видать.

– Это Сипани, – бросила через плечо Монца. – Город туманов. Город шепотов.

Холодная тьма вокруг и вправду наполнилась неумолчными, приглушенными звуками: плеском и бульканьем воды в каналах, поскрипыванием тросов, удерживавших на месте лодки, звоном колоколов, собачьим лаем, кошачьими завываниями, крысиным топотком, вороньим карканьем. И человеческими голосами, конечно. Невидимые за туманом люди окликали друг друга, называли цены, торговались, сыпали предложениями, шутками, угрозами – всем вперемешку. Порой откуда-то доносились обрывки музыки. Вспыхивали на другой стороне канала призрачные огоньки и брели, раскачиваясь, сквозь тьму – то подвыпившие посетители покидали с фонарями в руках таверны, направляя нетвердые стопы кто в бордель, кто в игорный дом, кто в курильню. Голова у Трясучки от всего этого кружилась. Тошнота усиливалась. Казалось, его вообще тошнило не переставая. Давно, с самого Вестпорта.

Во тьме послышались быстрые, гулкие шаги, и Трясучка, схватившись за рукоять топора, спрятанного под курткой, прижался к стене. Из тумана возникли и снова скрылись в нем, промчавшись мимо, несколько мужчин и женщин, одна из которых придерживала на бегу шляпу на своих взбитых стогом волосах. Промелькнули искаженные пьяными, дьявольскими ухмылками лица и сгнули в ночи, лишь туман завился водоворотами вослед развевавшимся плащам.

– Ублюдки, – проворчал Трясучка, выпустив топор и отлепившись от склизкой стены. – Их счастье, что я никого не треснул.

– Привыкай. Это Сипани. Город пьяниц. Город полуночников.

Полуночников тут хватало, это верно. На каждом углу, у каждого моста ошивались сомнительного вида мужчины, провожая прохожих пристальными взглядами. В дверях караулили женщины, многие из которых, несмотря на холод, были едва одеты.

– Скел! – крикнула одна Трясучке. – Всего за скел – ночь всей твоей жизни! Ладно, десять медяков! Восемь!

– Собой торгуют, – буркнул он.

– Все собой торгуют, – донесся до него приглушенный голос Монцы. – Это...

– Да, да. Чертов Сипани.

Монца остановилась, и он чуть не налетел на нее. Она откинула капюшон и уставилась на узкую дверь в осыпающейся кирпичной стене.

- Пришли.
- Еще один дворец?
- В настоящих дворцах побываем позже. Пока же у нас работа. Сделай грозный вид.
- Как скажете, начальник. – Трясучка выпрямился, соорудил самую мрачную мину. –

Как скажете.

Она постучала, и вскоре дверь отворилась. На пороге встала женщина, высокая и худая, как паучиха. Прислонилась плечом к одной стороне дверного косяка, уперлась рукой в другую, загородив своим телом вход. Побарабанила по косяку пальцем с таким видом, словно и туман принадлежал ей, и ночь, и визитеры тоже. Трясучка поднес фонарь немного ближе. Высветил жесткое, хитрое лицо, усеянное веснушками, всепонимающую улыбку, короткие рыжие волосы, стоящие на голове торчком.

– Шайло Витари? – спросила Монца.

– А вы, стало быть, Меркатто.

– Она самая.

– Смерть вам к лицу. – Хозяйка, прищурясь, взглянула на Трясучку холодными глазами, в которых читалась готовность к жестокой шутке. – А кто ваш мужчина?

Ответил он сам:

– Зовут меня Кол Трясучка, и я – не ее.

– Вот как? – Хозяйка улыбнулась Монце. – Чей же, в таком случае?

– Свой собственный.

Она издала смешок. Язвительный. Хотя язвительным, казалось, было в ней все.

– Это Сипани, дружок. Здесь каждый кому-нибудь принадлежит. Северянин?

– Имеете что-то против?

– Сбросил меня один как-то с лестницы. С тех пор и недолюбливаю. Почему Трясучка?

Вопрос застал его врасплох.

– Чего?

– Я слышала, на Севере мужчина должен заслужить свое имя. Не то делами, не то еще чем-то. Так почему Трясучка?

– Э... – Меньше всего ему хотелось выглядеть дураком перед Монцей. Он еще надеялся однажды снова оказаться в ее постели. И потому соврал: – Враги трясутся при виде меня от страха, вот почему.

– Надо же. – Витари отступила от двери, пропуская гостей, и, когда Трясучка подныривал под низкую притолоку, одарила его насмешливой улыбкой. – Какие трусливые у тебя, однако, враги.

– Саджам говорит, вы многих здесь знаете, – сказала Монца, когда хозяйка ввела их в маленькую комнату, освещенную только пламенем очага.

– Я знаю всех. – Витари сняла с огня дымящийся котелок. – Супу?

– Не мне, – ответил Трясучка, прислоняясь к стене и складывая руки на груди. Ему еще хорошо помнилось гостеприимство Морвира.

– И не мне, – сказала Монца.

– Как хотите.

Витари, налив себе кружку, села, закинула одну длинную ногу на другую и принялась покачивать острым носком черного сапога.

Монца заняла единственный оставшийся стул, слегка поморщившись, когда на него садилась.

– Саджам говорит, вы многое можете.

– Зависит от того, что вам нужно.

Монца взглянула на Трясучку. Он пожал плечами в ответ.

– Я слышала, в Сипани собирается прибыть король Союза.

– Собирается. Возомнил себя, похоже, великим государственным деятелем. – Витари улыбнулась, показав два ряда ровных, острых зубов. – Хочет принести в Стирию мир.

– Сейчас?

– Таковы слухи. По его инициативе состоится совещание, на котором будут оговорены условия мира между великим герцогом Орсо и Лигой Восьми. Прибудут все главы – кто жив еще, во всяком случае, как Рогонт и Сальер. Роль хозяина сыграет старик Соториус, поскольку Сипани вроде бы нейтральная территория. От лица великого герцога выступят его сыновья, королевские шурины.

Монца нетерпеливо подалась вперед, напомнив Трясучке канюка над падалью.

– Оба... Арио и Фоскар?

– Оба. Арио и Фоскар.

– Так что, быть миру? – спросил Трясучка и тут же об этом пожалел. Женщины одарили его презрительными усмешками – каждая в своем духе.

– Это Сипани, – сказала Витари. – Единственное, что здесь бывает, – туман.

– И на совещании ничего другого не будет, можешь не сомневаться. – Монца откинулась на спинку стула, нахмурилась. – Кроме тумана и шепота.

– Лига Восьми трещит по швам. Борлетта пала. Кантейн мертв. Виссерину грозит осада, едва погода улучшится. Разговоры этого не изменят.

– Арио будет сидеть, глупо ухмыляться, слушать и кивать, руша все надежды на то, что отец его пойдет на мирное соглашение. До тех самых пор, пока солдаты Орсо не появятся под стенами Виссерина.

Витари отхлебнула из кружки, поглядела, шурясь, на Монцу.

– А с ними – Тысяча Мечей.

– Сальер и Рогонт, да и все остальные тоже, прекрасно это понимают. Они не дураки. Скрыги и трусы, возможно, но не дураки. Поэтому будут просто тянуть время, маневрируя.

– Маневрируя? – переспросил Трясучка.

– Виляя, – объяснила незнакомое слово Витари, снова показав ему все зубы. – Орсо мир не нужен, да и Лига Восьми его не ищет. Единственный человек, который едет сюда, надеясь на нечто большее, чем туман, – это его августейшее величество. Но, говорят, у него талант к самообману.

– Приобретенный вместе с короной, – сказала Монца, – однако меня его величество не интересует. Арио и Фоскар... чем они еще будут заниматься, помимо скармливания лжи своему зятю?

– В первый вечер после совещания оба посетят бал-маскарад в честь короля и королевы, который состоится во дворце Соториуса.

– Дворец, поди, хорошо охраняют, – поддержал разговор Трясучка. Стараясь не обращать внимания на доносившийся откуда-то детский плач.

Витари фыркнула.

– В одном зале соберется дюжина злейших врагов, самых осторожных людей на свете... Народу с оружием там будет больше, чем в битве при Адуе. Уж и не знаю, в каком месте к братьям труднее подобраться.

– Есть другие предложения? – огрызнулась Монца.

– Посмотрим. Я Арио не друг, но с одним из его друзей знакома. Очень, очень близким. Монца сдвинула брови.

– Тогда нам нужно...

Внезапно скрипнула, открываясь, дверь, и Трясучка мигом развернулся к ней, наполовину вытащив топор.

На пороге появился ребенок. Девочка лет восьми, с рыжими, всклокоченными волосами, в ночной рубашке, слишком для нее длинной. Из-под подола выглядывали только худенькие босые ступни.

Взгляд больших голубых глаз уперся в Трясучку. Потом – в Монцу. Потом метнулся к Витари.

– Мама, Кэс плачет.

Та опустилась перед малышкой на колени и приладила ей волосы.

– Слышу, детка. Попробуй его успокоить. Скоро я приду и спою вам песенку.

– Ладно.

Девочка снова уставилась на Трясучку. Тот стыдливо запихал топор поглубже под куртку. Изобразил улыбку. Малышка попятилась и закрыла за собой дверь.

– Сыночек кашель подхватил, – сказала Витари прежним язвительным голосом. – Сперва один болевает, за ним – все остальные, и, напоследок, – я. Знакомы с радостями материнства?

Трясучка поднял бровь.

– Как-то не довелось.

– С семейной жизнью мне не везет, – сказала Монца. – Так вы можете нам помочь?

Витари перевела взгляд с нее на Трясучку и обратно.

– Кто еще у вас в подручных?

– Есть один боец, Балагур.

– Хорошо дерется?

– Очень, – сказал Трясучка, вспомнив два окровавленных трупа в талинском переулке. –

Правда, малость странноват.

– Северянин, надо думать, тоже по этой части. Еще кто?

– Отравитель с помощницей.

– Хороший?

– Да... по его словам. Зовут Морвир.

– Фу! – Витари скривилась, словно мочи хлебнула. – Кастор Морвир? Этот ублюдок не надежней скорпиона.

Монца ответила ей твердым, спокойным взглядом.

– И скорпион может быть полезен. Так вы поможете нам?

Глаза Витари превратились в щелки. Блеснули в свете очага.

– Помогу, но не бесплатно. Что-то подсказывает мне, что по окончании дела я перестану быть в Сипани желанной гостьей.

– О деньгах не беспокойтесь. Они будут, когда мы доберемся до принцев. Вы знаете людей, которые могут с этим помочь?

Витари глотнула еще супу, выплеснула остатки в очаг. Угли зашипели.

– Ох... кого я только не знаю.

Искусство убеждения

Ранним утром на кривых улочках Сипани еще царил тишина. Монца поежилась, плотнее запахнула куртку, спрятала руки под мышки. На посту у двери она стояла уже около часа, все больше коченея и выдыхая в туманный воздух облачка пара. Уши и ноздри пощипывало от холода. Странно, что сопли в носу не замерзли. Но она терпела. Должна была терпеть.

«Девять десятых войны – это ожидание», – писал Столикус.

Все десять – казалось ей сейчас.

Мимо, посвистывая, прошел мужчина, прокатил тачку, груженную соломой. Монца смотрела ему вслед, пока черный силуэт не растворился в тумане.

Ей хотелось, чтобы рядом был Бенна.

И еще хотелось, чтобы при нем была трубка.

Мысль застряла в голове, как заноза под ногтем, – не избавиться. Монца облизала пересохшие губы. О, чудесное, покалывающее жжение в легких... вкус дыма во рту, тяжесть, разливающаяся по рукам и ногам, свет, заполняющий мир, когда следа не остается от сомнений, ярости, страхов...

Вновь слышались шаги. Из темноты вынырнули две фигуры. Монца напряглась, сжала кулаки, не обращая внимания на боль в искалеченной руке. Впереди шла женщина в ярко-красном плаще с золотой вышивкой. Сзади – мужчина... слуга, тащивший на плече тяжелый сундук.

– Пошевеливайся! – крикнула женщина с едва заметным союзным акцентом. – Если я опять опоздаю...

Тишину прорезал звонкий свист Витари. Из подворотни выскользнул Трясучка, догнал слугу, ухватил за руки. Из ниоткуда вышел Балагур, нанес ему четыре мощных удара в живот. Бедняга и вскрикнуть не успел. Повалился на мостовую, и его начало рвать.

Зато вскрикнула женщина. Вытаращила глаза, развернулась, собираясь бежать. Но из мрака впереди донесся голос Витари, зловеще вопросивший:

– Карлотта дан Эйдер, если не ошибаюсь?

Женщина, беспомощно вскинув руки, попятилась к двери, где поджидала Монца.

– У меня есть деньги! Я заплачу...

Витари непринужденной и развязной походкой выплыла из тумана, словно прогуливаясь по собственному саду.

– О, конечно, заплатишь. Должна сказать, я была удивлена, узнав, что фаворитка принца Арио явилась в Сипани. Говорят, тебя не вытащить из его спальни.

Подгоняемая Витари, женщина все пятилась к двери, и Монца начала отступать в глубь коридора, морщась от острой боли в затекших ногах.

– Сколько бы ни платила вам Лига Восьми, я...

– Обижаешь. Я не работаю на них. Ты не помнишь меня? Не помнишь Дагоску? Свою попытку продать город гуркам? И как тебя поймали? – Витари выронила что-то из руки, и Монца увидела запрыгавший по камням мостовой крестообразный клинок, свисавший на цепочке с ее запястья.

– Дагоска? – В голосе Эйдер зазвучал неподдельный ужас. – Нет! Я сделала все, как он сказал! Все! Зачем ему...

– О, на Калеку я тоже больше не работаю. – Витари шагнула ближе. – Только на себя.

Женщина, пятясь, переступила порог и оказалась в коридоре. Повернулась и увидела поджидавшую там Монцу, чья рука в перчатке небрежно лежала на рукояти меча. Эйдер застыла неподвижно, лишь грудь вздымалась от прерывистого дыхания.

Витари вошла тоже, захлопнула за собой дверь и задвинула со зловещим лязгом засов.

– Вперед. – Дала пинка пленнице, и та, запутавшись в полах собственного плаща, чуть не упала. – Будь так любезна. – Последовал второй пинок, и Эйдер, не успевшая толком удержаться на ногах, перелетела через порог в комнату и грохнулась на пол.

Витари одной рукой легко вздернула ее и поставила на ноги. Монца медленно двинулась следом за ними, прихрамывая и плотно сжимая челюсти.

Как челюсти ее, комната знавала лучшие дни. Полуобвалившаяся штукатурка на стенах пузырилась от сырости и была покрыта черными, страшными пятнами плесени. Спертый воздух благоухал гнилью и луком.

В углу, прислонясь к стене, стояла Дэй с беззаботной улыбкой на лице и начищала рукавом сливу цвета свежего синяка. Которую предложила Эйдер:

– Не желаете?

– Что?! Нет!

– Напрасно. Вкусные.

– Садись. – Витари подтолкнула пленницу к расшатанному стулу, единственному предмету мебели в комнате. В подобных случаях единственный стул – весьма хорошее средство. Только не для Монцы сейчас. – Говорят, история движется по кругу. Но кто бы мог подумать, что наша новая встреча будет так похожа на предыдущую? Расплакаться можно. Тебе, во всяком случае.

С виду, однако, Карлотта дан Эйдер не собиралась плакать. Она села прямо, сложила руки на коленях с редким самообладанием, учитывая обстоятельства. Можно сказать, даже с достоинством. Не первой молодости женщина, но очень хороша, тем более что все необходимые усилия к этому приложены. Тщательно напудрена, искусно подкрашена. На шее – сверкающее ожерелье из красных камней, на пальцах – золото. Похожа больше на графиню, чем на любовницу принца, и столь же к месту в этой прогнившей комнате, как в куче мусора – алмаз.

Витари медленно обошла ее кругом, наклонилась и прошипела в ухо:

– Прекрасно выглядишь. Всегда умела приземлиться на ноги. И все же это падение, не так ли? Из глав торговой гильдии – в подстилки принца Арио...

Эйдер и глазом не моргнула.

– Такова жизнь. Чего ты хочешь?

– Всего лишь поговорить. – Голос Витари стал вкрадчивым и мурлыкающим, словно перед ней был любовник. – Если ты, конечно, будешь отвечать на вопросы, которые нас интересуют. В противном случае мне придется причинить тебе боль.

– И получить от этого удовольствие, не сомневаюсь.

– Такова жизнь. – Витари вдруг ударила любовницу Арио по ребрам с такой силой, что чуть не сбросила ее со стула. Та задохнулась, скорчилась. Кулак взлетел над ней снова. – Еще?

– Нет! – Эйдер подняла руку. Взгляд ее, словно в поисках защиты, обежал комнату, вернулся к Витари. – Нет... я... готова отвечать... только... скажи, что нужно.

– Почему ты приехала раньше своего любовника?

– Чтобы подготовиться к балу. Костюмы, маски, все...

Кулак ударил в то же место, еще сильнее. Эйдер вскрикнула, с искаженным от боли лицом обхватила себя руками, судорожно втянула воздух в грудь и закашлялась.

Витари нависла над ней, как паук над залетевшей в паутину мухой.

– Я теряю терпение. Зачем ты здесь?

– Арио собирается устроить... праздник... для брата. В честь дня его рождения.

– Что за праздник?

– Из тех, которыми знаменит Сипани. – Эйдер снова закашлялась. Повернув голову, сплюнула и забрызгала свой красивый плащ.

– Где?

– В Доме досуга Кардотти. Он снял его на ночь целиком. Для себя с Фоскаром и... других своих друзей. И выслал меня вперед, чтобы все подготовить.

– Отправил любовницу выбирать шлюх?

Монца фыркнула.

– Похоже на Арио. Что именно подготовить?

– Найти лицедеев. Привести в порядок дом. Убедиться, что там будет безопасно. Он... мне доверяет.

– Ну и дурак, – усмехнулась Витари. – Интересно, как он поступит, если узнает, на кого ты работаешь на самом деле? Для кого шпионишь? Для нашего общего дружка из Допросного дома, да? Калеки из инквизиции его величества? Докладываешь Союзу, как обстоят дела в Стирии... нелегко тебе, наверное, помнить, кого уже предала, кого собираешься предать на неделе.

Эйдер, так и сидевшая, обхватив руками грудь, взглянула на нее сердито.

– Я жить хочу.

– Умрешь, коль Арио узнает правду. Все, что для этого требуется, – маленькая записочка.

– Чего вы от меня хотите?

Монца шагнула вперед.

– Хотим, чтобы вы помогли нам подобраться к Арио и Фоскару. Хотим, чтобы вы впустили нас в ночь праздника в Дом досуга Кардотти. Что до лицедеев... хотим, чтобы вы наняли тех, кого пришлем мы. И никаких других. Ясно?

Лицо Эйдер побелело.

– Вы собираетесь их убить? – Ей не ответили, но молчание было достаточно красноречивым. – Орсо догадается, что я его предала! Калека узнает, что я его предала... да врагов страшней, чем эти двое, не найти во всем Земном круге! Лучше убейте меня сразу, сейчас!

– Хорошо. – Монца со звоном выхватила из ножен Кальвец.

Глаза Эйдер расширились.

– Погодите...

Монца приставила блестящий кончик меча к ямке между ее ключицами и слегка надавила. Любовница Арио, беспомощно взмахнув руками, вжалась в спинку стула.

– Нет! Нет!

Монца принялась вертеть запястьем. Безупречное стальное лезвие засверкало, наклоняясь то в одну сторону, то в другую, медленно вжимаясь, ввинчиваясь, вгрызаясь острием в горло. Из ранки тонкой темной струйкой засочилась кровь, поползла по груди. Эйдер взвизгнула громче:

– Ай! Нет... не надо, пожалуйста!

– Не надо? – Монца еще немного подержала ее прижатой к спинке стула. – Значит, умереть все-таки не готова? Мало кто готов... когда подходит время.

Затем отвела Кальвец, и Эйдер, вся дрожа, задыхаясь, качнулась вперед и схватилась рукой за окровавленное горло.

– Вы не понимаете! Это же не просто Орсо! Не просто Союз! Обоих поддерживает банк. Валинта и Балка. Оба – собственность банка, для которого Кровавые Годы – не более чем интермедия. Мелкий эпизод. Вы понятия не имеете, в чьем саду собираетесь нагадить...

– Не так. – Монца наклонилась к ней, заставив отпрянуть. – Мне все равно. А это меняет дело.

– Пора? – спросила Дэй.

– Пора.

Девушка, молниеносно вытянув руку, блестящей иглой кольнула Эйдер в ухо.

– Ай!

Дэй зевнула, убрала иголку в карман.

– Не бойтесь, это действует медленно. У вас остается по меньшей мере неделя.

– До чего?

– До того, как заболеее. – Дэй куснула сливу, сок брызнул на подбородок. – Фу, черт, – буркнула она, вытираясь пальцем.

– Заболею? – переспросила Эйдер.

– Ну да. И через день будете мертвее Иувина.

– Поможете нам – получите противоядие. И возможность бежать. – Рукой в перчатке Монца стерла кровь с кончика меча Бенны. – Расскажите кому-нибудь о наших планах, здесь или в Союзе, Орсо или Арио, или нашему дружку Калеке, и... – Вогнала клинок обратно в ножны. – ...Арио недосчитается одной из своих любовниц.

Эйдер, прижимая руку к горлу, обвела взглядом всех троих.

– Сучки злобные.

Дэй обсосала сливовую косточку и бросила ее на пол.

– Мы жить хотим.

– Дело сделано, – сказала Витари, поднимая за локоть любовницу Арио на ноги и подталкивая к двери.

Но на пути встала Монца.

– Что вы скажете слуге, когда очухается?

– Нас... ограбили?

Монца протянула руку в перчатке. Лицо у Эйдер перекошилось. Она расстегнула ожерелье, бросила в подставленную ладонь. Туда же полетели кольца.

– Достаточно для убедительности?

– Не знаю. Вообще-то вы похожи на женщину, которая будет защищаться. – С этими словами Монца двинула ей кулаком в лицо.

Эйдер вскрикнула, отшатнулась. Упала бы, если бы ее не подхватила Витари. Из носа и разбитых губ хлынула кровь. И, когда она снова подняла взгляд, в нем мелькнуло на миг необычное выражение. Несомненно, это было страдание. Страх, разумеется. Но и над тем и другим преобладала злоба.

Такой же взгляд, наверное, был у самой Монцы, когда ее сбрасывали с балкона.

– Вот теперь дело сделано, – сказала она.

Витари за локоть потащила Эйдер в коридор, к выходу. Заскрипели под ногами грязные половицы. Дэй вздохнула, отлепилась от стены, попыталась стряхнуть со спины следы штукатурки.

– Изящно и аккуратно.

– За что благодарить нужно не твоего хозяина. Где он?

– Мне больше нравится «нанимателя», а ушел он по каким-то неотложным делам.

– Дела?

– Что-то не так?

– Я плачу за мастера, не за щенка.

Дэй усмехнулась.

– Тяф, тяф. Да Морвир ничего такого не может, чего бы я не могла.

– Вот как?

– Он стареет. Слишком самонадеян. Там, в Вестпорте, чуть не погиб из-за лопнувшей веревки. Мне лично не хотелось бы, чтобы подобная неосторожность стала помехой вашему делу. Вы платите не за это. Нет ничего страшнее, чем иметь в компании неосторожного отравителя.

– Спорить не стану.

Дэй пожала плечами:

– В нашем ремесле всех случайностей не предусмотреть. Особенно в старости. Заниматься им на самом деле должны молодые.

Она неторопливо направилась к выходу, пропустив в дверях вернувшуюся Витари, на лице которой от выражения злой радости, как и от развязной походки, не осталось и следа. Черным сапогом она злобно отпихнула стул в угол. Сказала:

- Ну, лазейка найдена.
- Похоже на то.
- Как и было обещано.
- Как было обещано.
- Арио и Фоскар – в одном месте, и возможность до них добраться.
- Сработано славно.

Они посмотрели друг на друга, и Витари пробежала языком по губам, словно почувствовав на них горечь.

- Что ж, – пожала плечами. – Мне тоже хочется жить.

Жизнь пьяницы

– Винца, винца, винца... Где доброму человеку добыть винца?

Привалившись к стене, Никомо Коска, знаменитый солдат удачи, вновь запустил трясушую руку в кошелек, где по-прежнему не было ничего, кроме свалившейся в комок серой пыли. Никомо выудил его, сдул с пальцев и проводил взглядом. Свое последнее, улетающее по ветру достояние.

– Дрянь! – В бессильной ярости швырнул кошелек в сточную канаву. Но тут же пожалел об этом. Чтобы поднять его, пришлось наклониться. Ветеран закричал, как старик.

Старик он и был. Потерянный человек. Почти мертвец. При последнем издыхании. Никомо медленно опустился на колени, глядя на свое отражение в лужице черной воды, скопившейся меж булыжниками мостовой.

Все отдал бы сейчас за крохотный глоток вина. Вот только отдавать было нечего. У него осталось лишь собственное тело. Руки, которые возносили королей к вершинам власти и сбрасывали их оттуда. Глаза, которые наблюдали поворотные моменты истории. Губы, которые целовали первых красавиц разных стран. Зудящий член, ноющие кишки, гниющая шея... с какой бы радостью он отдал все это за одну-единственную чарочку виноградного спирта. Да пойдй, найди покупателя...

– Сам... как пустой кошелек. – Никомо с мольбой воздел налитые свинцовой тяжестью руки к черным небесам и возопил: – Кто-нибудь, дайте же мне этого чертова вина!

– Заткни пасть, говнюк! – отозвался грубый голос. Хлопнули, закрывшись, ставни, переулочек погрузился в глубокий мрак.

Он обедал за одним столом с герцогами. Кувыркался в одной постели с графинями. Имя Коски ввергало в трепет целые города.

– Почему все это кончилось... так?

С трудом, преодолевая тошноту, он поднялся на ноги.

Пригладил волосы на больной голове, подкрутил обвисшие кончики усов. Двинулся по узкой улочке почти прежней своей, знаменитой победительной походкой к расплывчатому пятну фонарного света в туманной дали, и печальное лицо его овеял сырой, холодный ветер. Тут послышались шаги, и Коска торопливо развернулся.

– Добрый господин! Я нечаянно остался без средств... не могли бы вы ссудить мне немного денег, покуда...

– Пшел вон, оборванец. – Прохожий оттолкнул его с пути.

От оскорбления кровь прилила к лицу, щеки запылали.

– К вам обратился не кто-нибудь, а Никомо Коска, знаменитый солдат удачи! – Эффект был несколько испорчен тем, что пропитой голос дал петуха. – Капитан-генерал Тысячи Мечей! Бывший капитан-генерал, то бишь... – Прохожий, исчезая в тумане, ответил непристойным жестом. – Я обедал... в одной постели... с герцогами! – Коска зашелся в приступе кашля, согнулся пополам, уперся трясущимися руками в трясущиеся колени. В груди, ходившей ходунком, как скрипучие кузнечные мехи, засадило.

Вот она, жизнь пьяницы. Четверть проводишь сидя, четверть – лежа, четверть – на коленях, остальное время – раком. Наконец ему удалось отхаркнуть здоровенный ком мокроты, вылетевший изо рта, когда он кашлянул в последний раз. И это все, что после него останется? Расплеванное по сотням тысяч сточных канав? Да еще имя – символ предательства, алчности и расточительства?.. Со стоном крайнего отчаяния Коска выпрямился, устремил взор в пустые небеса. Где даже в звездах не мог найти сочувствия из-за скрывающего их вечного тумана Сипани.

– Один, последний шанс. Все, чего я прошу. – Он потерял уже счет последним шансам, которыми не воспользовался. – Всего один, Боже. – В бога он не верил ни дня. – Парки! – В них он тоже не верил. – Кто-нибудь! – Он ни во что не верил, кроме очередной выпивки. – Один... единственный... шанс.

– Ладно. Еще один.

Коска заморгал.

– Боже? Это... ты?

Кто-то захихикал. Издевательски, самым богомерзким образом. Женщина, судя по голосу.

– Может, на колени встанешь, Коска?

Он прищурился, вглядываясь в туман, и в нетрезвой голове началось некое подобие умственной деятельности. Появление человека, знающего его имя, добра не сулило. Врагов у него было гораздо больше, чем друзей, а кредиторов – гораздо больше, чем и тех, и других. Нетвердую рукой он поискал рукоять своего золоченого меча, но вспомнил, что заложил его еще в Осприи и купил другой, подешевле. Поискал рукоять дешевого, но вспомнил, что заложил его, едва прибыв в Сипани. И опустил трясущуюся руку. Невелика потеря. Сил не нашлось бы даже взмахнуть клинком, будь тот на месте.

– Кто здесь, черт тебя подери? Если я тебе должен, готовься... – к горлу подкатила тошнота, Коска длинно рыгнул, – ... умереть.

Из тумана рядом с ним внезапно вынырнула темная фигура. Он резко повернулся, запутался в собственных ногах, упал и треснулся головой о стену. Аж искры из глаз посыпались.

– Так ты еще жив... Точно жив? – Над ним склонилась высокая худая женщина.

Лицо ее скрывала тень, но стоявшие торчком на голове волосы отливали в свете фонаря рыжим. Что-то знакомое...

– Шайло Витари. Вот уж кого не ждал увидеть. – Врагом она ему как будто не была. Но и другом тоже. Коска приподнялся на локте. На чем пришлось остановиться, поскольку улица тут же завертелась перед глазами. – Ты ведь не откажешься... утолить жажду умирающего, правда?

– Козьим молоком?

– Чем?

– Для желудка хорошо, говорят.

– Слышал я, что у тебя камень вместо сердца, но что его вовсе нет... ты думаешь, я пью молоко? Проклятье... мне бы всего чарочку. – Винца, винца, винца. – Всего одну, и с меня хватит.

– С тебя уже хватит. Давно на этот раз пьешь?

– Сдается, было лето, когда начал. А нынче что?

– Год точно другой. Сколько денег потратил?

– Все, что имел, и даже больше. Если найдется в мире монета, которая не прошла однажды через мой кошелек, я очень удивлюсь. Но именно сейчас я вовсе без средств, и если бы ты могла выделить мне какую-нибудь мелочь...

– Не разменивайся на мелочи. Пора меняться самому.

Коска кое-как поднялся на колени и ткнул себя трясущимся пальцем в грудь.

– Думаешь, лучшая часть моей души, усохшая, проссанная, в ужасе молящая избавиться ее от пытки, не знает этого? – Беспомощно пожал плечами. – Чтобы измениться, человеку нужна помощь добрых друзей. Или врагов. Но друзья мои давно умерли, а враги... вынужден признаться, у них есть дела поинтересней.

– Не у всех, – послышался другой женский голос, от звука которого мурашки пробежали по телу Коски, так хорошо он был знаком старому солдату. И вслед за тем из мрака вынырнула еще одна фигура, в длинном плаще.

– Нет... – прохрипел Коска.

Он помнил, какой увидел ее впервые – растрепанной девчонкой девятнадцати лет, с мечом на боку, с прямым и ясным взглядом, в котором читались гнев, вызов и легкое презрение. Теперь лицо ее стало пустым, у рта появилась страдальческая складка. Меч висел на другом боку, правая рука в перчатке лежала на рукояти безжизненно. Взгляд оставался таким же непоколебимо прямым, но сейчас в нем было больше гнева, больше вызова и намного больше презрения. Кого винить?.. Он знал и сам, что ничего, кроме презрения, не заслуживает.

Тысячу раз он клялся ее убить, если, конечно, случится где-нибудь встретить. И брата ее убить, и Эндиша, Виктуса, Сезарию, Карпи Верного – всех вероломных ублюдков из Тысячи Мечей, которые его предали. Украли у него его место. Заставили бежать с поля битвы при Афьери в лохмотьях, оставшихся равно от одежд его и репутации.

Тысячу раз клялся... но Коска нарушал все клятвы, которые давал в своей жизни, и сейчас при виде ее не ощутил гнева. Вместо этого в душе вспыхнули разом поистершаяся уже жалость к себе, неожиданная глупая радость и жгучий стыд. Ибо по лицу ее было видно, насколько низко он пал. В носу у него защекотало, в глазах защищало от подкативших слез. И то, что глаза красны, как раны былых времен, его в кои-то веки порадовало. Расплачешься – никто не заметит.

– Монца... – Он попытался расправить на плечах грязный воротник, но руки так тряслись, что ничего не вышло. – Я слышал, тебя убили. Собирался отомстить, конечно...

– Мне? Или за меня?

Коска пожал плечами:

– Припомнить трудно... по дороге я остановился выпить.

– Пахнешь так, словно останавливался не однажды. – Разочарование в ее голосе кольнуло его не хуже стали. – А я слышала, что тебя, в конце концов, убили в Дагоске.

Не без труда он поднял руку, отмахнулся.

– По слухам, меня то и дело убивали. Врагам нравилось принимать желаемое за действительное. А где твой брат?

– Умер. – Лицо ее не дрогнуло.

– Жаль. Мальчик мне всегда нравился.

Лживая, бесхарактерная, подлая гнида – подумал он про себя.

– А ему всегда нравился ты.

Терпеть друг друга не могли, но какая теперь разница?..

– Если бы его сестра относилась ко мне получше, все могло бы быть по-другому.

– Нет смысла говорить о том, что могло бы быть. Нам обоим... есть в чем раскаяться.

Долгое мгновение они смотрели друг на друга молча. Она – сверху, он – снизу, стоя на коленях. Не так ему представлялась некогда эта встреча.

– Раскаяние... Издержки профессии, как говаривал Сазин.

– Возможно, нам стоит позабыть о прошлом.

– Я и вчерашнего-то дня не помню, – соврал Коска. Прошлое давило на него, как доспехи великана.

– Жить будущим в таком случае. У меня есть работа для тебя. Надеюсь, не откажешься?

– Что за работа?

– Сражаться.

Коска поморщился.

– До сих пор не можешь жить без сражений? Что я говорил тебе, и не раз? Наемнику не должно быть никакого дела до этого вздора.

– Меч – для бряцания, не для драки.

– Узнаю свою девочку. Мне тебя не хватало, – ляпнул он, не успев подумать, закашлялся, заглушая стыд, и чуть не выкашлял легкие.

– Помоги ему, Балагур.

Пока они разговаривали, откуда-то незаметно появился еще и мужчина. Невысокий, но крепкого сложения и недюжинной силы, судя по тому, как легко он подхватил Коску и поставил на ноги.

– Сильная рука и доброе сердце, – промычал тот, борясь с очередным приступом тошноты. – Ваше имя Балагур? Вы филантроп?

– Преступник.

– Не вижу причины, по которой нельзя быть обоими сразу. В любом случае примите мою благодарность. Если вы еще укажете, в какой стороне таверна...

– Тавернам тебя придется подождать, – сказала Витари. – От чего виноторговцы, условно, понесут большие убытки. Сопровождение начнется через неделю, и ты нам нужен трезвым.

– Трезвым я больше не бываю. Это вредно. Мне послышалось, кто-то сказал «сопровождение»?

В глазах Монцы, устремленных на него, по-прежнему застыло разочарование.

– Мне нужен надежный человек. Отважный и опытный. Который не прочь схлестнуться с герцогом Орсо. – Губы ее дрогнули. – Лучше тебя для этого никого за такой короткий срок не найти.

Туманная улица накренилась, Коска ухватился за Балагура.

– Что у меня есть из твоего списка? Опыт?

– Хватит и того, если человек нуждается в деньгах. А ты в них очень нуждаешься, не так ли, старик?

– Да, будь я проклят. Но больше в стаканчике.

– Сделаешь свое дело, там посмотрим.

– Согласен. – Он вдруг обнаружил, что стоит выпрямившись, гордо задрав подбородок, и смотрит на Монцу сверху вниз. – Мы должны заключить договор о найме – точно, как раньше делалось. Писанный круговым письмом, с перечислением всего снаряжения, какие составлял Саджам. Расписаться красными чернилами... да, кстати... где нам взять нотариуса среди ночи?

– Не волнуйся. Я поверю тебе на слово.

– Такого мне, пожалуй, еще никто не говорил во всей Стирии. Но как хочешь. – Коска решительно взмахнул рукой. – За мной, друзья, и постарайтесь не отставать. – Он отважно шагнул вперед и вскрикнул, поскольку нога внезапно подвернулась.

Кто-то подхватил его.

– Не туда, – послышался спокойный, низкий голос Балагура.

Преступник развернул его в другую сторону и скорее понес, чем повел за собою.

– Вы благородный человек, – пробормотал Коска.

– Я убийца.

– Не вижу причины, по которой нельзя быть сразу обоими...

Коска с усилием сосредоточил взгляд на Витари, шедшей впереди, потом перевел его на угрюмое лицо Балагура. Странная компания. Сплошь неудачники. Люди, которые по большому счету никому не нужны. Взглянул на Монцу, чья стремительная походка, хорошо ему памятная, была подпорчена хромотой.

И все они не прочь схлестнуться с великим герцогом Орсо. Безумцы. Или люди, лишенные выбора. Кто же, в таком случае, он?

За ответом далеко ходить не пришлось. Нет причины, по которой нельзя быть сразу обоими.

В стороне

Нож опускался, легко касался точильного камня и вновь взлетал. На лезвии вспыхивал и угасал свет. Двадцать взмахов в одну сторону, двадцать в другую. В мире мало что бывает хуже тупого ножа и мало что лучше острого. Поэтому Балагур, проверив пальцем холодный шероховатый край, улыбнулся. Острый...

– Дом досуга Кардотти – купеческий особняк, – холодным, деловым голосом говорила Витари. – Деревянный, как большинство домов в Сипани. С трех сторон окружает внутренний двор. Позади дома – Восьмой канал.

В кухне при заброшенном товарном складе был установлен длинный стол, за которым сейчас сидели шестеро. Меркатто и Трясучка, Дэй и Морвир, Коска и Витари. На столе красовался деревянный макет дома, окружающего с трех сторон двор; по прикидкам Балагура – в одну тридцать шестую от величины настоящего Дома досуга Кардотти. Но прикидки вряд ли были точны, а неточность ему не нравилась.

Витари провела кончиком пальца по крошечным окошкам в стене дома.

– В цокольном этаже расположены кухни, кладовые, курильня и зал для игры в карты и кости.

Балагур прижал руку к карману, с приятным чувством нащупал собственные кости, приютившиеся на груди.

– Оттуда две лестницы в разных концах ведут наверх. На первом этаже – тринадцать комнат, где гости развлекаются...

– Сношаются, – сказал Коска. – Мы все здесь люди взрослые, так давайте называть вещи своими именами.

Его налитые кровью глаза метнулись к двум бутылкам вина, стоявшим на полке, и вернулись к собеседникам. Не в первый раз, как заметил Балагур.

Палец Витари двинулся в сторону крыши.

– На верхнем этаже – три больших номера для... спаривания самых дорогих гостей. Королевский номер, расположенный посередине, достоин, по слухам, императора.

– И Арио наверняка решит, что его он тоже достоин, – прорычала Меркатто.

Компания увеличилась с пяти до семи человек, поэтому две буханки хлеба Балагур, легко врезаясь острым лезвием в пыхающую мучной пылью корку, разделил на четырнадцать кусков. Всего – двадцать восемь, по четыре каждому. Меркатто столько не съесть, но с лишним управится Дэй. Балагур терпеть не мог недоеденных кусков.

– По словам Эйдер, гостей у Арио с Фоскаром будет три-четыре дюжины, кое-кто с оружием, но не любители драться. Еще шесть телохранителей.

– Она правду говорит? – спросил Трясучка с грубоватым северным акцентом.

– Нам лгать не станет. Но в дело всегда может вмешаться случай.

– На такую прорву народа... надо бы побольше бойцов.

– Убийц, – снова встрял Коска. – Назовем их своими именами.

– Человек двадцать, – раздался жесткий голос Меркатто, – да вы трое.

Двадцать три. Любопытное число. Балагур откинул крючок на печной дверце, со скрипом отворил ее, и в лицо дохнуло жаром. Двадцать три не делится ни на что, кроме единицы. Никаких дробей. Никаких полумер. Число, похожее на саму Меркатто. При помощи тряпок он вытянул из печи большой котелок. Числа не лгут. В отличие от людей.

– И как же мы сумеем незаметно провести туда двадцать человек?

– Ожидается пирушка, – сказала Витари. – С увеселениями. Которые мы и обеспечим.

– Увеселения?

– Мы в Сипани. Где каждый второй – лицедей или убийца. Думаю, не составит большого труда найти таких, кто будет и тем и другим одновременно.

Балагура держали в стороне от обсуждения, но он не имел ничего против. Саджам попросил его делать то, что скажет Меркатто. И только. Жизнь становится намного легче, когда не обращаешь внимания на несправедливое к себе отношение, это он понял давно. И сейчас главной его заботой было тушеное мясо.

Помешав свою стряпню деревянной ложкой, он попробовал ее и остался доволен. Оценил на сорок один из пятидесяти. Запах жаркого, вид курящегося над котелком пара, звук потрескивающих поленьев в печи – все это сладостно напоминало о Схроне. О тушеном мясе, овсяной каше и супах, которые готовили там огромными чанами. Давно, в те времена, когда над головой его нависал, защищая, огромный каменный массив, и числа складывались, и все имело смысл.

– Сперва Арио попьанствует, – сказала Меркатто, – поиграет в игры, покрасуется перед своими дружками-идиотами. Потом отправится в Королевский номер.

Потрескавшиеся губы Коски сложились в ухмылку.

– Где, как я понимаю, его будут поджидать женщины?

– Одна – черноволосая, другая – рыжая. – Меркатто обменялась твердым взглядом с Витари.

– Сюрприз, достойный императора, – хохотнул Коска.

– Когда Арио умрет, что произойдет быстро, мы заглянем в следующую дверь и нанесем визит того же рода Фоскару. – Меркатто перевела взгляд на Морвира. – Наверху, пока хозяева развлекаются, будут караулить стражники. Ими можете заняться вы с Дэй.

– Правда? – Отравитель оторвался на миг от созерцания своих ногтей. – Достойное применение для наших талантов, ничего не скажешь.

– Постарайтесь на этот раз не отравить полгорода. Братьев желательно убить, не привлекая ненужного внимания. Но если что-то пойдет не так... за дело примутся лицедеи.

Старый наемник ткнул трясущимся пальцем в макет.

– Занимаем сначала двор, потом игорный зал и курильню, потом лестницы. Гостей окружаем и разоружаем. Со всей вежливостью, разумеется, и деликатностью. Просто придерживаем.

– Придерживаем. – Меркатто постучала по столешнице обтянутым перчаткой указательным пальцем. – Хочу, чтобы все вы накрепко вбили это слово себе в головы. Мы убиваем Арио, убиваем Фоскара. Возникнут затруднения – разбирайтесь с ними должным образом, но лишней крови старайтесь не проливать.хлопот нам потом и без того хватит. Все понятно?

Коска прочистил горло.

– Думаю, стаканчик помог бы мне уложить это в...

– Понятно, – перебил Трясучка. – Гостей придерживать, обходиться без лишней крови.

– Два убийства. – Балагур поставил котелок на середину стола. – Одно и еще одно, и все. Еда готова.

Он начал раскладывать жаркое по тарелкам, мечтая убедиться, что каждому досталось одинаковое количество кусочков мяса. И лука, и моркови. И одинаковое количество бобов. Но, пока он их сосчитает, еда остынет. К тому же Балагур знал, что такая точность многих раздражает. В Схроне как-то раз началась даже массовая драка, и Балагур убил двоих, а третьему отрезал руку. Сейчас ему не хотелось убивать. Хотелось есть. Поэтому он удовлетворился, выдав каждому одинаковое количество черпаков, и ощущение беспокойства его покинуло.

– Вкусно, – набив рот, прочавкала Дэй. – Потрясающе. А еще дадут?

– Где вы научились готовить, мой друг? – спросил Коска.

– В Схроне. Провел три года на кухне. Человек, который меня учил, был главным поваром герцога Борлетты.

– За что он попал в тюрьму?

– Убил жену. Разрубил ее на части, приготовил жаркое и съел.

За столом воцарилась тишина.

Нарушил ее Коска, откашлявшись:

– Надеюсь, в этом жарком нет ничьей жены?

– Мясник сказал – баранина, и я ему верю. – Балагур поднял вилку. – Человечину так дешево не продают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.